

Сергей Масликов

**ТЮРЕМНЫЕ
ЗАПИСКИ
АСТРОНОМА**

Сергей Масликов. Тюремные записки астронома

За что мог получить взятку директор Большого новосибирского планетария? В феврале 2018 года, после ареста Сергея Масликова, высказывалось много предположений на этот счёт. Люди недоумевали: продавал звёзды с неба? изменил орбиту Земли? ... Но звёзды оказались ни при чем. Взяткой следствие назвало деньги, полученные от сдачи оборудования в аренду. Почему обвинение оказалось несостоятельным и как работники прокуратуры спасали свои мундиры – об этом читатель узнает из первых уст.

Основой книги стал дневник автора, который он начал вести, попав за решётку. Директор планетария сам рассказывает о неожиданном повороте своей судьбы, о том, как он организовывал свою жизнь в тюремных условиях, и делится своими размышлениями о незащищённости простого человека перед силовыми ведомствами. Он рассказывает и о недругах, поспособствовавших его преследованию, и о настоящих друзьях, которые вместе с ним прошли испытания. История длится целых четыре года и заканчивается достаточно нестандартно.

Оглавление

ЧАСТЬ 1	3
С чего всё началось	4
Арест	10
Первая встреча с судьёй	16
Этап в СИЗО	29
СИЗО – переезд в новый корпус	43
Из-за решётки под домашний арест	63
Суд разрешает прогулки	73
Вторая встреча с «любимой» судьёй	81
Арест снят	91
Новый поворот дела – я снова взяточник	102
Расследование завершено	118
«Настоящий» суд	127
Суд выходит на финишную прямую	131
ЧАСТЬ 2	140
БЛАГОДАРНОСТИ	147
Друзья, выступившие в поддержку или положительно охарактеризовавшие С. Ю. Масликова после его ареста	147
ПРИЛОЖЕНИЕ 1: Хронология событий	150
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Избранные публикации	151
Как директор новосибирского планетария создал научный музей: с чего начиналось «дело Масликова»	151
Взятки планетарного масштаба	155
«Преступные» расходы государства	157
ОБ АВТОРЕ	159

ЧАСТЬ 1

Эти строки я начал печатать на компьютере в мае 2018 года, находясь под домашним арестом. Два месяца до этого – февраль и март я провёл в СИЗО, где компьютеров нет, и я вёл рукописный дневник. Эти ежедневные записи помогали мне выживать. Я выплёскивал на бумагу мысли, которые бушевали в моей голове. Мысли, которые были для меня чрезвычайно важны. Мысли, подумать над которыми раньше было некогда. Мне давно была известна народная мудрость: «От тюрьмы, да от сумы – не зарекайся». Однако никогда не думал, что для меня она станет реальностью. Как оказалось, жизнь может перевернуться в один миг: сегодня ты законопослушный гражданин, а завтра – раз-два, и по чьему-то желанию превращаешься в преступника.

Я пишу эти строки, ещё не зная, каков будет финал моей истории. Но финал обязательно будет. Маховик уголовного дела не только запущен, но и набрал обороты. Меня обвиняют по статье, за которую мне грозит от 7 до 12 лет заключения. Возможны два крайних варианта развития событий. Первый – меня надолго упрячут за решётку. Второй – я буду оправдан. Между ними лежат множество промежуточных вариантов – от нуля до семи лет или условный срок. Я могу только мечтать о том, что срок будет небольшой. Силы слишком неравны, и обвинение всеми силами тащит меня к первому варианту. Развязка пока ещё далеко и точка в этой истории будет поставлена не скоро.

Так уж совпало, что осенью 2017 года я начал работать над биографией одного из первых новосибирских астрономов: Иван Наумович Язев преподавал в ВУЗах города с 1938 по 1948 год. Но научная карьера и работа Язева резко оборвались – его обвинили в политических преступлениях 25-летней давности и вспомнили его аресты. Восьмого февраля 2018 года в Новосибирск из Иркутска должен был прилететь внук Язева, тоже астроном. Он приготовил важные документы из жизни своего деда, чтобы я мог продолжить работу над книгой. Но за три дня до его прилёта, пятого февраля я был арестован и оказался за решёткой. А с документами смог ознакомиться только через два месяца, выйдя под домашний арест. Теперь я глубоко почувствовал, что моя жизнь каким-то таинственным образом связана с судьбой этого педагога и учёного из прошлого. Не такого уж и далёкого прошлого. Ранее выпущенная небольшая книжка, рассказывающая про тернистый путь Ивана Наумовича Язева, называется «Риск прямого восхождения»¹. По прошествии некоторого времени мне стало казаться, что её название подходит и к описанию моих злоключений.

С чего всё началось

Всегда сложно выбрать точку отсчета. Любое событие вытекает из каких-то других, более ранних. Но не буду начинать от печки. Начну свою историю с момента, когда эта история буквально ворвалась в мою жизнь. 17 января 2018 года был обычный рабочий день, среда. Только недавно в планетарии закончились шумные и хлопотные новогодние представления для детей. Наступило затишье. Можно было выдохнуть и спокойно подумать о планах на текущий год. Этому способствовало и место, которое я выбрал себе для кабинета – на втором этаже, подальше от повседневной суеты. И тут мне сообщают, что в планетарий прибыла проверка. Ну что ж. Проверками нас не удивишь. То пожарники, то санэпиднадзор, а то и прокуратура. Непонятные люди вручили нам предписание, в котором был перечислен целый пакет возможных нарушений. Сначала они взялись за «мёртвые души», то есть людей, которые могли числиться в таблице, но не работать. Второе обвинение показалось немного смешным – дескать, вы тут проводите банкеты. Сразу стало понятно, откуда дует ветер. Позже расскажу об этом. Действительно, не так давно коллектив планетария отмечал Новый год. Ну и что из того? В чём заключается преступление? (К счастью, корпоратив с

¹ Ибрагимов З. Риск прямого восхождения. Земные истории астронома Язева: документальная повесть. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2006.

участием работников мэрии был уже недоступен в системе видеонаблюдения – прошло более 20 дней. Хотя и в этом не было ничего преступного). Третье обвинение выглядело вообще абстрактно – неправильное оформление неких договоров. Я ощущал, что на меня накатывается какая-то тёмная волна. Вспомнились неявные знаки, которые предвещали наступление этих событий. Я к ним, конечно, не прислушивался, не придавал значения. Считал, что делаю своё дело хорошо, оно достаточно важное и положительно воспринимается руководителями города, так что бояться нечего. Серьёзных нарушений закона за собой я не видел. А мелкие есть всегда.

Новый новосибирский планетарий построен в 2011 году, когда отмечалось 50-летие полёта в космос Юрия Гагарина. Деньги на его строительство выделил федеральный бюджет. Часто планетарий называют Большим новосибирским, поскольку в городе есть ещё один планетарий в геодезическом вузе. Мэрия Новосибирска предложила мне возглавить новое учреждение, что я после некоторых колебаний и сделал.

Особенность новосибирского планетария в том, что его прописали в городском департаменте образования. Планетарий стал учреждением дополнительного образования детей. Здесь организованы различные кружки, которые работают бесплатно, программы под куполом звёздного зала школьники также посещают бесплатно. Для публики организованы платные сеансы по вечерам и в выходные дни. При планетарии работают: обсерватория, башня Фуко, научный музей, имеется кафетерий, парковая зона с познавательными сооружениями и тренажёрами, колесо обозрения, детский городок... Все это удалось организовать за шесть прошедших лет. Планетарии в других городах по большей части находятся в ведении культуры.

Но всё это было неинтересно людям, нагрянувшим к нам в этот день. Примерно через час они добрались до второго этажа и явились в мой кабинет. К этому времени я уже сообразил, что это далеко не рядовая проверка. Работали оперативники из отдела полиции. И они пришли не просто так. Они что-то ищут. Наверное, до их прихода в мой кабинет можно было что-то почистить в компьютере, предпринять еще какие-то действия, чтобы не дать им никаких зацепок. Но я даже не подумал сделать это. Во-первых, я не знал, что им нужно. Во-вторых, был уверен в собственной невиновности. Я – не преступник, чтобы пытаться замести какие-то следы. Оперативник долго рылся в моем компьютере.

Его помощник нашёл в открытом сейфе конверт с семью тысячами рублей и приходными квитанциями форума «СибАстро»¹, долго переключивал его с места на место, видимо оценивая тяжесть улики, потом всё же оставил на столе. Но папку с документами некоммерческой организации изъяли. Я был по совместительству руководителем этой организации. Забрали ещё несколько документов, среди них – расписка в том, что я уплатил 60 тысяч рублей за астрономический прибор – универсал

¹ Сибирский астрономический форум «СибАстро» проводится в Новосибирске каждый сентябрь, начиная с 2006 года. Автор – один из организаторов этого форума.

АУ-01. Конечно, теперь я понимаю, что нужно было делать копии изъятых материалов, я имел на это полное право, но в голове тогда был полный хаос.

Вспомнилось, что ещё в июне прошлого года в планетарий пришла странная бумага из отделения полиции. Предлагалось подать им список всех сотрудников с должностями и контактными данными. Я написал тогда на этой бумаге – «что за бред?» – и передал своему помощнику Александру для выяснения. Теперь, задним числом стало понятно, что это было первым предупреждением. Одновременно оперативники рассылали письма партнёрам планетария, пытаюсь накопать компромат на меня. Через несколько дней после обыска один из партнёров позвонит мне и даже пришлёт копию запроса. Из этого письма я узнаю точную дату открытия моего дела – 21 июля 2017 года. Значит, начиная с того времени, в течение полугода за мной велось наблюдение. Бр-р-р, даже противно об этом думать.

Меня «разрабатывали» сотрудники ОЭБ и ПК¹ (раньше называемом ОБЭП) отделения полиции № 6 Октябрьского района города Новосибирска. Но я все же недооценивал серьёзность их намерений. Самое страшное я узнал на следующий день. Через одного из сотрудников планетария позвонил знакомый мне парень. Вскоре мы встретились в кафе на площади Калинина с соблюдением, как нам казалось, конспирации. Мы не подумали лишь о том, что кафе тоже снабжено камерами видеонаблюдения.

Друг рассказал мне нечто такое, что я посчитал полной дичью. Это не укладывалось в моей голове. Он рассказал, как его задержали на улице и увезли в отдел, где долго допрашивали и запугивали, вынуждая написать донос на меня. Парень этот – обычный человек, который ничего дурного не имел против меня, мы с дружеским участием относились друг к другу, обсуждая при редких встречах вопросы сотрудничества. У него есть семья, ребёнок, бизнес. Поэтому он не хотел оказаться за решёткой. А именно этим его страшали. В результате он подписал то, что от него требовали – якобы он лично дал мне взятку. Хотя дело заключалось совсем в другом – он брал в планетарии в аренду кинокамеру для съёмки и просто оплачивал эту аренду. Эти деньги оперативники, руководствуясь своей извращённой логикой, решили назвать взяткой. Конечно, показания этого парня можно было бы назвать подлыми. Но мы не знаем, как каждый из нас поведёт себя в той или иной экстремальной ситуации, поэтому и не можем осуждать других. Я благодарен моему другу за то, что после пережитого потрясения он нашёл в себе мужество сообщить мне о произошедшем.

Мой разум упорно отвергает факты. Внутренний голос твердит, что этого не может быть. Голова из-за этого кипит. Как можно практически невинные действия представлять таким серьёзным преступлением? Ведь взятка в моем понимании – серьёзное коррупционное преступление. Взятки берут, чтобы поиметь какую-то личную выгоду. У меня все деньги от аренды возвращались в планетарий. Другой голос мне говорит, что «они» способны на все, и с такими обвинениями мне не избежать

¹ ОЭБ и ПК – Отдел по экономической безопасности и противодействию коррупции.

«самого плохого». Нужно готовиться к аресту. Я начал срочно искать адвоката и скоро мне рекомендовали Юрия.

В пятницу я ждал его звонка, чтобы договориться о встрече. Звонок действительно прозвучал. Я услышал незнакомый голос:

– Не могли бы Вы приехать на встречу в понедельник во столько-то часов по такому-то адресу?

Я посчитал, что это адвокат, и недоуменно спросил:

– Почему в понедельник? Нельзя ли сегодня?

Оказывается, это был оперативник, который вызывал меня на допрос. Он, замявшись, виновато ответил:

– Извините, сегодня всё время занято.

Ну а начальству, видимо, доложил, что подозреваемый сам рвётся на допрос. А с адвокатом мы встретились вечером у него в офисе.

Удивительно, но следствие дало мне почти три недели, чтобы я мог доделать незавершённые дела, подготовить нужные документы по тем обвинениям, о которых я узнал, сходить на исповедь. Откуда такая нерешительность со стороны следствия?

И вот я приехал на свой первый допрос в ОБЭП Октябрьского района. Обшарпанный коридор, заваленные бумагами кабинеты. Видно, что людям здесь не до собственных удобств, они неустанно борются с преступностью. Для разминки мне без протокола набросали малозначащие вопросы. Среди них промелькнул такой, который мог исходить только от хорошо информированного сотрудника планетария. Почему мы очень долго рассчитывались с Донецким планетарием за купленный у них фильм? Это было года два или три назад. Тогда мы действительно испытывали трудности с оплатой. Но рассчитались же! Я пытаюсь было объяснить причины тогдашней задержки, но понимаю, что на самом деле это никого здесь не интересует. Они просто хотят показать глубину своей информированности.

Сейчас их интересуют только полученные мной «взятки». К этому вопросу я подготовился. Дело было в том, что я как директор планетария имел право управлять вверенным мне муниципальным имуществом. Но процедура сдачи его в аренду от имени муниципального учреждения (МКУ) было нереально сложной. Можно сказать, даже невозможной на практике. Поэтому я действовал от имени автономной некоммерческой организации «Новосибирский планетарий» (АНО). Я объяснил оперативникам, что эта организация заключила договор о сотрудничестве с МКУ и на основании этого договора сдавала оборудование третьим лицам. В договоре было прописано, что все вырученные средства шли на нужды планетария. И я действительно предоставил список расходов на сумму 540 тысяч рублей. Мне казалось, что предоставленные мной документы полностью доказывают мою невиновность и закрывают вопрос.

Реакция оперативников оказалась странной:

– Ну и что?

Они по-своему смотрели на ситуацию и утверждали, что все деньги, полученные за аренду, не что иное, как взятки. А то, как я их потратил, не играет никакой роли.

– Вот и люди дают свои показания.

Это о допросе того самого парня.

– А не думали ли Вы, что за это можно оказаться за решёткой? Не пора ли чистосердечно признаться?

Всё это происходило при адвокате, который время от времени осаживал этих нахрапистых парней, пытающихся вывести меня из равновесия перекрёстным допросом. Можно представить, что они позволяют себе, когда допрос идёт без свидетелей.

В конце концов, оперативник с кислой миной внёс мой список в протокол допроса. Теперь у них появилась трудоёмкая работа – проверять мою информацию (а так хотелось обтяпать всё по-быстрому). На следующий день начались допросы сотрудников планетария по этому списку. Я знал, что там нет ничего лишнего, поэтому был спокоен. Конечно настолько, насколько это было возможно в данной ситуации. Люди не железные и в состоянии волнения могут брякнуть всё что угодно.

После допроса я жил в двух параллельных реальностях. Одна из этих реальностей говорила о неизбежности ареста, другая подпитывала мысль о том, что «государевы» люди разберутся и не допустят несправедливости. Я был пока ещё свободен, продолжал жить обычной жизнью, ездил на работу. Но общение по телефону я ограничил, как на работе, так и дома. Было ясно, что все мои шаги – под наблюдением. Это было до того неприятно, что я предпочитал вообще не включать свой телефон и не вести никаких разговоров в своём кабинете. Мне было плевать на то, что мои преследователи могли посчитать звонки с чужих телефонов желанием что-то скрыть от них.

Некоторые свои планы пришлось корректировать. Так, 12-13 февраля должна была состояться конференция в Музее Востока в Москве, который в этом году отмечает своё столетие. Там был заявлен мой доклад об астролябии, хранящейся в этом музее. Вряд ли теперь мне позволят уехать. То же самое относится и к Школе лекторов, которая состоится в Московском планетарии в конце февраля. Я планировал представить коллегам сценарий нового фильма о том, как измеряли Землю. Хотелось, прежде чем браться за съёмку фильма по этому сценарию, посоветоваться с опытными товарищами.

Сотрудники планетария рассказывали мне о своих допросах. И многие поставленные оперативниками вопросы мне казались тогда непонятными. То вдруг всплывали вопросы ремонта территории, то проведения банкетов, взаимоотношений в коллективе. Казалось, что оперативники ищут зацепку, за которую можно крепче уцепиться. Несколько вопросов были такими, что я посчитал необходимым доложить о них своему непосредственному руководителю в мэрии. Но при этом опять же, не забывая о

конспирации. Самый коварный вопрос записал на листке бумаги. Мой руководитель спокойно отнёсся к претензиям этих ребят. Рассказал мне в свою очередь о том, что оперативники пообещали – если не будут установлены факты присвоения средств, то уголовное дело они не будут возбуждать. Это немного успокоило. Тогда я ещё не знал, что верить словам этих людей нельзя.

Я не могу считать себя абсолютно безгрешным человеком. Знаю, что не раз за свою долгую жизнь поступал не по букве закона. Особенно в 90-е годы. Да и сейчас, если следовать строго по закону, я мог сдавать оборудование в аренду только с разрешения мэрии. Сделав это без одобрения свыше, даже в благих целях, я совершил нарушение. Хотя я сам не считал это нарушение серьёзным. Ведь все получили выгоду. Те, кто брал оборудование – выполнили свои съёмки за умеренные деньги. Планетарий получил на эти средства новое имущество или решил какие-то острые проблемы. Но ведь следствие рассматривает это нарушение под своим искажённым углом – оно усматривает здесь взят-ку! Это казалось дикостью, каким-то сюрреализмом. Мне грозит суровейшее наказание, совершенно несоизмеренное содеянному. Моим преследователям я нужен только как преступник!

Для того, чтобы укрепить свою позицию, мне нужно успеть сделать одно важное дело. Оборудование, которое я приобретал для планетария, не было поставлено на балансовый учёт. То есть само оборудование уже давно находилось в стенах учреждения, им успешно пользовались, но по бухгалтерии оно не проходило. Это был серьёзный косяк бухгалтера и мой собственный. Сами оперативники ткнули меня носом в данный факт. Для исправления ситуации срочно готовлю документ о безвозмездной передаче имущества от автономной организации АНО в муниципальное МКУ. Я руковожу и той, и другой. У меня один бухгалтер на обе организации.

Имущество находится в разных отделах, поэтому его должны принять руководители отделов. Разыскиваю их всех в выходной день, так как в понедельник может быть уже поздно. Для соблюдения конспирации звоню с чужих телефонов. В результате в понедельник бухгалтерия ставит всё имущество на баланс, проблема закрыта. Уф-ф-ф! Поскольку планетарий полностью принадлежит мэрии, то и новое имущество стало городским. Весь ущерб от сдачи оборудования (как это звучит в устах оперативников) возмещён. Конечно, всё это нужно было делать задолго до того, как жареный петух клюнул, но это всего лишь просчёт в работе, а никакого не преступление. Никакого злого умысла здесь не было. Но теперь все чисто, у меня есть нужная бумага. Этот документ привёл моих преследователей в ярость. Вопрос о нём потом не раз всплывал на допросах и очных ставках.

Это были тревожные дни. Вся моя семья ощущала это. За два дня до ареста сын неожиданно включил на телевизоре фильм, который сразу увлёк меня. Рассказывалась история про американского бегуна, который принимал участие в Олимпийских играх 1936 года. Во время войны бегун стал лётчиком. И вот он попадает в плен, а его главным тюремщиком становится японец, с которым он встречался раньше на беговой дорожке. Теперь тот издевается над ним. Фильм имел многоговорящее в моей ситуации

название – «Несломленный». Специально или случайно мой 16-летний сын укрепил мой дух таким образом – остаётся загадкой.

За день до ареста, в воскресенье, я с семьей отправился в Заельцовский Бор. Мы с дочерью катались с горки на «ватрушке», а потом – на коньках. В помещении проката я вдруг столкнулся с тем самым парнем, который написал на меня заявление. Он был с дочкой. Для него эта встреча тоже оказалась неожиданной. На его сумбурный вопрос: «Как дела?» Я ответил: «Пока тихо». На следующий день я понял символизм этой встречи.

Арест

Понедельник, 5 февраля 2018 года, стал для меня и моей семьи роковым днём. Звонок в дверь раздался в семь часов утра. Жена уже была на ногах, она и разбудила меня. За дверью группа людей, среди которых слышен голос уже знакомого оперативника капитана Измайлова. Обыск. В кино такое видел часто, но со мной это впервые. Если не считать, конечно, обыск в планетарии. Это экстремальная ситуация для всей семьи. К счастью, дети уже взрослые и смогут понять происходящее правильно. Они в курсе папиной «истории». У входа несколько оперативников и двое понятых. В лицо мне тычут какой-то документ, в котором нужно расписаться. Все ведут себя вежливо, разуваяются у дверей.

Прямым ходом оперативники направляются в общую комнату. Решили начать с нее. Здесь стоит диван, напротив – телевизор на тумбочке. Полка с книгами. Больше здесь почти ничего нет. Позже я понял, что они целенаправленно начали рыться в тумбочке. Там хранились документы на квартиру нашего родственника, брата жены. Сам он постоянно живёт в одной южной республике, а в Новосибирске на всякий случай тоже имеет квартиру. Эти документы радостно изымаются. Оперативники не сомневаются, что это моя незаконно нажитая квартира.

Больше им у меня делать нечего. В комнаты к детям, которые собирались в школу, они даже не пошли. Зашли, видимо для порядка, в мою комнату, вяло просмотрели книги на полках, папки с бумагами... Ни печать автономной организации, ни чековая книжка, по которой я снимал деньги со счёта их не заинтересовали. Неожиданно раздаётся: «А это что за порошок тут у вас?». Сначала даже не доходит, что это просто глупая шутка одного из оперативников. Ноутбук они уже смотрели на работе. Заикнулись было про старый стационарный компьютер, где у нас хранятся фотоархивы, но, видимо, поняли, что это лишние хлопоты. Мне любезно предложили позавтракать на кухне в их присутствии, пока они составляли протокол.

- Только нож в руки не берите.

Ха-ха. Затем мне предложили пройти в машину, которая стояла в соседнем дворе.

Если следовать логике, понятно, что будет дальше. В этот момент нужно собирать вещи. Но я уверен в своей полной невиновности. Беру с собой только тысячу рублей. Смешно, но я надеюсь вернуться домой на такси. Мысли продолжают двигаться в

позитивном русле – всё ещё обойдётся. По дороге оперативники зачем-то задают странные вопросы: «А Вы в церковь ходите? А кто Вас предупредил?» Может быть, просто, чтобы разрядить обстановку? Или не уверены в своих действиях?

В кабинете следователь с четырьмя капитанскими звёздочками на погонах и со смешной фамилией Дереза, которая у меня в голове сразу складывается со словом «коза». Мне предлагается добровольно признаться в преступлении, то есть, во взятке. Мол, свидетели уже всё подтвердили. Требую адвоката (как это я видел в фильмах), на что следует незамедлительный ответ: «Ах, вы так?» и следователь достаёт из шкафа уже готовое постановление об аресте. Мне разрешают сделать один звонок. Я колеблюсь – жене или адвокату? Решаю, что важнее – адвокату Юрию. В этот момент он для меня как бог, я уповаю на его опыт и особенно – связи.

Даже в этот критический момент сознание пытается уйти от реальности: «Да ну, пугают. Что за абсурд?». Происходит раздвоение физического тела и сознания. Кажется, тело первым осознало что происходит. Оно реально испугалось. Приходится приложить усилие воли, чтобы унять мелкую дрожь в руках, не показать свою слабость. Перед тобой враги – они хотят разрушить твою жизнь. Сейчас ты можешь ответить им только спокойствием. Не поддаваться панике! Когда оперативники выводят меня в коридор, организм продолжает бунтовать – прошусь в туалет. Про себя отмечаю – окна в туалете нет, значит не сбежать. Меня продолжает потряхивать и тогда, когда оперативники везут меня в отделение полиции № 6. За что? Я не преступник! Следует жест милосердия с их стороны – по дороге предлагают написать жене СМС. Наивно пишу то, что мне сказал следователь – арестован на двое суток. Это звучит не так страшно. Уже в отделении полиции мне предлагают снять часы, оставить телефон, деньги, золотое обручальное кольцо, и даже ремень. Оперативники обещают всё это передать жене. Я набираю номер телефона жены и они уже сами объясняют ей это. Только через два месяца я узнал, что они сдержали своё слово.

Клетка в отделении полиции с лязгом захлопнулась. Я впервые в жизни оказываюсь в «обезьяннике». В голове роятся мысли, одна фантастичнее другой: «Вот сейчас раздастся телефонный звонок, и дежурный по отделению извинившись освободит меня». В кармане осталась мелочь, я выгребая её и складываю в уголок – она мне не понадобится. Может, какой бомж здесь окажется – подберёт.

Конечно, я много раз видел на экране телевизора, как происходит арест. Видел, как человек, только что бывший свободным, миг становится несвободным. У него на руках застёгиваются наручники или он оказывается за толстыми прутьями решётки. Я всегда думал, что арест – это справедливый акт возмездия, первый шаг к наказанию преступника. Только теперь, когда это коснулось меня лично, я понимаю, что арест – это глубоко несправедливая мера наказания. Мою вину ещё предстоит доказать следствию, а суду вынести приговор. Возможно, на это уйдут месяцы или годы, и, в конце концов я надеюсь, что смогу доказать свою невиновность. Поэтому арест – это глубокое надругательство над человеком.

Проходит час, другой, прибыл конвой, и наступило следующее потрясение – на меня впервые в жизни надевают наручники и ведут в автозак. Ещё пытаюсь вымученно улыбаться и смотреть по сторонам, но это уже ни к чему. Рядом с тобой не обычные люди, а исполнители чужой злой воли. Они не враги, им всё равно кто я, они просто выполняют свою работу. Пока мы едем, я – в отдельном тесном металлическом «стакане», есть время собрать мысли и успокоиться. Неистово читаю про себя «Отче наш». Но спокойствия не наступает. Меня трясет, от неподвижности мёрзнут ноги. Куда везут – не видно. Пытаюсь через узкую щель рассмотреть хоть что-нибудь, но ничего не получается. Слышны только голоса конвоиров, да разговоры арестованных из соседних отсеков.

В это время я совершенно не думал о том, что происходит в том мире, из которого меня выдернули. Все мысли были сосредоточены на себе несчастном. Мозг готов был взорваться от явной несправедливости. О том, что происходило в эти часы и дни на воле, я узнал лишь несколько месяцев спустя. Мой арест стал неожиданностью для всех, кто знал меня. А таких в городе немало. Первые дни ни сотрудники планетария, ни руководители в мэрии не знали как себя вести. Поначалу в группе планетария «ВКонтакте» дали было информацию о моём аресте, но потом по окрику сверху её удалили. Официальной информации не было целую неделю.

Тяжелее всего было, конечно, моей семье. Жена металась между адвокатом, который первые четыре дня тоже ничего не знал, и оперативниками, телефон которых у неё был. Никто не мог сказать ничего вразумительного. Какой-то оперативник после того, как меня увезли после суда в СИЗО, посоветовал Наташе поехать туда – «может быть, удастся увидеть мужа». Это было чистым издевательством, но растерянная женщина была готова ехать куда угодно. Кто-то посоветовал собирать деньги – без денег никто ничего не решит. Тут же откликнулась подруга из Томска – возьми, у меня есть накопления. Приехали друзья. Здесь же оказался Наташин брат, как раз в это время прилетевший издалека. Не все обладают даром успокоить. Кто-то неосторожным словом легко мог усилить панику. Но такие поползновения резко пресекал Антон Савельев: «Не слушай никого, Сергей ни в чем не виноват. Всё будет хорошо!» Так же, как и мне, находящемуся в изоляции, по эту сторону решётки ситуация не была более понятной.

Только через 8 месяцев я смог поговорить со своим главным бухгалтером. Оказывается, в этот же день и к ней нагрянули с обыском, причём ещё раньше, чем ко мне – в шесть часов утра. Возможно, у ретивых сыщиков было желание отправить её вслед за мной. Слава Богу, они этого не сделали. Женщина вообще была ни при чём. Жаль, что ей пришлось пережить такие неприятные моменты, как обыск и неоднократные допросы с пристрастием. Позже следствие пыталось не раз преподнести мне, что бухгалтер дала признательные показания, и у меня нет никаких шансов. Но я-то знал, что ей просто не в чем было признаваться. Всё, что она знала, знало к тому моменту и следствие из изъятых бухгалтерских документов автономной организации.

Меня доставили в ИВС – изолятор временного содержания. Конвой, собаки, команда «руки на стену», досмотр, потом «руки за спину» – всё это со мной впервые. Рядом – «коллеги» по несчастью. Их лица выразительны, можно сразу понять – кто здесь первый раз, а кто чувствует себя как дома. Некоторые тихо переговариваются, слышна тюремная лексика. Очередное унижение – обыск. Необходимо раздеться до трусов. Сотрудник прощупывает всю одежду, затем требует спустить трусы и присесть. Понимаю, что это стандартная процедура, так что безропотно подчиняюсь. Для собственного успокоения сравниваю это с осмотром у медика. Как мне рассказали позже, некоторые умельцы проносят в собственной прямой кишке запрещенные вещи, наркотики и даже телефоны. Здесь же у меня изъяли верхнюю одежду, которую я сам затолкал в ячейку с дверцей, такую же, как в магазинах – для сумок. Я ещё подумал – а где ключ от ячейки? Здесь ячейки не запирались. Теперь не нужно и шнурки на ботинках завязывать, поскольку их у меня забрали. Никто не объяснил зачем, можно подумать для того, чтобы не мог свести счёты с жизнью. В тот момент мне было не смешно.

Впервые в жизни мне отсканировали руки, причём очень тщательно на электронном сканере – каждый палец в отдельности на обеих руках. Номер статьи уголовного кодекса, по которой меня обвиняют – 290, часть 5, запомнил не сразу. Первый раз называю – кажется 190, чем вызываю удивление у сотрудника. Свою статью нужно знать чётко. Правила таковы: если сотрудник называет твою фамилию, нужно громко ответить – своё имя, отчество, дату рождения и номер статьи. Это происходит при всех и неоднократно, так что скрыть что-то здесь не получится. С номером моей статьи сюда, видимо, попадают редко. Поэтому следуют уточняющие вопросы. Несмотря ни на что, в голове, хотя теперь уже всё слабее, продолжает теплиться надежда – вот сейчас меня разыщет адвокат, они со следователем разберутся и прекратят это безобразие.

Но помощь не приходит, и меня по длинному коридору ведут в камеру. Сколько раз видел это в фильмах. Пока шёл, мысли забежали вперёд. За пару минут в голове быстро прокрутился сценарий моего поведения в камере. Ничего особо придумывать не нужно было, просто раньше я уже не раз обдумывал такую ситуацию, когда смотрел соответствующие фильмы. На угрозы и притеснения отвечать только спокойствием. Ни в коем случае не лебезить, т.е. не выполнять чьи-то указания. И только в крайнем случае, если будет совсем не вмоготу, драться невзирая ни на что. Хотя этого мне не приходилось делать со времён юности. Ну что ж, вспомним молодость, если понадобится. Я успел даже мысленно подбодрить себя – в драке главное не сила, а ярость. Её у меня сейчас хватает.

Шаг за железную дверь, которая с лязгом захлопывается позади, сродни первому шагу Нила Армстронга на лунную поверхность – впереди такая же неизвестность. В камере трое – два молодых парня, а третий в годах, пожалуй, даже постарше меня. Свободные нары – наверху. Занимаю своё место и уже после этого знакомлюсь. Есть хорошая новость – все сокамерники похожи на нормальных людей, но есть и плохая – я утопаю в облаке сигаретного дыма – все трое непрерывно курят. Мысленно прикидываю

шансы некурящего человека на выживание – они неутешительны. Пока же утыкаюсь в воротник кофты и дышу через него. Неужели придётся начать курить?

Как выглядит камера? Это примерно 20 квадратных метров с двумя двухъярусными кроватями. Имеется настенный шкаф, лавки и стол для приёма пищи. Всё металлическое, покрашенное тёмной краской, намертво прикреплено к полу и стенам. В противоположной от двери стороне находится окно. Подоконник – на высоте около полутора метров, так что видно только небо, да кусочек крыши какого-то склада. Окно абсолютно не вяжется со всей остальной обстановкой, потому что оно пластиковое. Оно такое же белое и безобидное, какое можно увидеть в любой квартире. И только обрамляющие его решётки расставляют всё по местам. За окном – наружная решётка, крупная, внутри – помельче, с ячейками сантиметров по шесть. Во внутренней сделана прорезь – решка, в которую можно просунуть руку, открыть или закрыть форточку. Ручки, правда, нет, но можно обойтись без неё.

Ложе кровати тоже сделано из железа. Металлический лист приварен по периметру к каркасу, и даже усилен в середине. Но каждый раз, когда на него ложится человек (особенно приличной комплекции), лист прогибается и издаёт смачный и громкий звук, похожий на выстрел. Это происходит и ночью при неосторожном повороте с боку на бок. Общение с внешним миром (его здесь представляет охрана) происходит через небольшое окошко, сделанное в двери на уровне пояса, это – кормушка. В двери же имеется глазок, через который охранник периодически (в зависимости от усердия) заглядывает в камеру. Имеется и видеочамера, прикрепленная под потолком.

Тюремный обед я уже не застал. Да и не до него было. Вечером в кормушку подали ужин. В лёгкий ступор ввела меня одноразовая посуда. Она хотя и является характерным признаком развитой цивилизации 21-го века, но в данные условия совершенно не вписывается. Во-первых, чашка была круглая, тогда как в камере господствовал кубизм – сплошные прямые углы. Во-вторых, она была чистая, в ней аккуратно лежала еда, и это напоминала столовую. Здесь в камере ничего чистого не

было! Впрочем, мои коллеги быстро расправлялись с едой и отправляли грязную посуду в мусорное ведро. К концу дня ведро наполнилось доверху. Мне было не до еды. Всё, что я смог употребить в этот свой первый день – это выпить стакан тёплого, слабо заваренного и чуть сладковатого чая.

Отхожее место, или «толчок», расположено в углу камеры, у входа, с одной стороны закрыто перегородкой высотой около метра. Вместо унитаза там находится так называемое «очко» – напольный унитаз. Очко закрыто самодельным запорным устройством – пластиковой бутылкой с водой, привязанной за верёвочку. Тот, кто отправляется справить нужду по-большому, заранее принимает меры от запаха – приоткрывает окно, пускает воду в раковине, да ещё и закуривает, если он курящий. Всё это для того, чтобы нейтрализовать своё публичное «выступление». Особенно эффективно использовать вату из матрасов, её едкий дым хорошо перебивает запахи. После посещения туалета, даже по-маленькому, обязательно нужно мыть руки. Это закон. Ни к чему в камере прикасаться «грязными» руками нельзя.

Вечером меня навещает следователь Дереза. Разговор явно неравный – я сижу в закрытой клетке, он в отдалении за столом. Моего адвоката снова нет. А ведь мы заранее заключили с ним соглашение. Господи, что же это такое? Где мой защитник? Он давно уже мог узнать, где я. Неужели дело так серьёзно, что его тоже запугали или каким-то другим образом отодвинули в сторону? Следователь привёл с собой женщину, государственного защитника. Он видит моё стрессовое состояние, видимо, оно его удовлетворяет, поэтому он даже проявляет некое милосердие (нет, наверное, просто обязан это сделать): «Вы можете поговорить с защитником наедине». Но о чём мне говорить с чужим человеком, которому я не могу довериться? Тем более, что и она советует не давать показания.

Следователь удовлетворён, быстро заполняет протокол. Здесь я совершил оплошность. В протоколе зафиксировано, что я отказался от показаний по статье 51, то есть по праву не свидетельствовать против себя. Нужно было записать, что я отказался из-за отсутствия своего адвоката. Затем Дереза, отпустив защитницу, предложил переговорить наедине. При этом, он даже намекнул, что завтра выпустит меня отсюда. Что ему нужно взамен? Думаю, только моё чистосердечное признание вины. Ну уж нет! С этим человеком я торговаться не буду! Злость распирает меня, но я только говорю, сдерживая себя: «Не сто́ит» и прошу конвоира увести меня в камеру. Я даже пытаюсь улыбнуться, но это вряд ли получилось.

В камере, на своём железном ложе раз за разом терзаю себя вопросом: «Как так? За что?» И вдруг из подсознания всплывает ответ: «Разве ты не хотел этого?» И тут меня как током ударило. Когда смотришь какой-нибудь военный фильм, мысленно переживаешь трудности главных героев. Да что там, даже глядя на бомжа на улице, понимаешь, что его жизнь – не сахар. В такие моменты я часто думал: «А как бы я сам вынес такие испытания? Смог бы преодолеть боль, голод, пытки, грязь, забвение родных, презрение коллег?» Каждый раз, представляя себя на месте этих людей, я мысленно преодолевал трудности. Теперь мои мысли материализовались, и мне

предоставлена возможность испытать себя уже не мысленно, но наяву. Ничего не остаётся, кроме как согласиться с самим собой. Да, действительно, я часто думал об этом. Лучше бы попридержал свои фантазии.

Первая встреча с судьёй

Расплата за моё дерзкое поведение по отношению к следователю наступила на следующий день. С утра под конвоем нас, несколько человек везут в суд Октябрьского района. Здесь, в небольшой камере, мы с молодым парнем, Володей, долго ожидаем своей очереди. Стены этой камеры сделаны рельефными, но всё равно, каждое более-менее ровное место исписано отзывами побывавших здесь бедолаг о своей судьбе, о вынесенном решении того или иного судьи. Как ни странно, встречаются и положительные отзывы. Например: «судья такая-то молодец, дала всего 5 лет по статье такой-то». Володя ведет себя чересчур вызывающе, выпрашивая сигарету у сотрудников – он из бывалых.

И вот меня в наручниках ведут по коридору в зал суда. Случайные посетители оглядываются, чтобы посмотреть на преступника. Опять всё как в кино – судья (позже узнал ее имя – Е. Н. Соколова) в чёрной мантии, прокурор в синей форме, следователь, преступник в клетке. Моего адвоката опять нет! Нет вообще ни одного знакомого лица! Я в полном отчаянии. Как смогли его не допустить до суда? Или его заставили отказаться от моей защиты? Все вокруг чужие, враги. Заявляю об этом судье, но мне опять предлагают государственного защитника, женщину, сидящую неподалёку от клетки. Всё проходит как по нотам. Запомнились только слова Дерезы: «За данное преступление предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более 10 лет!». Свет померк в моих глазах!

Совсем недавно осудили за взятку в два миллиона долларов министра Улюкаева. Меня обвиняют по той же статье – 290 часть 5. Улюкаеву дали восемь лет строгого режима. Причём решения суда он дождался под домашним арестом. Похоже, приписываемая мне «взятка» в 190 тысяч рублей (три тысячи долларов – это в семьсот раз меньше, чем у Улюкаева) оценивается более строго. Абсурдность ситуации никого не интересует. Всё будет так, как задумали эти люди. Чем обосновывает следователь необходимость моего содержания под стражей? Он заявляет о том, что я могу оказать давление на свидетелей, могу скрыться за границей, совершить новые «преступления». Последнее особенно смешно. У следователи свои доводы. Он применяет шоковую терапию, чтобы запугать подсудимого и вынудить его признать вину. В конце заседания я, конечно, говорю о том, что категорически не согласен с решением о заключении меня под стражу и даже отмечаю это в протоколе. Но на меня снова одевают наручники и ведут к моему «коллеге».

Нас привозят обратно в изолятор. Только сейчас понимаю, что весь день был без глотка воды, жадно припадаю к крану. Вокруг опять новые лица. Теперь они уже не так страшат, как это было первый раз. Все мы в одинаковом положении. Все – друзья по несчастью. Поэтому все достаточно доброжелательны друг к другу. Каждый по очереди

рассказывает о своей неудаче, приведшей его за решётку. Обычно истории простые и короткие как в фильме «Джентльмены удачи»: «Украл, выпил – в тюрьму!». Поэтому и я свою историю стараюсь подавать в максимально упрощённом виде. А то и вообще шучу: «Своровал несколько звёзд с неба». Отношение ко мне со стороны «коллег» уважительное. Прежде всего, из-за возраста. Основной контингент здесь – от 20 до 35 лет. За 40 – это уже большая редкость. Я со своими почти 60-ю годами для всех – глубокий старик. Поэтому иногда меня называют «батей».

Ну и во-вторых, должность «директор планетария» – тоже производит впечатление. В основном, из-за того, что мало кто знает, что это за заведение. За всё время моего заключения я встретил всего двух или трёх человек, которые посещали планетарий. Можно сделать вывод, что планетарий у преступников не популярен. Впрочем, думаю, так же, как оперный театр или филармония. Но зато теперь, после такого экзотического знакомства со мной, все готовы прийти в планетарий после освобождения. Вот такую рекламную компанию я здесь провёл. Иногда, когда моя легенда директора планетария мне надоедает, я прикидываюсь журналистом, который здесь, за решёткой, выполняет редакционное задание. Таких, как я узнал позже, называют инсайдерами. Даже телевизионную программу на эту тему придумали. Ну а как ещё можно написать правдивый репортаж из неволи, если самому не оказаться здесь?

Что касается моих сокамерников, кто-то из них вызывает жалость, кто-то сочувствие, кто-то безразличие. Вот Вячеслав, воровал с корешами металл с садовых участков. Наворовал на 30 тысяч рублей. Вот Алексей – своровал крутой сотовый телефон. Лишь некоторые из соседей были откровенно неприятны. От них я старался держаться подальше. Это, например, тихий и скромный на вид парень, который по пьяному делу убил ножом своего друга. Или пренебрежнейший барыга, торговец наркотиками, который никого не смущаясь, рыгал и испускал газы. К счастью, таких здесь было мало.

Искреннее сочувствие вызывает молодой и скромный парень, то ли узбек, то ли таджик, который сошёлся с русской несовершеннолетней девушкой. Как говорит он сам, они жили вместе больше года и уже родили ребенка. Родители девушки ничего не имели против, но против оказалась бабушка. Она и написала заявление в полицию. Ладно, хоть срок дали небольшой – всего 9 месяцев. Искреннее восхищение у всех вызвал парень по имени Паша, контрактник, который спал три дня подряд, поднимаясь только на приём пищи. Мы завидовали его крепкому и, как нам казалось, беззаботному сну.

И вот нас, таких разных, собрала судьба в этой камере. Там, в далёком прошлом, на воле мы были абсолютно далеки друг от друга. Каждый занимался своим делом или плёл преступление. Кто-то жил богато, кто-то бедно. Кто-то счастливо, кто-то – не очень. И вдруг, такая разношерстная публика оказалась в одной камере. Теперь хорошо видно, что мы на самом деле почти одинаковы. Каждый из нас вспоминает свой дом, жену, детей (у кого они есть), мечтает о хорошей еде и выпивке, мягкой кровати.

О чём думал я в эти первые ночи заключения? Да и не только ночи, ведь в моём распорядке были полные сутки. Иногда я общался с соседями, но чаще был наедине со своими мыслями. Я мало думал о прошлом. Даже своих родных и близких мне людей старался не пускать в воспоминания, хотя понимал, что беда у нас общая. Да, жене тоже сейчас не сладко. Но для меня было слишком тяжело думать о ней, ведь я не знал когда мы сможем встретиться. Через месяцы? Или через годы? Организм как бы включил механизм самозащиты и провёл где-то в голове красную линию – сюда нельзя! Но иногда мысли все же вклинивались в запретную зону. Тогда внутри поднималось возмущение, протест, сердце начинало колотиться сильнее, в голове шумело. И даже молитва в такой ситуации мало успокаивала. Я понимал, что такой внутренний шторм не доведёт до добра. Здоровье нужно было беречь, здесь о нём позаботиться будет некому. Поэтому я старался думать о будущем. Хотя и оно имело весьма туманные очертания, но как ни странно, думать о будущем было легче.

Я думал о том, на сколько лет меня посадят. Мысли о другом варианте, о том, что меня оправдают, загонял глубоко в подсознание. Надежда на освобождение – это хорошо, но готовиться нужно к худшему. Я надеялся, что цифра десять лет, прозвучавшая на суде из уст следователя, всё же завышена. За что? Рядом со мной убийца, которому светит столько же. И он, в отличие от меня, хотя бы знает, за что сидит.

Ну, допустим, судья снизойдёт и даст мне лет пять. К моменту выхода мне будет ещё не так много, можно будет успеть что-то сделать в этой жизни. Да и на зоне я не буду терять время даром. Я буду писать. Для этого нужны только бумага и ручка. Писать что-нибудь такое, что не потребует много источников и выхода в интернет. Писать о том, что мне хорошо знакомо. Как пользоваться телескопом, например. Или как наблюдать метеоры. Писать популярные статьи или даже книги. Даже если в них не будет особой нужды на воле. Важен будет сам процесс. Можно писать воспоминания – мне есть о чём вспомнить. Можно учить языки – французский или арабский, о чём раньше я время от времени мечтал.

Иногда сравнивал моё нынешнее испытание со службой в армии. Когда мне было 19 лет, я впервые в жизни испытал серьёзное ограничение своей свободы. Вспоминаю, как непросто было привыкнуть к режиму, дисциплине, питанию. Но тогда, в юности, я пошёл в армию добровольно, в надежде изменить свою жизнь. Срок был чётко определён – два года. А вот на этот раз никто не спросил о моём желании. Срок неизвестен. Но результат будет сопоставимый – жизнь моя после выхода отсюда вновь, как и тогда, серьёзно изменится.

Потом я разворачивал свои мысли в другую сторону и сравнивал своё положение с положением своих соседей по камере. Они, в основном, молодые парни, жизни не видели, образования почти никто из них не успел получить. У них не было любимой работы, которой можно отдаваться не за деньги, а из интереса. Они не путешествовали, не видели Эйфелеву башню. Возможно, не узнали ещё настоящей бездонной любви. У них нет детей, которые продолжают их жизнь. А они уже оказались в тюрьме. Это

значит, что вся жизнь у них поломана. Дальше по жизни им придётся идти с клеймом уголовного.

Моя ситуация выглядит гораздо позитивнее. У меня четверо детей и двое внуков, в которых продолжится моя жизнь. У меня есть любящая жена. Хотя сейчас я принёс ей горе, но она сможет позаботиться о наших детях. У меня много друзей, которые помнят меня и помогут моей семье. Я оставил свой след в истории как первый директор новосибирского планетария. Мне есть что вспомнить!

Часто мысленно возвращаюсь в 2011-й год. Тогда я стоял на перепутье. На приборостроительном заводе у меня была интересная и достаточно хорошо оплачиваемая работа – я занимался экспортом продукции. Время от времени ездил в командировки в разные страны, в том числе достаточно экзотические. В Новосибирске тем временем строился новый планетарий. Меня вызвали в мэрию и предложили стать его руководителем. Всю жизнь моя работа была так или иначе связана с астрономией, я имел опыт работы в двух планетариях, объехал с десятком планетариев в других странах, познакомился с их работой. Руководить планетарием – это значит следовать линии своей жизни. Конечно, смущала скромная зарплата директора муниципального учреждения. Поэтому решиться было нелегко, даже учитывая поддержку моей единственной. Жена всегда понимала, что главное, это не внешнее благополучие, а внутреннее спокойствие.

Мои колебания тогда разрешились подсказкой свыше. Неожиданно у меня, бывшего спортсмена, придерживающегося здорового образа жизни, прихватило сердце. Болезнь застала меня врасплох, и я оказался в больнице. Здесь у меня было достаточно времени, чтобы подумать о смысле жизни. Решение было принято в пользу планетария. Ему я отдал следующие шесть с половиной лет своей жизни (до ареста) и сделал на этом посту всё что мог.

Иногда с досадой я спрашивал себя – где они, эти люди, которые пригласили меня на эту работу? Ведь они до сих пор у власти, неужели не могут хотя бы вникнуть в ситуацию? Как-то повлиять на неё? Или хотя бы поддержать. Или все боятся, что нелепые обвинения в мой адрес могут замарать и их? В то же время я помнил недавний пример, когда следствие практически ни за что таскало бывшего губернатора Юрченко. Самого губернатора! Значит, эта контора действительно настолько могущественна, что власти боятся её.

Потом я начинал утешать себя. Как бы теперь ни старались следователи замарать меня, мой вклад в создание планетария и организацию астрономических форумов «СибАстро» останется в памяти, по крайней мере, друзей. Останутся написанные мной книги и статьи. Жизнь, лежащая за моими плечами, была насыщенной и полной. Мне нравилось каждое дело, которым я занимался. Не жалею ни о чём из того, что сделал. И в личной жизни, и в работе. Так чего мне здесь в тюрьме бояться? Абсолютно ничего! Всё моё останется со мной!

Думал ли я о том, кто стал причиной моего ареста? Да, думал, но без особой злости. Мне было временами даже жаль его – не будет ли его мучать совесть? Не изменится ли отношение людей к нему за такое «доброе» дело? Мысленно я даже оправдывал его – наверняка мой недоброжелатель не хотел такого кардинального результата. Он хотел лишь в очередной раз погрозить мне. За прошедшие годы такие «наезды» стали для меня уже привычными. Они начались с того момента, когда стало известно о моем назначении на пост директора планетария. До этого мы были в приятельских отношениях и имели много общих интересов.

Самая первая кляуза была написана, когда я ещё ничего не успел сделать. Но в ней уже были собраны некоторые сведения из моей прошлой биографии, которые по мысли автора письма должны были компрометировать меня. Самым страшным обвинением было то, что в 90-е годы я занимался астрологией. С улыбкой вспоминаю, как в мэрии пытались понять, в чём же всё-таки заключается моя вина? Что такого я натворил в бурные 90-е? Не понятно. Но заместитель мэра на всякий случай сказал, чтобы больше астрологией ни-ни. Затем письма регулярно, по крайней мере, раз в год, поступали поочередно – в адрес руководителей города, области, в адрес известных учёных и астрономов, печатались на интернет-форумах и даже в одной местной газете. Сначала они обрастали деталями из жизни планетария, полученными через третьих лиц. Но последние годы просто раз за разом переписывались.

Иногда мой недоброжелатель находил союзников и тогда письма шли от их имени. Один или двое из этих людей были зависимы от него, ещё один был когда-то его учеником и до сих пор боготворил его, а ещё один просто хорошо относился к нему и поддавался на уговоры. Был и такой человек, который действовал по принципу «враг моего врага – мой друг» и при любой возможности старался обострить ситуацию. Эгоцентристы, считающие свою точку зрения единственно правильной, есть во многих профессиональных группах. Иногда давление оппонентов бывает даже полезным, поскольку постоянно держит противоположную сторону в тонусе, подстёгивая её активность и не давая остановиться на достигнутом. Это если критика конструктивная. В нашем случае, увы, она не была такой. Реальное состояние дел в планетарии оппонент даже не пытался узнать, а просто всё подряд поливал чёрной краской.

Об этих наездах в Новосибирске знали многие. Все понимали абсурдность обвинений, изложенных в очередном «письме». А руководители, к которым попадали эти письма, просто спускали дело на тормозах из уважения к сединам автора и его прошлым заслугам. Однажды он даже получил весьма почётное звание, подкрепленное серьёзными выплатами, лишь бы оставил планетарий в покое. Но он и тогда не угомонился.

На этот раз очередное письмо, видимо, попало на нужную почву. А может кто-то помог обозначить важность этого письма? Поэтому я злился только на тех, кто поверил путаной многостраничной писанине «уважаемого человека» и запустил репрессивную машину. Понятно, что имя автора этого письма мне никто не назовёт, но всё было понятно по вопросам оперативников.

В ИВСе я провёл в общей сложности 10 дней. Здесь держат подозреваемых, которых попридержало следствие для того, чтобы допросить их, организовать очную ставку или предъявить обвинение. Для всех задержанных это самые тяжёлые дни. Не из-за условий содержания, нет. Хотя они неподготовленному человеку покажутся ужасными. Но прежде всего, из-за полной информационной блокады. Поэтому приход следователя или адвоката – это всегда праздник. Можно узнать хоть что-то.

Когда на четвёртый день заключения впервые пришёл мой адвокат Юрий, я смотрел на него как на пришельца из другого мира, как на архангела, спустившегося с небес, который хоть и не вытащит меня отсюда, но пожалеет и обнадёжит. Он спрашивал меня о том, написал ли я апелляцию на решение суда, а я тогда даже не понимал о чём идёт речь. Сыграла свою роль и моя юридическая безграмотность и шоковое состояние. Я действительно заявил в суде, что буду подавать апелляцию, но на самом деле не написал её. Да и не мог этого сделать чисто физически, не имея ни бумаги, ни ручки. Во время встречи я вожделенно смотрю на авторучку Юрия. Она очень дорогая и большая, такую здесь не пропустят, так что я даже не спрашиваю.

Как я узнал позднее, апелляция в вышестоящий суд, а именно – в Областной, мало что даёт. Областной суд в 99% оставляет в силе решение районного суда. Нужна очень веская причина, чтобы попасть в 1% счастливых, у которых апелляцию удовлетворят. Факт остаётся фактом – апелляцию я не подал. Позднее, уже в СИЗО, по рекомендации Юрия я подал апелляцию на восстановление пропущенного срока подачи апелляции. Но, естественно, она была безрезультатной. Вот такими были первые шаги по ликвидации моей юридической безграмотности. А ведь можно было всё это узнать заранее и подготовиться... Кто б знал.

Через неделю после ареста, 12 февраля следователь А. А. Дереза прибыл в ИВС в сопровождении адвоката Юрия для того, чтобы предъявить мне официальное обвинение. Попутно он проводит допрос. Как я узнал позже, в этот же день следственный комитет разродился новостью обо мне на своём официальном сайте и в тот же день состоялось выступление двух представителей прокуратуры Новосибирской области¹ на радио «Комсомольская правда». Они, как и положено, клеймили меня как отъявленного коррупционера, а также радостно сообщили, что Масликов свой арест не опротестовал. Пусть все думают, что Масликов был согласен со своим арестом. После этого выступления мои друзья окончательно убедились, что происходит несправедливость и начали собирать письма в мою поддержку.

Особенно активно этим занимались женщины – сотрудницы планетария. Они не остались равнодушны, разыскивали адреса учёных, космонавтов, которые приезжали к нам в планетарий или на форум «СибАстро», всех, кто знал меня лично. Рассказывали им о моей ситуации, просили написать письмо поддержки. Без этой помощи ситуация

¹ Начальник отдела по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Павел Васильевич Белых и старший помощник прокурора Новосибирской области по взаимодействию со СМИ Дмитрий Михайлович Лямкин. Аудиофайл передачи имеется на сайте www.astronomers.ru

могла бы выглядеть по-другому. Сам я почти ничего об этом не слышал в течение последующих двух месяцев. До меня доходили лишь отрывочные сведения через моего не слишком разговорчивого адвоката.

Я плохо ориентируюсь в том, что говорят мне пришедшие. Понимаю только, что до этого момента я был всего лишь подозреваемым, теперь стал обвиняемым. Однако, пропустил мимо ушей тот факт, что я обвиняюсь во взятке не на 190, а только на 95 тысяч рублей. Это один эпизод вместо двух первоначальных. Соответственно, моё преступление проходит по третьей, а не по пятой части 290-й статьи Уголовного кодекса. В этом месте адвокат мог бы успокоить меня тем, что наказание по этой части меньше – от 4 до 8 лет, а не от 7 до 12, как прозвучало на суде. Но Юрий на мой вопрос поясняет, что это предварительное обвинение (мол, сумму ещё накинут).

Здесь я мог бы потребовать копию обвинения, но даже до этого не додумался. Голова сильно тупит в форс-мажорной ситуации. Намного позже я выяснил, что следователь просто ошибся в квалификации моего преступления. Отдельные эпизоды не могут складываться, чтобы составить более серьёзное преступление. Крупная взятка (часть 5 ст. 290) начинается от 150 тысяч рублей, которые должны быть получены единоразово (или несколько от одного человека). У меня таких эпизодов нет. Так что моё преступление всё же менее опасное, чем у Улюкаева.

Адвокату после допроса позволили задержаться. Он передал мне письмо от моей семьи и забрал моё первое письмо на волю. Я ещё живу заботами той жизни. Пишу жене, как проверить электронную почту, что нужно ответить в редакцию, которая публикует мою статью, беспокоюсь о долге в две тысячи рублей, который повесили на меня судебные приставы. Пишу о том, чтобы моей маме ничего не говорили – ей ни к чему знать такие страсти на старости лет. Наташа сама придумала легенду, что меня отправили в командировку в Индию, как когда-то бывало на заводе, так что я не могу оттуда звонить.

Всю свою жизнь я постоянно был чем-то занят и не признавал пассивный отдых. Я плохо представлял себя лежащим на пляже. Только раз в жизни, да и то нечаянно, мы с женой оказались на курорте, когда совершили поездку в Турцию. Через три дня на пляже пришлось буквально сбегать из отеля и режима «всё включено», чтобы самостоятельно идти в близлежащие горы. Мы с женой признавали только путешествия.

Тут, в камере на меня обрушилась масса «свободного» времени (хотя термин «свободного» здесь не совсем уместен). И это само по себе выглядело как изошрённое наказание. Нужно было учиться распоряжаться четвёртой координатой – временем – в условиях, когда оно стремится к бесконечности. Даже моя любимая песня: «есть только миг между прошлым и будущим» приобретала здесь какой-то неестественный смысл. Теперь в моем распоряжении миллионы «мигов».

Итак, какие развлечения доступны в камере? Можно полежать на одном боку, потом на другом. Повторить всё это десять раз (больше не получится при всем желании). Посмотреть в окно, в которое видна стена соседнего то ли склада, то ли гаража. Если видно солнце, можно следить за его перемещением в течении дня. В камере мы не знали точного времени, а только время суток – утро, полдень, вечер, ночь. Это сильно напрягало. Я даже начал подумывать о сооружении солнечных часов. Вот только форточка была слишком узкой, а само окно закрыто рифлёным пластиком, через который Солнце видно плохо.

Ещё одно развлечение – читать официальные бумаги, укрепленные на стене в пластиковых мультифорах. Бумаги надёжно прикреплены к стенду скотчем, снимать их запрещено. Здесь дан распорядок дня (по часам, которые нам недоступны), перечень разрешённых вещей, которые можно получить в передачах, список официальных лиц, кому можно направить жалобу или ходатайство (начальник ИВС, общественная комиссия, прокурор). Рядом – схема правильной заправки кровати. Эти бумаги дают толчок фантазии, можно помечтать о разрешённом чайнике объёмом до 600 мл, или о том, что ты напишешь в жалобе прокурору (когда будет ручка и бумага). Долго обсуждаем, что означает фраза в распорядке дня: «с 22:00 до 6:00 – сон (непрерывный)». Каждый из нас по-своему интерпретирует слово «непрерывный».

В камере можно ходить – пять шагов в одном направлении, пять в другом. Можно повторить это сто или двести раз. Позже мы начали отжиматься и приседать. Большой радостью стал прилёт к нашему окну голубя, который нашёл здесь остатки тюремного хлеба (чего-чего, а хлеба у нас в ИВСе было с избытком). Когда он примерно в одно и то же время прилетел во второй или третий раз, мы дали ему имя – Федя. В очередной раз он прилетел со своей подругой в крапинку, которая получила имя Марфа. Федя важно показывал ей найденное им изобилие пищи. А сколько шуток досталось этому Феде, когда вместо Марфы с ним прилетела другая голубка.

Однажды вечером я разглядел в окно через две решётки яркую звезду! Что это, планета? Виден совсем небольшой кусочек неба, которое к тому же сильно засвечено фонарями. Сразу вспомнил планетарий Центра подготовки космонавтов, который находится в Звёздном городке. Там в центре купола расположена кабина спускаемого аппарата – шарообразная капсула с небольшими иллюминаторами. Через эти иллюминаторы будущие космонавты должны опознавать звёзды, чтобы правильно сориентировать корабль. Для этого нужно хорошо знать отдельные группы звёзд, чтобы выхватывать на небе знакомые фигуры, такие как, например, ковш Большой Медведицы.

Теперь я как космонавт, приглядевшись как следует, смог рассмотреть ещё несколько соседних звёзд. Ба, да это же созвездие Ориона! С радостью объясняю «коллегам» где тут пояс Ориона. Словами дорисовываю всё созвездие. Рассказываю, как пояс Ориона указывает на ярчайшую звезду неба Сириус из созвездия Большой Пес. В этот момент за окном неожиданно раздаётся лай сторожевых собак. Видимо, пришло время их кормежки.

В предыдущей камере я видел книгу. Значит, они не запрещены. В следующий раз печатную продукцию мы увидели, когда стали слишком настойчиво требовать туалетную бумагу и мыло. Вообще-то, администрация должна выдавать и то и другое, но происходит это крайне редко и непредсказуемо. Наконец, сотрудники, вняв нашим просьбам, выдали для гигиенических целей старую книгу, корочка у которой уже была оторвана. Прежде, чем пустить в дело, мы её, конечно, прочитали.

Книги мы продолжали выпрашивать несколько дней. Стандартный ответ: «ждите». Но в один прекрасный момент, наше нытьё, сопровождающееся ударами в дверь, так надоело дежурному, что он принес стопку сразу из пяти или шести книг, которые собрал по другим камерам. Это было счастье. Я держал их в руках как самое дорогое сокровище. Я люблю читать. Конечно, последние годы у меня было для этого слишком мало времени. Но я прекрасно помню, как за двое суток поездки на поезде Томск - Москва я прочитывал пару книг. Теперь глаза у меня разбегались, передо мной стояла сложная задача – с чего начать. Выбрал фантастику – роман «Каллисто» Г. Мартынова 1958 года. На целые сутки я погрузился в вымышленный мир. Одновременно, поглядывая на своих соседей, я удивлялся тому, что многие из них в принципе не читали. Даже в таких условиях им это было безразлично.

Проглатывая страницу за страницей, мне было особенно интересно сопоставить знания автора о космических полётах в то время, когда люди в космос ещё не летали. В романе описан корабль инопланетян, конечно, в виде тарелки, который летел с Сириуса к Солнечной системе 11 лет почти со скоростью света. Сначала он посетил Венеру, потом прибыл к нашей планете. Чувствуется, что автору не с кем было посоветоваться по вопросам небесной механики. Основная идея романа чисто политическая – о превосходстве советского строя над капиталистическим. С книгами можно было сказать, что жизнь налаживается. Раздражал только короткий световой день. В феврале в шесть часов вечера за окном было уже темно. Единственная в камере лампочка, горевшая над дверью, позволяла что-то видеть лишь вблизи от неё, да и то с трудом. Приходилось с сожалением откладывать книгу до утра.

После чтения фантастики мне и самому захотелось пофантазировать. Что, если бы я мог перемещаться во времени? Скажем, для того, чтобы встретиться с самим собой в далекой юности. Пусть я окажусь году так эдак в 1971-м. Мне было 12 лет, и жил я в далёком от цивилизации таёжном посёлке Сайга, примерно в 230 км севернее Томска. В один из дней Серёжа ждал поезд, на котором из Асино должен был приехать его дядька. А тут вдруг перед ним оказался какой-то старик. Да-да, Серёжа воспримет меня именно как старика. Таким в то время был его дедушка, дед Степан. Разве можно найти общий язык при такой разнице в возрасте? Но я решил попробовать:

– Здравствуй, Серёжа!

В ответ робкое:

– Здравствуйте.

Он не решился спросить – кто я и откуда его знаю. Я решил действовать напрямую:

– А ведь я из будущего. Из 2018-го года. Я – это ты через 45 лет.

Я знал, что Серёжа готов к такой встрече – он перечитал всю фантастику в поселковой библиотеке, а по почте выписал книгу «Мир в 2000 году».

Серёжа знает, что к 2000-му году люди уже будут осваивать Марс и думать о полётах к звёздам. Сам он обязательно станет если не космонавтом, то конструктором космической техники. В своём шестом классе он организовал кружок астрономии и вместе с одноклассниками изобретает ракету и выпускает стенгазету «Юный космонавт». И хотя знаний не хватает, но Серёжа уверенно, хотя и неверно, объясняет одноклассникам, почему Луна меняет свои фазы.

Я замешкался. Что я сейчас могу сообщить такого важного Серёже, что сможет повлиять на его жизнь? Да ничего. Он упёртый, и всё равно поступит по-своему. Разочарую его тем, что люди не будут летать дальше земной орбиты? И даже на Луну они не вернуться, не то что на Марс. Посоветую не заниматься астрономией, то есть попытаюсь лишить его мечты? Это не получится, да и незачем. Или ошарашу его рассказом о том, что в конце жизни он попадёт в тюрьму? Зачем? Может быть, рассказать о моментах, когда следовало поступить по-другому? Были ведь такие моменты. Но они были частью моей жизни. Пусть останутся. Жизнь не может быть идеально гладкой. Получается, что мои слова никак не повлияют на его жизнь. Значит, они просто не нужны ему.

Даже если я вернусь к Сергею ещё лет через десять, когда он будет делать первые шаги во взрослой жизни, ничего не изменится. Да, были метания, когда он попробует свернуть со своей дороги. Но даже эти метания нужны. Они утвердили Сергея в мысли, что, в конце концов, он идёт правильной дорогой, своей дорогой.

Пусть я вернусь в прошлое всего на семь лет и спрошу себя – соглашаться ли на должность директора планетария? Нет, я не откажусь от своего выбора! Я сделал его осознанно. Выходит прав был старик из сказки Аркадия Гайдара «Горячий камень», когда отказался вернуть себе молодость. Как не выкинешь из песни слова, так и из жизни ничего не уберёшь. Иначе она станет не твоей.

Первая прочитанная мной ещё в ИВСе книга хотя и была развлекательной, но навела меня на философские размышления. А вот вторая погрузила в историю. Это книга Юрия Домбровского «Обезьяна приходит за своим черепом». Она про оккупацию Франции фашистскими войсками во время второй мировой войны. Это тот период истории, который я представлял весьма смутно. У нас принято считать, что никакой войны там не было. Все самые важные события происходили на восточном фронте. Речь в книге идёт об учёных, которых вынуждают корректировать результаты своих исследований для обоснования преимущества арийской расы.

Меня зацепило ещё и то, что автор сам немало отсидел в лагерях, в конце книги приведены его тюремные стихи. Наверное, на воле эти строки не смогли бы меня так до слёз пронять. Уже после выхода из СИЗО я узнал о Домбровском больше – это один из наших великих писателей, которого, увы, мы мало знаем. Его убили в 1978 году,

полагают, что за книгу «Факультет ненужных вещей» о событиях 1937 года (эту книгу я перечитаю позже). В лагерной прозе себя Домбровский ставил на второе место – после Варлама Шаламова с его «Колымскими рассказами». Но сейчас мне ближе проза именно Домбровского, он обстоятельно описывает тот этап борьбы, когда человек, мелкая букашка, только предстаёт перед всемогущей репрессивной машиной, на этапе следствия. И его герой находит силы для борьбы с этой безжалостной машиной. Это вдохновляет меня. Изменилось ли наше сознание с тех трагических пор? Это главное, о чём заставляют задуматься книги Домбровского.

*В иных грехах такая красота,
Что человек от них светлей и выше,
Но как пройти мне в райские врата,
Когда меня одолевают мыши?
Проступочков ничтожные штришки:
Там я смолчал, там каркнул, как ворона...*
(из стихотворения «Мыши»).

Книгу Домбровского я увёз из изолятора в СИЗО и там время от времени перечитывал стихи. Там она и осталась, сейчас её читают другие.

Особенно ощутимо тюремная жизнь наладилась, когда я получил первую передачу от своей любимой жёнушки. Это произошло на седьмой день ареста, в воскресенье. В этот день я чувствовал себя по-настоящему счастливым. Мои сокамерники с завистью и интересом поглядывали на полученные мною вещи, особенно на продукты. Никто из них ещё не получал передач. Мы неделю на казённом пайке, поэтому конфеты, неважно какие, кажутся бесподобным лакомством. Я богач – у меня есть ручка, чистая бумага, мыло, зубная щётка... С удовольствием счищаю с зубов недельный налёт. В следующей передаче моя любимая смогла передать мне несколько книг и бумаги, среди которых были статьи на английском языке. Незадолго до ареста я нашёл в ГПНТБ¹ довольно старую, но интересную книгу по истории научных инструментов – «A History of Technology» 1954 года и успел сделать копии нескольких статей. Английские тексты сильно воодушевили и взбодрили меня. Ведь наука – это один из моих «пряников», который я готов с удовольствием грызть в любых условиях. Как рассказала позже жена, принимающий передачи сотрудник долго разглядывал тексты, спросив – на каком это языке?

Позже, когда я был уже в СИЗО, с передачей книг и бумаг возникли проблемы. Почему-то в передачах их не принимали. Обойти этот запрет можно, если заказывать книги через интернет-магазины, или отправлять почтовыми посылками. Но мы не проверяли эти способы. Думаю, что те же статьи можно передавать через адвокатов, так как бумаги после встреч не проверяют. Можно также оформить подписку на газеты или журналы через почту. Но это уже полезно для тех, кто осужден и знает, сколько ему сидеть.

¹ ГПНТБ СОРАН – Государственная публичная научно-техническая библиотека.

Вечером праздник в нашей камере продолжается. По предложению Кирилла устраиваем банный день. Для этого по очереди набираем в ведро горячую воду. После этого нужно расположиться за перегородкой, и присев над «очком» и поливать себя из баночки водой. Видеокамера над дверью бесстрастно фиксирует часть наших упражнений в голом виде (само отхожее место, кажется, не попадает в кадр), но нас это не волнует. Заодно стираем вещи. Как хорошо, что перед арестом я одел чёрную рубаху, на ней грязь не так видна. Но после недели в камере она стоит колом. Вода, конечно, льётся во все стороны и на пол камеры, но её можно собрать тряпкой. Кто бы мог подумать, что простая помывка в такой неудобной позе может доставить столько удовольствия!

Вещи можно сушить на радиаторе. Он, правда, закрыт решёткой, но если постараться и скатать брюки в трубочку, можно просунуть их через ячейки размером 5-6 сантиметров. У Кирилла к утру штаны не просохли. На проверку в коридор он вышел в трусах. Проверяющим это сильно не понравилось, пришлось ему натягивать на себя мокрые брюки.

С Кириллом мы знакомы два дня. Он из Омска. Нам предстоит вместе провести больше двух недель, так что мы с ним сильно сдружились. Это рослый парень 38 лет, который обвиняется в мошенничестве. Он не скрывает, что крутил большими деньгами как хотел. Но на этот раз деньги его не спасли. По очереди рассказываем друг другу о жизни, о своих семьях, детях (у него их трое). Он хороший рассказчик и бодр духом, это важно в наших условиях. Парни с интересом слушают истории о его ловкости в делах, о том, как он обманывал ДПСников, таможенников, уходил от погонь, лежал под обстрелом в Чечне и много ещё чего. Постепенно я понимаю, что бóльшую часть своих рассказов он искусно придумывает. Но это заставляет ещё больше уважать его.

Атмосфера в камере разрядилась. Улыбаются даже те, кто был мрачнее тучи. На следующий день мы организовали уборку, а у сотрудников начали требовать пылесос, чтобы очистить батарею. На ней скопился многолетний слой пыли и грязи, который невозможно было достать руками. Шум пылесоса был слышен из коридора и, в конце концов, мы получили его. Так приятно было увидеть в камере запретный прибор, пришедший с воли!

Кирилл предложил сыграть в шашки. Фигуры делаем из хлеба и сушим на батарее. Доска, как ни странно, уже нарисована на обеденном столе – позаботилась администрация. Играем до тех пор, пока мне не надоедает проигрывать – Кирилл хороший игрок. Иногда, как бы незаметно, он поддаётся мне. Я радуюсь как ребёнок, хотя стараюсь не подавать вида, и соглашаюсь сыграть ещё несколько партий. Иногда говорим на астрономические темы. Самый популярный вопрос от сокамерников – были ли американцы на Луне? От Луны обычно переходим к Марсу. Мало кто знает элементарные сведения вроде того – сколько планет в Солнечной системе. Так что попутно выполняю важную миссию – повышаю уровень знаний у заключённых. Во

время лекции глазок на двери отодвигается чуть ли не через каждую минуту. То ли лекция интересует охранника, то ли он просто не поймёт что происходит.

После того, как у меня появилась ручка и бумага, я смог вернуться к творческой работе. Дело в том, что в конце февраля я должен был лететь в Москву на конференцию «Школа лекторов», чтобы рассказать там директорам других планетариев о сценарии нового фильма, задуманного мной. Понятно, теперь я туда не поеду, но моё сообщение мог бы прочитать мой заместитель. Этой работой я мог бы показать и следователю, и друзьям, что меня не сломили временные «трудности». Это важно и для меня самого – принести хоть какую-то пользу коллективу родного планетария, продолжающему работу без руководителя.

Пробую писать то, что задумал. Я привык набирать тексты на компьютере. На нём можно писать текст кусками, так как всегда есть возможность поправить его до приведения к окончательному виду. Когда под рукой только бумага, технология другая – нужно тщательно обдумать общий план и писать в строго определённой последовательности. Непривычно, но, кажется, получается. За несколько дней я написал более-менее сносный сценарий фильма об измерении Земли – The Measured Earth. Теперь у меня достаточно времени, чтобы продумать не только текст, но и представить каждую сцену этого фильма. Делаю даже наброски кадров. Потом переписываю всё начисто, чтобы учесть идеи, появившиеся позже. В условиях дефицита бумаги использую почти чистый лист из протокола о моем задержании. Передать этот текст на волю я смогу позже через адвоката.

Тем временем, на воле моё дело продолжает раскручиваться. Допрашиваются все, кто брал у меня в аренду оборудование. Таких человек пять или шесть. Некоторые, к их чести, не признают точку зрения обвинения и не называют произошедшее взяткой. Всё, что следствие смогло выжать у этих стойких людей, это признание действий директора планетария незаконными. Понятно, что им не объясняют мою точку зрения на произошедшее, иначе они и под этим бы не подписались. А ведь каждому из них угрожали. Стандартная угроза, надо полагать, такая: директор планетария признал деньги, полученные от вас взяткой. Значит, вы дали взятку, это статья 291, часть 3 – до 8 лет. Сложно при этом сохранить стойкость. Тем не менее, нашёлся человек, который даже и незаконными мои действия не назвал. Всё, что с него смогли выбить, это слова: «О том, что его действия незаконны, я не знал». Честно сказанные слова сродни героическому поступку. Конечно, обо всём этом я узнал после окончания следствия, когда знакомился с делом.

Каждый вечер мы становимся персонами, чьим мнением вдруг интересуется администрация. В окошке появляется журнал.

- Расписывайтесь.
- За что?
- В том, что отказываетесь от прогулки.
- С чего бы ради?
- Бокс для прогулок завален снегом.

И добавляют на всякий случай:

– Гулять можно только в 6 утра.

Ну да, на таких условиях прогулка никому не нужна. Расписываемся. Только позже я понял, что это неправильно с точки зрения настоящих эков. Когда ты ставишь свою подпись, неважно где, ты идёшь на сотрудничество с администрацией.

Этап в СИЗО

В СИЗО я заезжал дважды. Первый раз это произошло сразу после суда. Тогда я попал сюда всего на один день. Потом меня вернули в ИВС больше, чем на неделю. Наверное, по распоряжению следствия, которому удобнее работать со мной в изоляторе. Он ближе, да и попасть сюда проще. Возвращали из СИЗО меня 8 февраля. Когда рано утром прозвучала команда «на выход с вещами», я вспомнил, что сегодня день российской науки и день рождения планетария (шесть лет со дня открытия!). В этот день к нам должен приехать наш большой друг и коллега из Иркутска, специалист по солнечной физике Сергей Язев. Помню, год назад мы решали серьёзную проблему – как подписаться под совместной статьей на английском языке. Он привык писать *Sergey*, я же придерживался другого написания – *Sergei*. Было бы странно, если бы наши имена были написаны по-разному. Много лет назад мой хороший знакомый из США объяснил, что написание *Sergey* может переключаться по написанию с определенной группой людей не той ориентации. Этот довод убедил моего друга, и он согласился на *Sergei*.

В этот день была запланирована моя лекция в библиотеке ГПНТБ, посвященная 100-летию календаря (новый стиль, по которому мы сейчас живем, был введен в Советской России в феврале 1918 года). Когда я выходил из камеры, где-то на подсознании промелькнула смешная мысль – меня везут на лекцию. Я даже представил, как буду выглядеть в аудитории после трёх дней пребывания в тюрьме. Как меня в помятом виде будут выводить из автозак в наручниках и вести в аудиторию через всю библиотеку. Почему бы не пофантазировать?

О том, как выглядел первый заезд в СИЗО, расскажу подробнее. Для меня это был ещё один шаг в неизвестность. После быстрого «праведного» суда меня вернули в изолятор. Но ненадолго. Вечером из-за двери прозвучала команда – «на выход с вещами». Нас ожидает «этап» – перевозка с одного места заключения в другое. Дальше снова всё как в плохом кино – наручники, автозак, езда в неизвестном направлении, отстойник (нас здесь человек 20), обыск, врач, регистрация, фотографирование, отпечатки пальцев на электронном сканере (это уже второй раз), выдача алюминиевых чашек и белья. Личный досмотр оказался более гуманным, чем в ИВС – трусы снимать не пришлось, со всех сторон тело проверили ручным металлодетектором. Сотрудник долго приглядывался к моему нательному крестику – золотые и серебряные нельзя. К счастью, у меня – простой алюминиевый на шнурке, так что его пропустили. У контролёров под столом – целая коробка изъятых шнурков от обуви. Шарфы и ремни (у кого они остались) изымают под расписку – заберёте, когда отсидите. Смешно.

Без мандража не обошлось. Пожилая женщина-врач обращает внимание на то, что у меня дрожат руки:

– Что, волнуетесь?

С трудом совладав с собой, признаюсь:

– Да, есть маленько, первый раз к вам заезжаю.

Перед врачом мне не стыдно признаться в своей слабости. Задача врача – не пропустить в тюрьму наркоманов, которые ещё находятся под кайфом, или явных психов.

Сразу понятно, что СИЗО – это более серьёзное заведение, чем изолятор ИВС. Это – тюрьма! Здесь сидят арестанты до вынесения им приговора. Сидят полгода, год, кто-то и больше. Когда приговор вступит в силу, заключённого отправят отбывать назначенный ему срок в колонию общего или строгого режима – кто что заслужил. Персонал в СИЗО работает без спешки, с толком и расстановкой.

Нас долго держат в отстойнике, потом в каком-то коридоре. Отстойник – это небольшая комната, куда набивают несколько десятков человек. Практически все непрерывно курят. Вдоль стен – лавки, их явно не хватает на всех. В углу – заплёванное отхожее место, на которое и смотреть то страшно, не то что подойти.

Пока ждём, народ общается, это отвлекает от реальности и хоть как-то успокаивает. Некоторые из прибывших хорошо знакомы друг с другом, видимо подельники, кто-то делится своими историями. Почему-то некоторые лица напоминают моих знакомых из той, свободной жизни – странные аномалии памяти. Наверное, мой мозг в экстремальной ситуации пытается искать знакомые черты, чтобы зацепиться хоть за что-то. Я на сто процентов уверен, что этот человек не может быть здесь, рядом со мной, но его лицо – вот оно. Я даже спрашиваю одного – не Дмитрий ли он? Он отвечает, удивленно посмотрев на меня – Денис. Настоящего Дмитрия я встречал в Томске много лет назад. На ходу придумываю несуразное объяснение – мол, похож на моего знакомого, так что принял за его брата. Другого парня, как две капли воды похожего на одного моего коллегу, Сергея, я ни о чём спрашивать не стал...

По ходу дела знаколюсь с основными тюремными понятиями – чёрные, красные, обиженные (это слово вслух не произносят, но красноречиво поглядывают на одного парня, стоящего в сторонке), второходы, первоходы. И всё это наглядно, каждая категория присутствует в нашей группе. Мой знакомый Володя, с которым мы были в суде (он второход, т.е. уже побывавший здесь), советует – «просись в чёрную, людскую хату». Инструктирует также по поводу того, как здороваться. Слова «Здравствуйте», «Добрый день» – здесь неуместны. Какой уж тут добрый день в тюрьме. Тем более нельзя обращаться со словами «мужики», у этого слова здесь совсем другой смысл. Лучше всего нейтральное обращение – «Мир дому». Зайдя в камеру, нужно обязательно спросить – хата людская? После такого инструктажа поневоле начинаешь волноваться – куда попадёшь, какие соседи будут, как встретят? Слово «спасибо» тоже из разряда не рекомендуемых. Лучше всего простое «благодарю».

Уже за полночь нас ведут по мрачным подземным коридорам, где нужно пригибаться, чтобы не удариться головой о свисающие сосульки. Вокруг решётки. Под ногами на ступеньках местами лёд, поэтому нужно ступать осторожно. По стенам – грязный бетон. Все молчат, шагая в неизвестность. В полумраке видна спина впереди идущего, да слышен лязг засовов при входе в очередной отсек. Коридор разделен решёткой на две части, так что сопровождающий идёт отдельно, параллельно нам. Он закрывает очередной отсек и затем проходит вперёд, чтобы открыть следующую дверь.

Как оказалось, первоходов направляют в карантин. Это мы узнаём после того, как бывалых раскидали по «хатам». В ходе развода знакомимся с некоторыми местными порядками. Вот охранник пытается открыть дверь в одну из камер, но дверь не открывается. Парни комментируют – закрыта изнутри на распорки, заморожена, чтобы охрана не застала врасплох. В конце концов, дверь с криками и угрозами распахивается, но всё запрещённое уже надёжно спрятано. Наконец, далеко за полночь вместе с молодым парнем Колей мы попадаем вдвоём в отдельную камеру. Санаторий, да и только! Спать!

Камера в карантине по размеру такая же, как в изоляторе ИВС. По краям – две металлические двухъярусные кровати. В первую очередь порадовала отдельная туалетная комнатка. Размером всего метр на метр, но зато от-дель-на-я! И закрывается дверью! Внутри – настоящий унитаз. Другая радость – зеркало над раковиной. Теперь можно увидеть, на кого ты стал похож за это время. Правда, внешний вид особо не радует. Кровати здесь усовершенствованной конструкции – вместо цельного листа к каркасу приварены металлические полосы, образующие ложе, поэтому лишних звуков они не издают, можно вертеться с боку на бок сколько угодно. Тем более, что толстые матрасы, внутри которых можно нащупать разрозненные клочки ваты, к этому располагают. Возле двери находится электрическая розетка и металлическая полка рядом с ней. Значит, есть надежда на кипятильник. Но, как говорится, не может быть всё хорошо. Ко всем этим плюсам прилагается один большой минус – в кране только холодная вода, причем, настолько холодная, что стыннут руки. Ну а как вы хотели? Тюрьма!

Особенно сложно было такой водой мыть чашки после приёма пищи. Алюминий никак не оттирался от остатков суррогатного жира, который присутствовал в первых и вторых блюдах. Не помогали ни мыло, ни даже губка для посуды, которую Наташа снарядила мне в очередной передаче. Между алюминием и жиром происходила какая-то химическая реакция, и поверхность посуды становилась чёрной и липкой, так же, как и губка, а с ней вместе и руки. Вспоминая изолятор, мы утешались тем, что теперь не загрязняем планету одноразовой посудой.

Рядом с раковиной на стене находится цинковый бачок с краником, на котором написано: «Питьевая вода». Внутри действительно видна какая-то затхлая вода, налитая до половины, давно потерявшая питьевой вид. Позже мы узнали пользу этого бачка, когда в туалете нашли надпись-подсказку: «кипятильник в бачке». Надпись была размещена мудро, так, чтобы её могли увидеть только постоянные посетители этого места, а проверяющие, заглядывающие сюда, никогда бы её не прочитали. Действительно, на дне бачка нашёлся самодельный кипятильник, настолько древний, что мы даже не подумали включать его в сеть. С уважением к неизвестному мастеру мы внимательно изучили его и положили на место. Пока занимались осмотром, спугнули паука, он сплел над бачком хиленькую паутину. Бедный паучок, как он тут выживает? Тут некого ловить. Ведь он тут на пожизненном сроке. Стало жалко его больше, чем самого себя. Не знаю, сгодятся ли ему хлебные крошки, но тут уж чем богаты.

Утром к нам с Колей подсадили ещё одного молодого парня, корейца с распространённой у них фамилией Ли по имени Глеб. Я наблюдал со стороны, как сошлись две родственные души, настолько общие интересы оказались у этих ребят. Посыпались названия ночных клубов, названия разных наркотиков, способов их применения, методов и мест закладки тайников... Временами казалось, что говорят они на иностранном, малопонятном для меня языке. Продолжаю убеждаться в том, как важно иметь хороших сокамерников. Не только в смысле разговорчивости (хотя и это не последнее дело), но, главное, сильных духом. Если кто-то расклеивается и думает только о своей грустной участи, это не придаёт бодрости окружающим. Иногда я видел пустые глаза тех, кто находился в шоковом состоянии. Это пугает.

Как ни странно, иногда сюда попадают и явные психи, место которым в психушке. Таким оказался парень лет тридцати – Олег из Искитима. Он убил своего отчима. Рассказал, что прибыл в СИЗО из психушки, где его, видимо, посчитали здоровым. На наш взгляд он таковым не являлся. Каким-то образом в его сумке оказались пакетики с чаем. Время от времени он жевал очередной пакетик, после чего явно начинал нести всякий бред. Можно было подумать, что в этих пакетиках наркотик. Но нет, он и нас пытался угостить этим чаем. Кирилл начал было расспрашивать его, но тот стал выкладывать такие подробности своего преступления, что стало не по себе.

Попытки Кирилла перевести всё в шутку тоже ни к чему не привели. Олег вдруг начал проявлять агрессию по отношению к одному из наших соседей, самому тихому и неприметному. К вечеру атмосфера в камере накалилась. Кирилл, как самый

внушительный из нас по комплекции, отправил Олега к двери, чтобы тот просился на выход. Поглядывая на Кирилла, тот начал послушно долбить дверь. Сначала дежурный не придавал особого значения нашему кипезу. Но мы решили не отступать и не ложиться спать – от Олега можно было ожидать чего угодно. В конце концов, из коридора ему дали команду – собираться на выход с вещами. В этот момент наш убийца перепугался не на шутку. Подойдя к Кириллу, он тихо спросил: «а тут не расстреливают?».

На второй день вновь поступившие попадают на медосмотр. Люди в белых халатах вызывают интерес уже тем, что они не такие как все вокруг. Смотрят лёгкие через рентген-аппарат на предмет туберкулеза (говорят, что можно отказаться), берут кровь на ВИЧ (к счастью, одноразовыми шприцами). Заново откатывают пальчики. Теперь уже не на электронном сканере, а на классической бумаге. Говорят, так надёжнее. Мы сидим в клетке, по очереди каждый идёт к аппарату. Сотрудница командует: сначала каждый палец по отдельности, а затем и всю ладонь, всё это дважды. Все руки в чёрной краске. В клетке есть кран с горячей водой и мыло. Долго прикидывал, как бы отрезать кусок мыла и забрать с собой. Но потом просто попросил у сотрудницы. Она по доброте душевной выдала крупный кусок хозяйственного мыла – чувствую себя богачем.

Дольше всего мы были у женщины-психолога. Начали с расстановки цветных карточек на предмет «нравится – не нравится». Анкета содержала около сотни вопросов. Некоторые довольно каверзные – даже я с трудом выбираю правильный ответ. Что уж говорить про сидельцев из ближнего зарубежья. Им приходилось помогать. Смысл заполнения анкеты в том, что администрация боится – как бы кто с горя не покончил с собой. Говорят, если попадёшь под подозрение психолога, личную карточку пометят красной полосой, и тогда тебе будут уделять особое внимание. А этого не хочется никому. Попытался выпросить у психолога авторучку, но получил в ответ: «вас тут много».

В СИЗО имеется дежурный врач. Но дозваться его из камеры практически нереально. Когда у Кирилла сильно заболела голова, он (и мы вместе с ним) весь день пытался вызвать врача. Долбить железную дверь нужно ногами со всего маха – охрана где-то далеко. В конце концов, сотрудник принёс пару таблеток от головной боли, этим дело и ограничилось. Хуже всего тем, кто страдает от зубной боли. Выход один – вырвать больной зуб, лечить его здесь никто не будет. Но и это возможно не каждый день.

Для меня самая большая опасность заключалась в повышенном давлении, гипертонии. У меня она никак не проявляет себя, нет ни головной боли, ни каких-либо других ощущений. Но в 2011 году гипертония привела меня на операционный стол в клинику Мешалкина. Поэтому на воле я каждый день принимал прописанные мне таблетки и контролировал давление. Теперь Наташе с большим трудом после обращения к начальнику СИЗО удаётся передать мне таблетки. Принесла их мне тюремный врач. Она даже измерила моё давление, когда принесла таблетки. Для этого я должен был высунуть руку в окно кормушки. Но результат измерения так и остался для меня в тайне, врач только буркнула, что все нормально. Наилучший выход для сидящих здесь

– не болеть. Думаю, что организм в экстремальных условиях мобилизует внутренние ресурсы. Поэтому ко мне, к счастью, за два месяца никакая зараза не пристала. Хотя простуженные в камере были. Тьфу-тьфу-тьфу, как говорится.

Контингент в камере постоянно меняется. Теперь сюда попадают и те, кто был арестован гораздо позже меня. Многие успели на воле узнать из новостей об аресте директора планетария. Видимо, пресса постаралась как следует раздуть это событие. Скандальная слава настигает меня и здесь, за толстыми решётками. Грустно думать, что моё имя запятнано теперь уже навсегда. Десятилетия безупречной работы легко разбиты в прах людьми, считающими, что они стоят на страже закона. Страшно обидно. Но нужно просто смириться с этим фактом и отрешиться от этой обиды. Может быть, это наказание за то, что слишком много о себе возомнил? Чтó ты, чтó ты – кандидат наук, марафонец... На самом деле ты – никто и звать тебя – никак. Прошу у Господа прощения за свою гордыню.

Руководство СИЗО и дежурные тоже смотрят новости. Каждый день на утренней проверке нас выводят из камеры и выстраивают у стены. Проводят личный досмотр. В это время в камеру заходит другой сотрудник и переворачивает всё вверх дном, включая несчастные матрасы, а также простукивает стены огромным деревянным молотом. Якобы ищет тайники и запрещённые предметы. Каждого из нас спрашивают статью, иногда достаточно доброжелательно уточняют подробности преступления. В мою сторону женщина-проверяющая (старшая по режиму) машет рукой – про вас мы и так всё знаем.

В один из дней нас предупредили, чтобы готовились к проверке. А нам что готовиться – мы еще не успели обзавестись ничем запрещенным. И вот к нам в камеру пожаловал ге-не-рал! С ним несколько сопровождающих, так что стало очень тесно. Генерал-лейтенант Березнев (судя по нашивке на груди) руководит всеми учреждениями ФСИН Новосибирской области, он непосредственный руководитель начальника нашего СИЗО, полковника В. В. Ступина. Для начала генерал подробно расспрашивает моего соседа, автоугонщика Романа – что и как он угонял. Роман – таджик, крупный, но слегка наивный парень. Следователям он рассказал о двенадцати угонах, в которых участвовал. Якобы, за это они обещали не закрывать его в СИЗО. Уже здесь Роман на прогулке смог выкричать в соседних боксах своих подельников, которые сообщили ему, что следствие знало только о двух последних угонах...

У меня генерал спросил только статью, чтобы убедиться, что я – тот самый. Подробностей расспрашивать не стал, всё уже сказали по телевизору. Но этим не удовлетворился, и почему-то задал вопрос, поглядывая на мою кровать – простыни две? Этим он ввёл меня в лёгкий ступор. Простыня у меня на тот момент была одна. Так получилось, что во второй раз я заехал в СИЗО вообще мимо каптёрки, где выдают бельё. А когда начал требовать, мне принесли одну простыню, но абсолютно новую. Видно было, что на ней ещё никто никогда не спал. Так что я почёл это за честь, этим и успокоился. Но теперь я стоял перед выбором – сказать правду – высветить нарушение со стороны администрации. Немного замешкавшись, ответил, покрывив душой – две.

Генерал задал ещё несколько вопросов присутствующим, и с чувством выполненного долга удалился.

Это была не единственная экскурсия в нашу камеру. Через пару дней зашли два подполковника. Придрались к плохой заправке кроватей. Тыкнули нас в фотографию на стене, где показано, как это делать правильно. На этот раз я решил не упустить возможность. Когда спросили пожелания, я не стал молчать, а сказал, что нужен кипяtilьник, так как вода в кране только холодная. Как ни странно, мне тут же пообещали решить проблему, и действительно – вечером нам выдали ки-пя-тиль-ник! Вот это счастье! Впервые за две недели мы пили не сладенькую водичку слегка желтоватого цвета, а настоящий чай, да ещё с халвой (остатки передачи). А кипяtilьник с этого момента работал у нас почти непрерывно, нагревая воду для чая, для мытья посуды, для стирки, даже для купания (для этого в камере имелся пластиковый таз).

На следующий день произошла ещё одна неожиданная встреча. Меня отвели в кабинет, где за столом сидел мой старый знакомый по работе на приборостроительном заводе – Алексей П. Вот так чудеса! Оказывается, он здесь как представитель общественной наблюдательной комиссии по контролю за содержанием в тюрьмах ¹. Наташа обратилась в эту комиссию. Всё что он может, это позвонить Наташе и рассказать о том, что у меня всё нормально – жив, и, кажется, даже здоров. Меня радует даже такая тонкая ниточка, связывающая меня с волей.

Автогонщик Роман время от времени достает из кармана фотографии своей семьи. У него двое маленьких детей. О своих ночных похождениях он ничего не говорил жене, так что она подозревала его в измене. Но теперь-то она наверняка узнала, что он был ей верен. Я сначала завидую Роману, хотел бы тоже иметь фотографии своих родных. Но подумав, решаю, что воспоминаниями можно лишь надорвать сердце. Я не знаю когда увижу свою семью, поскольку впереди полная неопределенность. Может быть, пройдут годы... Пока ещё не понимаю, что лучше для выживания здесь – держаться за прошлую жизнь или наоборот – разрывать все связи с прошлым.

У Романа я выпросил несколько таджикских фраз: шаби хуш – доброй ночи, биёмерем хона – пошли домой, иншалла – дай бог... Таджикский очень близок фарси, так что таким образом я приобщаюсь к древней персидской цивилизации. Некоторые слова я уже знал раньше – из изучения астролябий. Как-то на одной из астролябий я нашёл слово «об» – вода. Считается, что название реки Обь имеет древнее тюркско-персидское происхождение. Сначала Роман неохотно диктует мне слова, но потом входит во вкус, так что мне приходится останавливать его. Теперь наш день заканчивается словами «шаби хуш».

¹ Полное название – Общественная наблюдательная комиссия по контролю за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания по Новосибирской области. Комиссия в составе 19 человек действует на основании Федерального закона от 21.06.2014 г. № 212 - ФЗ "Об основах общественного контроля в Российской Федерации".

Обмен опытом – в порядке вещей среди сидельцев. Времени для этого полно. Роман подробно рассказывает нам о том, как выглядел его инструментарий. Специальный пульт, который сканирует сигнализацию автомобиля и подбирает частоту её работы, можно приобрести за несколько сотен тысяч рублей. С ним можно идти на взлом любого автомобиля среднего класса. Отдельно приобретается универсальный набор ключей. Позже, в новой тюрьме, я прослушал курс о том, как можно на законных основаниях не возвращать банку кредит. Жаль, не законспектировал. Так что, в стенах СИЗО вполне можно освоить подсобные специальности на будущее.

Пора рассказать про тюремное питание. Когда я прибыл в СИЗО, я понял, что в изоляторе питание было просто отменное. Временами там выдавали котлеты, жареную рыбу, печень кусочками, не считая макаронных изделий, картошки, капусты, большого количества белого хлеба. Всё это выдавалось в чистой одноразовой посуде. В СИЗО ситуация другая. Здесь огромное количество заключённых, одноразовой посуды не напасёшься. Поэтому при первом поступлении сюда мне выдали алюминиевую чашку и кружку. Кружка была сильно помята, казалось – она тут не меньше двух десятков лет. Уже в карантине выдали вторую чашку – для первых блюд, и ложку.

К завтраку у меня претензий не было. Обычно это полная чашка каши – овсяной, кукурузной, пшенной, или даже манной. Конечно, в ней не хватало соли, сахара и масла. Но в целом, завтрак можно назвать диетическим. Для утешения говорим друг другу: соль – это «белая смерть», сахар – «сладкая смерть». К каше быстро привыкли все, даже те, кто раньше её в принципе не ел. Когда у меня появилась бутылка растительного масла, мы щедро подливали его в кашу, что делало кашу даже вкусной. На третье обычно дают чай. Правда, чаем этот напиток можно назвать с большой натяжкой. В обед вместо чая – нечто, напоминающее очень жидкий кисель. Когда у меня появился свой чай, я перестал потреблять тюремные напитки. Тем более, что мы подозревали наличие в них успокоительных добавок.

Хлеб нам выдавали с утра на весь день. На четверых это три булки, на пятерых или шестерых – четыре. Сначала казалось, что в хлебе похрустывает песочек, но вскоре эти ощущения пропали. То ли привыкли, то ли что-то там в пекарне наладилось. Поскольку хлеба в карантине давали с избытком, мы начали использовать его для художественного творчества. Готовили тесто, замешивая с солью, пеплом, известкой, а потом лепили – кто чётки, кто шашки. Сушили свои поделки на батарее. Из хлебной корочки я сделал себе подобие тарелки – где-то в ресторане видел такое – и с гордостью хлебал из неё суп. Казалось, что от этого он становится гораздо съедобнее.

Обед поначалу, пока мы не привыкли, выглядел ужасно. Если это овощной суп, то свекла и картошка были толком не почищены. Если на обед были щи из кислой капусты, то капуста была и на второе (с едва заметными следами тушёнки). Как сказал Максим, капусту нужно есть, даже если не хочется, это единственный источник витаминов в нашем рационе. Иногда в блюда добавлялся какой-то жир, который мы потом долго соскребали со своих тарелок. Тем не менее, обед всегда был желанным и

долгожданным. Его почему-то подавали очень поздно, по нашим расчётам – часа в четыре, а то и ещё позже. Учитывая, что завтрак был в семь утра, к этому позднему обеду мы были голодны как волки и изо всех сил вслушивались – когда же заскрипят колеса тележки, на которой развозят баланду. В длинном коридоре их было слышно издалека.

После такого позднего обеда, ужин в семь вечера не вызывал особых эмоций. Когда у нас из передач появился свой доширак, мы стали иногда гордо отказывались от ужина. А часиков в девять вечера заваривали китайскую еду. В результате такого «правильного» питания после двух месяцев содержания под стражей я похудел на пять килограммов. Думаю, что будь у меня больше лишнего веса, я бы похудел и больше. Позже моя жена рассказала, что за время моего заключения она тоже сбросила около четырёх килограммов. Вот вам и способ для похудения!

Оказавшись на свободе, я узнал, что на питание одного заключённого в 2018 году ФСИН тратил 72 рубля в день. При том, что в 2015 году выделялось по 86 рублей. Как сказал один из руководителей ФСИН, сэкономить удалось за счет того, что «к питанию заключённых мы подошли не формально, а с учётом калорийности каждого продукта питания и экономики его производства. В результате расходы на питание значительно сократились. Кроме того, был составлен чёткий рацион питания, с учётом сколько кому положено калорий – мужчине, женщине, несовершеннолетнему, больному человеку и т. д.». По калориям, возможно, всё правда. А вот про витамины и сбалансированное питание – вранье.

Каждый день по распорядку предусмотрена прогулка. Для прогулок рядом со зданием тюрьмы построены бетонные отсеки. Их около 50, каждый отсек размером примерно 5 на 5 метров. Сверху на высоте около трех метров – небо, загороженное крупной решёткой, а в придачу ещё мелкой сеткой-рабицей. В такой отсек отправляют сидельцев из одной камеры, металлическая дверь снаружи закрывается на засов.

В феврале иногда было до 20 градусов мороза. Не все заключённые хорошо одеты. Обувь на ногах слегка завязана на самодельные шнурки. Поэтому вскоре раздаётся грохот – те, кто замёрз, ломятся в двери. Но это бесполезно. Такое упражнение может только слегка разогреть того, кто бьёт ногами в дверь. Засовы откроются через час, когда выйдет отведённое для прогулки время.

Фотография новосибирского СИЗО-1, сделанная со спутника. В центре – два корпуса старой тюрьмы, соединённые переходом. По краям – боксы для прогулок. Справа сверху – новый корпус кирпичного цвета. Административное здание – внизу-слева.

Каждую камеру выводят по отдельности, чтобы не пересекались с другими сидельцами. Это несколько смешно, потому что сразу, как только парни попадают в свой отсек, начинается перекичка. Сначала узнают – кто в соседних отсеках, потом самые горластые докрикиваются до своих знакомых или друзей, иногда их слова передают по цепочке. Охрана не вмешивается, её вообще не видно, хотя сверху над боксами находится дорожка для патрулирования.

Выход на прогулку – это ещё и возможность вынести мусор из камеры. Его мы собираем в пластиковые пакеты, оставшиеся от передач. Мусорные контейнеры расположены у выхода на улицу, перед прогулочными боксами. По пути мы сначала всегда заглядывали в эти контейнеры, осматривали их со всех сторон – вдруг найдётся что-то интересное. Впрочем, весь мусор в контейнере исходит от таких же, как мы. Ничего ценного здесь не выбросят. Это тебе не городские свалки. Вот там бы мы прибарахлились.

В прогулочном боксе только небольшая лавочка и урна. Этим двум предметам можно найти полезное применение. С лавочки можно допрыгнуть до верхней решётки и подтянувшись, чуть-чуть улучшить свой обзор. Правда, ничего нового рассмотреть не удастся. Если у сокамерников есть сигареты – курят, если нет – пытаются договориться с соседними боксами. В феврале отсеки не всегда были расчищены от снега, а в марте бетонный пол был, как правило, покрыт слоем льда, так что особенно не разгуляешься. Вскоре для расчистки бокса мы научились использовать урну. Оказалось, её можно снять с кронштейнов.

Так выглядит прогулочный дворик.

Бывало, в мороз, когда было немного за 20 градусов, мои сокамерники отказывались ходить на прогулку. В их молодых организмах и так полно здоровья. Я же чувствовал, что прогулки мне жизненно необходимы для поддержания формы. Поэтому, бывало, на прогулки я выходил один. Иногда пытался бегать по кругу – один круг в отсеке размером 5 на 5 метров – это 16 шагов. В голову приходит, что если бежать побыстрее, можно отталкиваться ногами от стен. Такой аттракцион есть в цирке, когда на мотоциклах гоняют по кругу. Но при попытке разогнаться, даёт себя знать гололёд – после двух-трёх падений приходилось отказываться от этой затеи.

Однажды, когда я был один, мне очень захотелось оказаться поближе к свободе. Сняв урну, поставил её на лавочку и уже после этого смог дотянуться до решётки. Подтянувшись, приблизил лицо вплотную к решётке. Вот она свобода, так близко! Но тут урна с грохотом соскользнула с лавочки, и я оказался буквально в подвешенном состоянии. Где-то подо мной лавочка и металлическая урна с острыми углами. Пришлось, из последних сил перебирая руками по решётке, переместиться в другой угол отсека и там уже спрыгнуть вниз. К счастью, приземление на лёд оказалось удачным.

Полная информационная блокада новичков – это, видимо, какой-то воспитательный приём. О времени дня можно только догадываться. Лишь время приёма пищи и лучи Солнца за решёткой служат примерными ориентирами. Я твердо решил, что позже, когда попаду в постоянную камеру, сделаю солнечные часы. Обсуждаем с Кириллом возможность изготовления телескопа. Очки разрешены, так что линзы с разной светосилой можно будет получить в передаче. Скажем, комбинация линз +10 диоптрий и +1 диоптрия даст увеличение 10 крат. А больше и не нужно. Трубу свернём из какой-нибудь бумаги, хотя бы из туалетной. В телескоп можно будет обозревать окружающий мир – дома, транспорт, людей, то есть получится что-то вроде телевизора. Неизвестно,

конечно, как к этому отнесётся администрация, вряд ли положительно. Ведь охрана всё увидит в видеокамере ещё на этапе изготовления инструмента.

Наш быт немного разнообразят радиопередачи. Динамики выведены в каждую камеру (закрыты решёткой, чтобы их не сломали). Иногда по утрам включают радио. Сначала это радовало – узнать хоть что-то. Полная информационная изоляция – это ещё то испытание. Обычно включают никому неизвестное «Новое радио». Оно действительно «новое» и необычное, поскольку в программе нет ни новостей, ни времени, ни погоды, только песни и временами какие-то душещипательные беседы. Похоже, эта передача подготовлена специально для системы ФСИН. Со временем, конечно, это радио сильно надоедает. Лучше бы я лекцию по астрономии прочитал для сидельцев.

Когда в -цатый раз слышишь «Владимирский централ, ветер северный...» или «Похороните меня за плинтусом», это уже начинает бесить. Как я узнал позже, как раз в феврале состоялась презентация песни Лолиты, которая вскоре стала хитом:

*«... Чтобы не чувствовать ничего – я притворюсь статуей гипсовой.
Люди, прошу лишь одного: похороните меня за плинтусом».*

Ничего не скажешь – очень «жизнеутверждающая» песня. Особенно для тех, кто впервые оказался в тюрьме. В тот момент нас бы больше порадовал Александр Сергеевич Пушкин с его строками, обращенными к декабристам: *«Темницы рухнут, и свобода вас встретит радостно у входа...»*. Я часто повторял эти строки, и про себя, и вслух для ребят.

Эти мои первые дни в заключении совпали с зимней олимпиадой в Корее. Я пытался хоть что-то узнать о том, как выступают наши спортсмены. В этом году из-за допингового скандала они вынуждены были называться просто «спортсменами из России», а вся российская атрибутика, в том числе и флаг, были запрещены. Иногда новости с воли приносили вновь поступившие, иногда проговаривались наши тюремщики, сообщая нам о победах нашей сборной по хоккею. Это радовало и придавало реальность нашей жизни – мы находимся на той же планете с нашими спортсменами, а не где-то в другой галактике. Лишь позже я узнал о том, что в хоккее мы стали чемпионами олимпийских игр! Удивляло – почему бы не сказать всё это по нашему тюремному радио?

Железный занавес дополнялся тем обстоятельством, что я совершенно не представлял, где нахожусь чисто территориально. Меня это очень волновало. Я, как геодезист, привык зрительно представлять, в какой точке карты в тот или иной момент времени я могу себя отметить. Понятно, что мы в Новосибирске, в Дзержинском районе, говорят, где-то в районе бывшей барахолки. Выглядывая в окно, я видел вблизи горизонта какой-то лесной массив, за которым возвышались две трубы. Сначала я подумал, что это хорошо знакомое мне Ключ-Камышенское плато и ТЭЦ-5. Но сориентировавшись по сторонам света, понял, что смотрю на север, то есть в другую сторону. Где-то передо мной должен находиться Чкаловский завод.

За тройным забором тюрьмы виднелась обычная тихая улочка, по которой изредка проезжали машины. Напротив, в пятиэтажном доме по вечерам загорались огни, потом экран телевизора, совсем рядом текла обычная жизнь. Было интересно глядеть даже на одиночную фигурку пешехода, спешащего по своим делам, и думать о том, куда он идёт, чем будет заниматься вечером. Название улицы – Караваева, где находилось СИЗО, мне тоже ни о чём не говорило. Никто из моих соседей не мог детально рассказать о нашем точном местоположении. Такая неизвестность меня сильно удручала. Лишь через полгода, выйдя из-под ареста, я специально приехал посмотреть на эти мрачные стены с той стороны.

Через неделю после прибытия в СИЗО, нашу камеру отправили на помывку. Для «бани» оборудована отдельная камера. Здесь нас запирают. С потолка свисают шесть трубок, из которых льётся горячая вода. Регулировка общая, её осуществляет охранник из-за двери. Сначала кажется горячо, но постепенно тело привыкает. Мы блаженствуем, каждый под своей струёй. Лепота! Хорошо, что у нас есть мыло. Заодно можно и вещи постирать.

Сразу после бани ещё одна гигиеническая процедура – стрижка. Хорошо бы, конечно, наоборот, но не нам решать. Всю нашу компанию отправляют в пустую камеру, где нас уже ожидает парикмахер. Это такой же заключённый, но у него есть работа. И машинка. За это он имеет кое-какие послабления в режиме. В СИЗО много работников – кто-то развозит обеды, кто-то занимается ремонтом, кто-то чистит снег. Они получают зарплату и запись в трудовую книжку. Зарплата невелика, так как часть её высчитывается за содержание. Кроме того, администрация обещает таким работникам УДО – условно-досрочное освобождение после истечения 1/3, 1/2, или 2/3 срока (в зависимости от тяжести преступления)¹. Минус в том, что все эти заключённые считаются «красными», так как сотрудничают с администрацией. Я лично не вижу в этом ничего зазорного – если есть работа, время летит быстрее. Но не мне осуждать тюремные порядки. Поэтому придерживаюсь общепринятого правила – «красным» ничего не давать, даже сигарет, и тем более, не здороваться с ними. И это при том, что три раза в день каждый заключённый получает еду из рук таких работников. В административном корпусе «красных» собирают в отдельном боксе, чтобы они не пересекались с другими заключёнными.

Парикмахер на наш вопрос – есть ли насадки к машинке, отвечает с виноватой улыбкой – только под ноль! Очень быстро все лишаются своей шевелюры. Мне немного жаль свою, думаю о том, как буду выглядеть с такой причёской. Но теперь внешний вид кажется такой незначительной деталью, что с лёгким сердцем отправляюсь под машинку.

Для полного счастья остаётся постричь ногти. За две недели они отрасли до того, что начинают загигаться. Выход один – разбиваю бритвенный станок и вынимаю

¹ Статья 79 УК РФ.

половинку лезвия. Неудобно и опасно – боюсь порезаться, но время есть, и постепенно начинает получаться. Гордо поглядываю на результат своих стараний – ногти выглядят вполне сносно. Говорят, что из бритвенных лезвий делают хорошие пилки по металлу и умудряются даже что-то пропиливать ими. Думаю, при наличии огромного количества времени и упорстве всё возможно.

Моя дорогая жёнушка каждое воскресенье героически приносит мне передачу, отстаивая очереди и ругаясь с контролёрами. Воскресенье – это единственный день, когда она может это сделать. Все остальные дни недели заняты работой. Каждая передача для меня как важная весточка с воли. А ещё это событие дня. Таких как я получателей передач собирали со всей тюрьмы (человек 10-15 за один заход) и вели в пункт выдачи. По дороге можно посмотреть на другие корпуса, переходы, лестницы, перебраться словами с другими заключёнными – настоящая экскурсия.

Передачи всегда в мешках, видно такие требования. Сотрудники выдают два экземпляра расписки, на которых нужно написать – «получил полностью» и расписаться. Я ожидал, что один экземпляр списка выдадут на руки, чтобы ознакомиться с ним в спокойной обстановке. Такой порядок был в изоляторе. Некоторые позиции в списке были вычеркнуты, то есть что-то не было принято. Но оба экземпляра забрали. Тех, кто пытался всё же проверить каждую позицию, раздражительно поторапливали.

Мы выходили как богачи, каждый со своим мешком ценного добра. Из камер, расположенных поблизости от пункта выдачи, раздавались просительные крики. Иногда им что-нибудь перепадало через вентиляционный люк, расположенный под потолком. Как мне позже рассказала жена, ей не удалось передать мне книги и статьи, которые я просил для работы. Не принимались также газеты и журналы, не прошли контроль и шахматы. Но зато мы были с луком и чесноком – чудесными продуктами, дополняющими пресную тюремную баланду. Жаль, что в какой-то момент порядок изменился и передачи стали приносить прямо в камеру. Это лишало меня экзотической прогулки по тюрьме.

Все обитатели карантина понимают, что это временное пристанище, и мечтают побыстрее попасть в постоянную камеру. Да, как ни странно, здесь тоже можно о чём-то мечтать. Кого-то отправляют почти сразу, кого-то, как нас с Кириллом, держат здесь десять дней. Наверное, повлияло ещё и то, что на эти дни пришёлся праздник – 23 февраля. Распределением занимается комиссия во главе с начальником тюрьмы полковником В. В. Ступиным. Поэтому сотрудники тюрьмы волнуются больше нас, самих заключённых. Несколько курьёзно вспоминать, что начальник – мой бывший сосед. Раньше он руководил колонией ИК-18, которая находится рядом с планетарием. С башни Фуко можно было подробно рассмотреть её. Мне довелось общаться с ним и с его подчинёнными, когда мы пытались заказать в колонии беседку для планетария. Беседку нам так и не сделали, а вот большие уличные шахматные фигуры неизвестного мастера, вырезанные из дерева, использовались у нас года два. Одного белого коня я сохранил у себя на даче.

В кабинет начальника нас заводят по одному. Во главе стола полковник, вдоль стен, справа и слева, до 15 других сотрудников. Можно и оробеть. После стандартного представления и расспросов (полковник поинтересовался, какое оборудование я сдавал в аренду) следует вопрос – какие имеются пожелания. Отвечаю, что хотел бы попасть в малокурную камеру (это из области фантастики) и желательно вместе с Кириллом Т. (с которым мы уже крепко сдружились). Полковник отвечает, что оперативники рассмотрят мои пожелания. (Как оказалось позже – мои пожелания оказались невыполнимы). Возвращаемся в камеру и сидим «на чемоданах», ожидая дальнейших распоряжений.

СИЗО – переезд в новый корпус

Новосибирский следственный изолятор, СИЗО-1 состоит из старой тюрьмы (в обиходе её называют «старухой») 1930-х годов постройки вместимостью более тысячи заключённых и нового семиэтажного корпуса, построенного в 2014 году, на такое же количество мест. Это я узнал позже, уже находясь дома. В самой тюрьме, я ориентировался по описаниям других зэков, по поворотам коридоров и лестниц, по которым нас водили. Я слышал про новый корпус, но теперь нас, человек 10 из карантина, впервые ввели туда. Корпуса соединены переходами, а между собой разделены решётками и дверьми.

По пути нас завели на склад, где предоставили право самостоятельно выбрать себе матрас и одеяло. Кто-то радуется и выбирает получше, несмотря на окрики сопровождающего, я же беру первые попавшиеся – не в этом счастье. Кирилла отправляют в камеру первым, потом разводят остальных, мы с одним парнем остаёмся вдвоём. У разводящего какая-то заминка, поэтому он запирает нас в пустой бокс. Здесь мы и знакомимся, как окажется – надолго. Максим здесь по экономической статье, про меня он слышал в новостях. Сам он был в розыске, хотя последние полгода жил дома. (Уже после выхода из СИЗО я загляну на сайт следственного комитета и увижу, что он остаётся в розыске, даже находясь в СИЗО). На шее из-под футболки у него выглядывает татуировка, как я увидел позже, она занимает всю спину. Это современная цветная татуировка очень хорошего качества. Меня всегда удивляли люди, которые так вольно распоряжаются своим телом, но эти мысли я оставляю при себе.

Наконец, наша участь определяется, и нас вдвоём отправляют в совершенно пустую камеру, рассчитанную на шесть мест. Новая камера меня впечатляет – кровати однарусные, много свободного места, общая площадь около 40 квадратных метров, три больших окна с двойной решёткой, на потолке большие светильники, закрытые решётками – почти евростандарт. Мы не верим своему счастью, обследуем раковину из нержавеющей стали, санузел, батареи... Есть одна проблема с сантехникой – не работает сливной бачок в унитазе, но мы не обращаем внимания на такую мелочь (регулировать поток воды мы научимся позже, просто перегибая подводящий шланг). Видеокамеры установлены на потолке в двух противоположных углах – не спрячешься. Стены –

прочный железобетон. Просверлить их, как это сделал узник замка Иф (граф Монте-Кристо по роману Дюма), не получится. Над дверью – вентиляционная решётка. Через неё можно при желании выглянуть в коридор.

Долго выбираем себе места (из шести имеющихся) и завариваем чай (кипятильник из карантина я забрал с собой). Возле зеркала висит календарь на февраль, который оставили предыдущие жильцы. Хорошо, а то можно было подумать, что в этой камере ещё никто не жил. Сегодня 27 февраля. Поскольку в феврале 28 дней, этот календарь сгодится нам и на март, дни недели не сбиваются, только допишем внизу ещё три дня. Хорошо, что год нынче не високосный, а то бы в феврале было 29 дней – сидеть на один день больше.

Смотрим – что там за окном. Мы на втором этаже, так что виден тюремный двор, горы снега, склады, а вдали, за забором и вышкой, видны домики частного сектора – там свобода. Ну что ж, неплохо для начала новой жизни. Вопрос только – надолго ли мы здесь. У меня это определится в конце марта, у Максима – в конце апреля, когда закончатся отведенные нам судом два месяца заключения.

На футболке у Максима герб и надпись – «Витязь». Он привез её из Донецка, где достаточно долго жил и работал. На эту надпись даже наши охранники обращают внимание. У меня тоже имеются отличительные особенности. На футболке, переданной мне Наташей, на спине надпись – «Новосибирское астрономическое общество». Но она никого не удивляет – охранники и так знают кто я такой.

Так выглядят камеры на 6 мест в новом корпусе СИЗО-1. Почти евростандарт.

Максим – хороший собеседник. В жизни повидал многое. Не исключаю, что нас с ним свело не счастливое стечение обстоятельств, а участие начальника тюрьмы. Мы обсуждаем самые разные темы, начиная от глобальной политики, ситуации в Донбассе, альтернативной истории, вплоть до самообучающихся нейронных сетей, используемых

для распознавания лиц. Он с интересом расспрашивает меня о теме моей научной работы, об астроблях, об астрономии. И даже даёт практические советы как монетизировать это моё увлечение. Психологически нам комфортно вдвоём.

Как-то мы начали обсуждать проект «Марс-500». Несколько лет назад шесть добровольцев (мужчины) были помещены в закрытое пространство на 500 дней, то есть почти на полтора года. Учёные изучали состояние экипажа в условиях длительного нахождения в замкнутом пространстве. Мы с Максимом приходим к выводу, что арестанты находятся в условиях гораздо более жёстких, чем участники того эксперимента. У нас практически полностью отсутствует связь с внешним миром, мы вынуждены самостоятельно обеспечивать свою занятость, имеем гораздо худшее питание. Кроме того, и это самое сложное – мы не знаем дату завершения своего испытания. Оно может продлиться месяцы, а может быть и годы. Наука могла бы воспользоваться заключёнными в тюрьмах для проведения таких экспериментов, мы были бы только рады. Кстати, американцы тоже проводили похожий эксперимент, но у них в составе экипажа были и женщины.

Кроме того, в тюрьме можно исследовать и относительность хода времени. Как известно, теория относительности Эйнштейна гласит, что в космической ракете, двигающейся со скоростью, близкой к скорости света, время будет замедляться. Поэтому космонавт будет стареть медленнее, чем оставшиеся на Земле люди. Не раз это демонстрировалось в фантастических фильмах, когда, например, сравнительно молодого космонавта встречает на Земле его сильно постаревшая дочь (фильм *Интерстеллар*). В тюрьме – наоборот. Год на воле пролетает очень быстро. Мы иногда даже позволяем себе жаловаться на это обидное обстоятельство. Но год в тюрьме может показаться целой жизнью. Да что там, для меня и два месяца по продолжительности показались как минимум годом. Вот вам и теория относительности в действии.

В прошлом мне посчастливилось близко общаться с несколькими космонавтами. Теперь, вспоминая их впечатления от полётов, я мысленно сравниваю с этим своё нынешнее положение. Так же, как в космосе, мы оторваны от мира. И нет никакой возможности быстро вернуться в тот мир, пока не выполнишь свою «программу». Остаётся только наблюдать за миром со стороны. И это приводит к глубоким философским размышлениям. Думаю, что космос и тюрьма – это лучшие места для того, чтобы подумать о смысле жизни. У космонавтов, правда, не так много времени для этого – у них очень плотный график работы. В тюрьме времени предостаточно. После таких размышлений понимаешь, что вернёшься в мир другим человеком. Ты станешь не лучше, не хуже, а просто отношение к миру станет другим, сможешь ценить то, что раньше не ценил.

С глобальных проблем переключаюсь на чисто практическую задачу – как научиться фиксировать время? Особенно остро хочется знать его во второй половине дня, когда обед затягивается, а мысли о нём становятся всё настойчивее. Солнце в камеру не попадает – солнечные часы работать не будут. Напротив наших окон стоит какое-то

трёхэтажное здание, выполняющее роль склада. Несколько раз мы наблюдали, как эки там разгружают машины с мясными тушами и мешками. Здание стоит между внутренним и внешним периметрами. Внутренний двойной ряд колючей проволоки проходит прямо под нашими окнами, а внешние ограждения видны за этим складом. Эки, которые там работают, уже на полдороге к свободе. Разглядывая это здание за неимением более интересной картинки, я мысленно представлял, что каким-то образом смогу оказаться на его крыше, а уже оттуда как-то спланирую за внешний периметр.

Наш высокий корпус отбрасывает тень на здание склада. Эта тень двигается сначала по стене здания, потом достигает крыши, и только к вечеру накрывает его полностью. Эта тень и стала моими солнечными часами. Через несколько дней я уже знал, что когда тень достигает вентиляционных труб на крыше, обед должен быть близок. По времени внешнего мира это соответствовало четырём или пяти часам. Раньше этого момента можно было не беспокоиться.

Максим активно подключается к составлению магических квадратов, сумма чисел в которых одинакова по всем горизонталям и вертикалям (а также по диагоналям). Алгоритм нечётных квадратов я вспомнил, поэтому легко составляю квадраты 3 на 3, 5 на 5, 7 на 7... А вот с квадратом 4 на 4 пришлось повозиться. Над следующим – 6 на 6 мы бились несколько дней, но тоже одолели. Ну, говорю, теперь можно и за теорему Ферма браться (хотя она уже и решена).

2	7	6	→15
9	5	1	→15
4	3	8	→15

15 ↙ ↓ ↓ ↓ ↘ 15

Магический квадрат 3x3.

Позже, узнав про обстоятельства моего дела, Максим выдвинул конспирологическую версию моего преследования. Согласно его предположению, я стал мелкой пешкой в некоей большой игре. Косвенно это подтверждается рядом фактов, прозвучавших в городских новостях. Я и сам иногда подумывал об этом. Тем не менее, интересно было услышать мнение независимого эксперта, который даже верно назвал возможные ключевые фигуры моего дела.

Впрочем, эта версия не была единственной. Максим обладал способностью связывать между собой совершенно, казалось бы, далёкие события. Так, длинными тюремными днями и вечерами рождались и совсем фантастические версии. Однажды я рассказал ему о моём недавнем открытии, которым я ниспровергаю одну устоявшуюся в истории науки версию. Речь шла о предмете, который был обнаружен мной в Эрмитаже год

назад. Этот предмет у нас не был известен вообще, о нём не было ни одной статьи на русском языке. Зато такие предметы были известны английским учёным – в Лондоне хранится пара аналогичных устройств. Англичане считали это устройство всего-навсего портативными солнечными часами. Но я, только что ставший главным российским экспертом по астролябиям, увидел в этих предметах прототип астролябии. В одном из писем англичанам я пытаюсь доказать это, написав целую статью. Меня удивила пауза, возникшая в нашей переписке. Конечно, авторитетные учёные были просто ошарашены наглостью никому не известного русского выскочки. Моё дело возникло вскоре после этого эпизода. «У англичан длинные руки» – подводит итог Максим.

Сам Максим столкнулся с вымогательством со стороны следствия. С него сначала запрашивали миллион рублей, а потом посредники увеличили сумму до трёх. Таких денег у него не было. Да если бы и были, никаких гарантий в том, что результат будет положительным, никто не даёт. А вот дополнительную обвинительную статью получить – это пожалуйста. Впрочем, судя по крупным делам, время от времени появляющимся в прессе, такие проделки за следователями водятся. Наверное, и я мог бы при желании избежать ареста. Правда возникает вопрос – чья рука влиятельнее – следственного отдела или прокуратуры? Кому платить? Ведь это две конкурирующих конторы, которые и друг за другом следят. Кроме того, это выглядело бы несколько абсурдно – откупаться реальной взяткой от мнимого обвинения во взятке. Да и где, наконец, взять такие деньги?

Вечером, впервые за последние пару недель, я вижу в окно ясное небо. Окна выходят на северо-восток, дальше видны частные дома и лес за ними. Небо в этом направлении более-менее чистое. На ещё светлом фоне на востоке восходит Луна. Она почти полная, полнолуние наступит через день или два. Вспоминаю, что моё уголовное дело заведено 31 января, в день полного лунного затмения. В тот день мы наблюдали затмение в планетарии при большом наплыве посетителей. А я вместе с сыном проводил измерения яркости лунного диска. Для этого брал на приборостроительном заводе специальный прибор, яркомер. Мне было важно повторить наблюдения 2011-го года, чтобы сравнить ход двух затмений. Кривые яркости оказались сходными. Сам прибор остался у меня в кабинете. Теперь меня беспокоит мысль – вернули ли прибор на завод? Нашёл о чём беспокоиться.

Через два дня к нам завели третьего жильца, а затем – полностью заполнили камеру. Но от этого не стало тесно. Слушаем новые истории. Самая смешная – от Саньки, который в первый же день работы грузчиком в магазине «Ярче» стащил два ящика водки. Ему назначили общественные работы, но он не захотел ходить на них. И вот теперь он на смешные два месяца определён в СИЗО, практически по собственному желанию. Раньше, ещё в карантине, я встречал таких «несерьёзных» преступников. Там был, например, алиментщик, которого отправили в тюрьму на три месяца по заявлению его бывшей жены. И хотя та вскоре одумалась и просила суд оставить его на свободе, но суд был непреклонен. Ещё один чудак – бывший контрактник – во время перевода в другую часть сбежал домой и ещё полгода получал зарплату на карточку. А когда

зарплата перестала приходить, он решил позвонить в свою часть, чтобы выяснить, в чём дело.

Больше народа в камере – больше идей для времяпровождения. Новые идеи принёс нам Иван, он уже бывал здесь и знает порядки. В этом отношении нам, первоходам, можно сказать повезло. Благодаря письменному заявлению Ивана мы получаем в камеру иголку и ножницы. Их нам выдали на целый день! По очереди остигаем себе отросшие ногти. Первым делом Иван установил связь с верхней камерой. Стояки отопления уходят в верхние перекрытия через другие трубы, чуть большего размера. Так что после раскачивания трубы образуется узкая щель, через которую можно просунуть, например, сигарету. Конечно, приходится помучиться. Сигарета должна идти вверх строго вертикально, чтобы не цепляться за неровности. Но чего-чего, а времени у нас с избытком. В этом отношении мы богачи. Особенно по сравнению с теми, кто на воле жалуется на недостаток времени.

Наверху – малолетки. Так называют молодых преступников, они в основном, оказались здесь из-за наркотиков. Да и в нашей камере двое – по этой самой злополучной 228-й статье. Говорят, что половина тюрьмы заполнена ими. Что интересно, многие из них верили в неуязвимость мессенджера «Телеграмм». В прессе до сих пор муссируется отказ создателя этой сети от сотрудничества с ФСБ. Дескать, какой нехороший этот Павел Дуров, не хочет помогать родным борцам с преступностью. Похоже, вся эта шумиха лишь для того, чтобы преступники продолжали верить в безопасность «Телеграмма» и быстрее попадались на крючок.

Среди сидящих много тех, кто по глупости позарился на лёгкие деньги – согласился перевезти груз или сделать закладку с дозой. Эти парни совершили плохие дела, но мне их по-настоящему жаль. Выпороть бы их ремнём по первое число, да отпустить на свободу. Мало кто из них решится повторить преступление. А теперь они много лет будут сидеть на шее государства. Да и дальнейшая жизнь у них поломана. Самый «лёгкий» срок по 228-й статье – от 4 до 8 лет, самый тяжёлый – от 15 до 20. При этом, настоящих барыг, которые организуют сбыт наркотиков, здесь не наблюдается.

После выхода из СИЗО я узнал, что государство тратит на одного заключённого 39 тысяч рублей в месяц, 469 тысяч в год. Так что бюджет тюремного ведомства в расчете на 646 тысяч заключённых, составляет 303 миллиарда рублей (в 2018 году). Для сравнения – на космическую деятельность Россия в 2018-м году потратит 182 миллиарда. Если бы можно было обойтись без тюрем, мы были бы уже на Марсе! Эту мысль мне навеял Рэй Бредбери, один из моих любимых писателей-фантастов. Он говорил: «Люди – идиоты. Они сделали кучу глупостей: придумывали костюмы для собак, должность рекламного менеджера и штуки вроде айфона, не получив взамен ничего, кроме кислого послевкусия. Человечеству дали возможность бороздить космос, но оно хочет заниматься потреблением – пить пиво и смотреть сериалы».

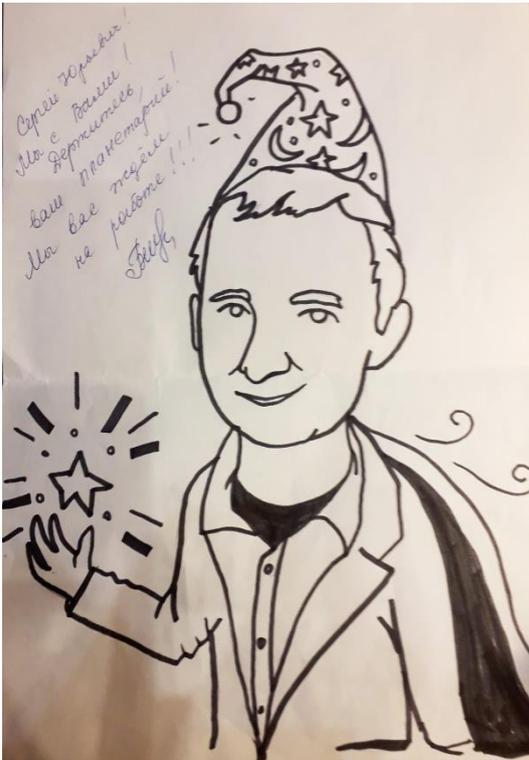
Наркотики – это язва нашего общества. И даже не потому, что можно стать наркоманом и потерять здоровье или принести беду в свою семью. Да, это горе. Но ещё страшней

то, что можно сесть, и сесть надолго. Я не помню, чтобы эта тема широко обсуждалась по ТВ или в прессе. Я сам осознал её масштаб только здесь в СИЗО. А ведь, если бы эти парни знали, какое страшное наказание грозит им за простое «попробовать», они, наверняка, не сделали бы роковой шаг. Эту проблему нужно обсуждать в школах! Нужно доводить информацию до молодых и ещё глупых парней. Нужно размещать баннеры на улицах наших городов – наркотики опасны для вашего здоровья. И объяснять, что здоровье подорвут даже не сами наркотики, а тюрьма. Объяснять, какие сроки можно схлопотать за кажущееся баловство. Пусть об этом расскажут те, кто попал под каток правосудия. Увы, проблема стыдливо замалчивается.

На новом месте жительства у нас появилась важная для сидельцев возможность – мы можем заказать продукты из местного магазинчика. Правда, для этого кто-то со свободы должен открыть там счёт на наши имена и внести деньги. Мы с Максимом надеемся, что наши родные уже сделали это, поэтому просим принести нам прайс-лист магазина. Список довольно обширный – на нескольких листах мелким шрифтом. Кроме сигарет, чая, сладостей, сухого питания, перца, соли, и других полезных в СИЗО продуктов, имеются и такие необходимые в хозяйстве вещи, как пластиковый нож (!), ведро, веник (в камере этого нет). Поэтому, делаем первые небольшие заказы, чтобы проверить свои счета. Если бы мы знали, что наш заказ будет выполняться 12 дней (позднее мы поняли, что это ещё быстро), сразу сделали бы заказ побольше. С другой стороны, чем дольше было ожидание, тем большую радость мы испытали при получении товара. Не всегда магазин имеет нужный товар, его может просто не быть в наличии. Поэтому нужно заказывать всего с запасом и без конкретики, то есть, если сигареты, то без указания марки или с перечислением возможных марок. Не будет одной – заменят на другую.

Другой полезный сервис – электронные письма. Любой желающий с воли может написать письмо любому заключённому. Достаточно знать полные ФИО и год рождения (думаю, и без года дойдёт). На сайте ГУФСИН можно найти форму для электронного письма и заполнить её. Можно приложить фотографии. Простое письмо с оплаченным ответом стоит немного больше 100 рублей. Его доставляют в течение трёх рабочих дней, о чём приходит подтверждение на адрес отправителя. Естественно, ничего лишнего писать нельзя, письма проходят цензуру, как по пути туда, так и оттуда.

Очень приятно, когда почтальон приносит в камеру письмо. Любая весточка с «того» света радует. Когда меня завалили письмами на день рождения – это было ощущением настоящего праздника. Я в свою очередь тоже, видимо, задал задачку цензорам, когда на бланке ответного письма, адресованного в планетарий, нарисовал кроссворд на астрономическую тематику с пометкой «Hand made – without Internet». Я вообще сомневался – дойдёт ли оно. Но, как оказалось, дошло.

Рисунок, который я получил на свой тюремный день рождения.

Составление кроссвордов увлекло меня на несколько дней. Поскольку, я мог полагаться только на собственную память, пришлось составить целый словарь астрономических терминов. Сначала – слова из двух букв. Их немного: Ио – спутник Юпитера, Ку – выражение из фильма «Кин-дза-дза», мю, пи, ро – буквы греческого алфавита, юг – сторона света. Далее – слова из трёх букв, их уже набралось около двадцати. Больше всего в словаре оказалось слов из шести букв – под сотню. Пришлось переписать их несколько раз, чтобы упорядочить по алфавиту. А вот слов из четырнадцати букв смог вспомнить только два – эксцентриситет и противостояние, на чём пришлось остановиться. Зато после этого работа по составлению кроссвордов вышла на поток.

2	4	5	6	7			
ИО	Азот	Тень	Альфа	СЕВЕР	АЗИМУТ	ОРБИТА	АЛФАДА
ПИ	Арес	Тихо	Алекс	Сигма	АЛЬБОР	ПАРСЕК	АЛЬТАИР
РО	Атом	Узел	Бялдж	Спика	АПОГЕЙ	ПЕРСЕЙ	АПОЛЛОН
СИ	БЭТА	Уран	Белка	ТЕЛЕЦ	АСТРОН	ПЛЮДАН	АРЕСИБО
ЮГ	Вега	Чили	Бозон	ТИТАН	АФЕЛИИ	ПЛУТОН	БАНАРА
КУ	Весы	Ядро	Болдг	ТИТОВ	АРКТУР	ПИОНЕР	БИНОКЛЬ
	Ганш	Ялет	Браге	ФОБОС	АЭЛИТА	ПРОТОН	ВОДРОД
	Дева	Ясли	БРУЧН	ФРОКУС	БИРУНИ	РАДИАН	ВОДОРОД
	Яиск	Мчля	БУРДН	ФОТОН	ВЕНЕРА	РАДУГА	ВОЛОПАС
	Ююны	Дюйм	ВЕСТА	ХАББЛ	ВОСТОК	РИТЕЛЬ	ВОЯЖЕР
	Зицц	МЕТР	ГАММА	ХАРОН	ВОСХОД	РАКЕТА	ГАГАРИН
3	Змея	ФАЗА	Гелий	ХВОСТ	ВОСГОТА	САТУРН	ГАИЛЕЙ
	КЕТЬ	МАРТ	ГЕММА	ЦЕФЕЙ	ГАЛЕЙ	СЕЛЕНА	ГАНМЕД
БТА	Ковш	ИЮНЬ	ГИАДИ	ЭЛОХА	ГЕЛКОС	СИМЕНЗ	ГЕРШЕЛЬ
Век	Краб	июль	Гижра	ЦЕФЕЙ	ГИГАНТ	СИРИУС	ГЛОНАСС
Вос	Крабо	Зидж	Денеб	СРЕДА	ГРАДУС	СОБАКА	ГРАНУЛА
Гез	Лимб	АИДЖ	ЖИРАФ	КАНОН	ДЕЙМОС	СУБАРУ	ГРИНВИЧ
Гоз	Лира	КОРА	Зипаг	РУКАВ	ДЕЛЬТА	СОЛНЦЕ	ЗЕРКАЛО
ИСЗ	Луна	ВРА	Земля	КАТОД	ДРАКОН	СПЕКТР	КАССИНИ
Кси	Люкс		ЗЕНИТ	САРОС	ЕВРОПА	СТРУВЕ	КОЗЕРОГ
Лев	МАРС		КАНАЛ	ГЕОИД	КАРЛИК	ТРОЛИК	КОРОЛЕВ
Мир	МАСК		КРЫСА	СИНУС	КВАЗАР	ФАТОН	КВИНТЕТ
МКС	МОРЕ		ЛИНЗА		КЕПЛЕР	ФАЛЬТ	ЛУННОХОД
НЛО	Муха		МАССА		КОМЕТА	ХОУКИНГ	НЕЙТРОН
Рак	Мышь		МЕСЬЕ		КОРОНА	ЦАХДЕР	НИВЕЛИР
Тай	Нася		МИРАЖ		КРАТЕР	ЦЕРЕРА	ОМИСКИН
Час	Овен		МИЩАР		ЛЕБЕДЬ	ЭЛИПС	ПАЛЛАДА
УРА	Озон		Олимп		ЛЕСНОВ	ЮПИТЕР	ПЕРИГЕЙ
ФУТ	Форт		Орion		МАНЕВР	ЗВЕЗДА	ПРОЦЕДУ
Пуд	Фрел		Отвес		МЕТЕОР	ЯНВАРЬ	ПУЛКОВО
СОЛ	Пояс		Пегас		МИНУТА	АПРЕЛЬ	ПУЛЬСАР
МАЙ	Раху		Пегус		МЕМЕНТ	АВГУСТ	ПАСКАЛЬ
Бик	Руби		Пелюс		НЕПТУН	НОЯБРЬ	ПАРАШЮТ
ЭОП	Рясь		РАТАН		НЬЮТОН	ЗОДИАК	СЕКУНДА
ШАР	Свет		САЛЮТ		ОКУЛЯР	ГНОМОН	СКАЙЛЭБ
Куб	Солюз		СВЕЧА		ОДРИН	АГОЛЬ	СПИРАЛЬ

Страничка из словаря астрономических терминов для составления кроссвордов

Позже, когда я вышел из СИЗО, я получил возможность извне обращаться к своим сокамерникам. Первым делом написал Максиму. При этом приходится учитывать, что письмо будет проходить цензуру. И хотя мой адресат находился всего в нескольких километрах от меня, я радовался ответному письму, как будто вышел на связь с инопланетянами. В одном из писем Максима значилось – «в этом месте должен быть текст, который не пропустила цензура». Значит, первый вариант этого письма ему вернули. Можно было догадаться, о чём там мог написать Максим.

Каждый сиделец в камере ждёт хоть какого-то движения с воли. Это может быть вызов на допрос к следователю, на общение с адвокатом, а иногда, в редких случаях, и свидание с родственниками. Любое такое событие скрашивает монотонность бытия. Поход состоит из нескольких этапов. Сначала собирается группа из своего корпуса, затем эта группа следует в административный корпус, преодолевая по пути подземный переход, лестницы, пункты контроля. В административном корпусе имеются отдельные боксы для работы следователей, есть общий зал, разделённый решёткой, где с одной стороны находятся адвокаты, а с другой – заключённые. После работы с адвокатом или следователем заключённых тщательно досматривают. Всё тело, включая подошвы обуви, сканируются металлодетектором, а потом зэков отправляют в боксы-накопители, «черные» – «красные» отдельно. Бумаги не проверяют, так что печатные

материалы можно передавать любые. Некоторые давние сидельцы носят на встречи большие тома бумаг. Я всё хотел воспользоваться этим обстоятельством, чтобы получить через адвоката газеты и статьи, но не успел. Ожидание в боксе может затянуться, пока не соберутся все. После этого группы разводят по корпусам.

На каждом этапе этого похода можно встретить знакомых или познакомиться с новыми людьми. Иногда такие встречи бывают очень полезны. Здесь я, например, встретил человека, который обвиняется по моей статье и провёл здесь (страшно сказать!) уже два года. Утешаю себя тем, что мои суммы несопоставимы с его миллионами, а он на ходу консультирует меня и даёт очень дельные советы. Предлагает передать в камеру для изучения УПК – Уголовно-процессуальный кодекс и УК – Уголовный кодекс. Он сидит в моём корпусе двумя этажами выше.

Адвокаты занимают очередь и долго дожидаются встречи со своими подзащитными. Однажды ко мне пришли сразу двое. Второй адвокат, Александр, как сообщил мне – заключил договор с моими друзьями. Первый вопрос, возникший у меня в голове – а как это проверить? Я уже знаю три тюремных правила: «ничего не бойся, никому не верь, ничего не проси». Александр видит моё недоверие, поэтому в следующий раз приносит письмо от моего друга Николая Ступишина. Но даже тогда я сомневаюсь, так как не помню почерк своего друга. Поэтому снова задаю наводящие вопросы. Да и первый адвокат, Юрий, недоволен. Он считает, что коллега только осложнит ему работу.

Недоверие ко всем – это особенность существования в тюрьме. Здесь я услышал столько историй о том, как следователи обманывают подозреваемых, чтобы выудить у них нужные сведения, о «подсадных утках», которые могут оказаться в твоей камере. Но постепенно диалог с Александром налаживается. Мои адвокаты такие разные, и возможности у них разные, так что нет повода отказываться от кого-то. Раз друзья так решили, буду принимать это с благодарностью. Тем более, что это дополнительный канал связи – через адвоката можно получить или передать какую-то информацию.

Через несколько дней после заезда в камеру администрация ошарашила нас подарками – холодильником и телевизором. Никаких комментариев с их стороны не было, просто открывается дверь и работники (другие заключённые) заносят к нам в камеру совершенно новый холодильник Бирюса. Мы просто обалдеваем. Вопрос – а что в нём хранить? Да, есть бутылка растительного масла, торжественно водружаем её внутрь. В морозильнике можно морозить лёд – тоже полезная функция. Позже мы поймём, что холодильник – это источник и других полезных для нас функций – ёмкость для овощей сгодится для приготовления супа, а полка в виде решётки станет антенной.

Холодильник пригодился в мой день рождения. Максим решил соорудить что-то вроде торта. Для этого использовал печенье, которое мелко растолок, сгущённое молоко. Всё это попало в морозилку, где затвердело и приняло вид пироженого-картошки. Вкуснотища! По этому случаю пришлось провести лекцию про день весеннего равноденствия. Я как астроном ориентируюсь не на календарь, который прыгает туда-

сюда из-за високосного дня, а на движение Солнца. День рождения – это момент, когда Солнце приходит в ту же самую точку, где оно было во время рождения. Так вот, я родился через шесть часов после того, как Солнце прошло точку весны в знаке Овен. Этот момент бывает 21 или 22 марта, а иногда даже 20-го. Но это ещё не всё. Мама родила меня 22 марта в Хабаровске. Как она рассказала, был час ночи. Но теперь я живу в Новосибирске. Здесь из-за разницы в часовых поясах в момент моего рождения было ещё 21 число. Так какого числа мне отмечать день рождения в Новосибирске? Конечно, 21-го! Но 22-е тоже нужно отметить, поскольку эта дата записана в паспорте. Так что мой личный праздник продолжается два, а то и три дня! Всем эта история понравилась. Проблема только в том, что я не помню, на какую дату выпадает равноденствие в этом году.

Телевизор мы получили днём позже. Плоский экран среднего размера. Я слышал про телевизоры в камерах, но считал, что их устанавливают по инициативе самих заключённых. Сейчас же был просто удивлён таким щедрым даром со стороны администрации. Оставалась одна проблема – антенна. Некий тюремный мастер должен был завести к нам кабель. Но разве в силах мы были ждать этого мастера? Нет, мы с ходу начали проявлять свои познания в технике и лихорадочно соорудить антенну собственной конструкции. Идеи сыпались как из рога изобилия. В дело было пущено всё, что возможно – провод заземления с сантехнических труб, решётка из холодильника, труба пожаротушения, идущая по периметру камеры, даже решётку на окнах мы попытались подключить. Наконец, после двадцатой попытки на частоте 527 мегагерц забрезжил один канал. Это был канал «Культура» – самый подходящий для наших условий. Черно-белое изображение страшно рябило, но звук был хороший. Мы просто впились изголодавшимися взглядами в экран. Первая увиденная нами передача было про картину Ван Гога «Проститутка». Тут мы вспомнили и про то, что Ван Гог был наркоманом и про то, что он пил абсент – полынную водку. Заодно пообсуждали рецептуру этой водки. Тема нас очень тронула. Хорошая культурная дискуссия получилась в результате просмотра нашей первой передачи. Спасибо телеканалу «Культура»!

На следующий день пришёл мастер, который забросил к нам через вентиляционный люк конец телевизионного кабеля. Самостоятельно зачищаем провод и подключаем его. Ура! Процесс пошел! Нам доступны все каналы, которые мы видели на свободе! Даже не верится. Какая-то фантастика! После месяца информационной блокады (по крайней мере, для меня) мы получаем такую ничем не ограниченную возможность! Спрашивается – а за что боролись? Неужели нельзя было в том же карантине включить хотя бы нормальное радио, а не это убогое «Новое радио» с его не менее убогим хитом «Похороните меня за плинтусом». Абсолютно непонятно. Теперь, после длительного информационного воздержания, мы знаем время (!), прогноз погоды (!), центральные и местные новости (!), можем смотреть фильмы и ток-шоу. Знание времени нужно в основном при затянувшемся ожидании обеда, знание прогноза погоды помогает некоторым отлынивать от прогулки. А в местных новостях иногда показывают тех, кто должен заехать в наше СИЗО.

С этого дня начинается испытание «голубым экраном». Мы смотрим всё подряд. В камере большая часть молодежи, так что мне приходится подстраиваться под их интересы и смотреть в том числе разные молодежные ток-шоу. Глядя их, шутим – видеофайлы, полученные с наших камер наблюдения, установленных под потолком, можно продавать на запад и выпускать программу «Тюремные будни». Мой главный союзник в выборе программ – Максим. Мы подсаживаем всех на сериал «Обратная сторона Луны», который идёт все праздничные дни (8 марта) – безумное количество серий про милиционера и преступника из 1979 – 2011 годов. Как я узнал позже – это вольный ремейк британского сериала «Жизнь на Марсе». Первый блок из 16 серий мы одобряем, а второй уже явно пахнет халтурой. Но мы всё равно героически досматриваем его до конца.

В воздухе витает новость – в СИЗО грядёт московская проверка. Мы догадываемся об этом по изменениям в рационе питания. Удивила утренняя пшеничная каша, которая явственно сластила. Раньше такого не наблюдалось. На обед в картошке невообразимо много тушёнки! А на ужин – вообще фантастика – котлета, хотя и рыбная. Такое случилось единственный раз за два месяца моего пребывания в СИЗО. Вслух мечтаем всей камерой – почаще бы такие проверки.

Еды, в общем-то, хватает. С голоду не умрёшь. Только Иван, самый худой из нас, постоянно пытается получить дополнительную пайку. Несколько раз мы даже подыгрывали ему, когда он обманывал баландеров, ребят, которые раздают еду. Обычно, он второй раз подходил к «кормушке» в конце очереди. Начиналась перебранка, подсчеты, иногда Иван побеждал и гордо уплетал дополнительную порцию – на тарелке ничего не оставалось.

Парни начали поддерживать свою физическую форму. Металлические кровати служили удобными гимнастическими снарядами, на которых можно было отжиматься и держать пресс. Большое пространство в камере позволяло отжиматься даже в групповом режиме. По предложению Дэна отжимания стали проводиться сериями – сначала на увеличение, от одного раза до десяти раз, затем – на уменьшение. Пространство камеры позволило мне даже вспомнить полузабытые навыки ходьбы на руках. После нескольких проб у меня это стало получаться. Но никто из ребят не решился повторить такое упражнение вслед за мной.

В один прекрасный день меня почему-то отказались выпускать на прогулку одного. Я пытался протестовать и напирал на своё право¹. Поскольку я был единственным желающим, мне даже не открывали дверь камеры. На следующий день я попытался схитрить – подговорил Евгения, что он тоже пожелает выйти. После того, как дверь открылась, я выскользнул в коридор, а товарищ остался в камере. Я надеялся, что силой меня не будут заталкивать обратно. Но сотрудники стояли твёрдо, ссылаясь на некий

¹ Как я выяснил позже, моё право на прогулку прописано в приказе Минюста РФ от 14 октября 2005 г. № 189 "Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы".

приказ начальника СИЗО. Я требовал показать этот приказ. Он, естественно, был «для служебного пользования», т.е. показать его мне не могли (или не хотели). Слыша, что словесная перепалка затягивается и у меня ничего не получается, мой товарищ не выдержал и решил тоже выйти на прогулку. Так что этот «правовой» эксперимент не был завершён.

На одной из прогулок знакомлюсь с парнем из соседней камеры, Анатолием. Он оказался в соседнем боксе. Мы с ним почти «коллеги» – я, по версии следствия, брал взятки (ст. 290), он – давал (ст. 291). Он вёз груз из Казахстана и хотел быстро решить вопрос с таможенной. Говорит, в их стране это в порядке вещей, а тут не сработало. Разговариваю также с моим прежним соседом – Кириллом. Он сидит в одиночке (!), поэтому прогулки не пропускает. Для него это возможность услышать других эзков. Такой режим определяет ему следователь. Я узнал, что ему не пропускают передачи и письма. Серьёзно за него взялись. Кирилл не один такой изгой. В одном из соседних боксов слышен голос Михая. Он в одиночке уже два года. Его обвиняют в терроризме.

Нас с Кириллом объединяет двухнедельное совместное сидение, разговоры по душам, откровения о своих семьях. Мы вместе мечтали о том, что встретимся после освобождения на воле, в Питере, даже место выбрали – гостиница Астория рядом с Исакиевским собором. Теперь я пытаюсь хоть как-то помочь ему – вечером прошу охрану передать в его камеру особо ценные в условиях тюрьмы продукты – лук и чеснок. Иногда такие просьбы проходят, всё зависит от человечности сотрудника. Особенно, когда речь идёт о святой-святых – о сигаретах. Но на этот раз он отмахивается – ты что, он 200 миллионов украл, а ты ему – чеснок. Откуда ему знать – сколько он украл?

Скоро выборы президента. Смотрим с Максимом документальный фильм о Путине. Мы подозреваем, что и телевизор нам дан для того, чтобы зомбировать нас перед выборами. Будь ты хоть семи пядей во лбу, но жвачка с экрана всё равно понемногу затекает в мозги. Иногда доходит до смешного. Зрителя на все лады убеждают: посмотрите какой замечательный у нас кандидат, он и это умеет, и это, и даже то. Он и под воду ныряет, и на истребителе летает, и на дельтаплане, и на жигулях сам может. А уж как он разруливает проблемы во время стихийных бедствий – любо-дорого посмотреть.

Всё это больше рассчитано на пенсионеров. Молодым на это наплевать. Тем более, не понимает это и нас с Максимом, тёртых калачей. Сразу после просмотра очередного предвыборного ролика мы с Максом проводим его аналитический разбор. Прежде всего обсуждаем те вопросы, которые ведущие старательно обходят.

Основной вопрос – можно ли голосовать за президента, при котором чиновники творят беспредел? За президента, при режиме которого ты оказался за решёткой. Максим называет существующий режим оккупационным. Он намного моложе меня, но вспоминает референдум, на котором народ нашей страны высказался за сохранение СССР. Это было в марте 1991 года, а в декабре того же года произошёл Беловежский

сговор и три правителя – Ельцин, Шушкевич и Кравчук – развалили страну. В этом Максим прав, когда-нибудь история расставит всё по своим местам и назовёт этих людей преступниками. Спрашиваю – а почему в армии ты дал присягу новой России? Ответить ему нечего.

Наступил день голосования, 18 марта, и каждый из нас должен был решить, как поступить. Отказы от голосования не принимались, к урне тащили всех подряд, кого-то (со старой тюрьмы) чуть ли не силой. В нашей камере кто-то считал, что нужно голосовать хоть за кого, только не за кандидата власти. Кто-то склонялся к мысли, что нужно просто испортить бюллетень. Этот, последний вариант устраивал и меня. Даже при том, что результат всё равно известен, голосовать «за» мне казалось противоестественным.

Камеры выводят по очереди, по какому-то неизвестному нам расписанию, но всё же мы пересекаемся с предыдущей группой, а потом и со следующей. Кто-то успевает обменяться приветствием, кто-то узнает про своих подельников или знакомых. В комнате для голосования за столами сидят женщины. Хоть и не молодые, но для изголодавшихся мужских глаз и такие за радость. Можно даже позволить себе короткую фразу или шутку. Только в тюрьме или в армии понимаешь, что женский голос звучит по-особенному. Получаю по списку свой бюллетень, расписываюсь, и далее меня направляют за ширму. Вот уж не ожидал, что здесь обойдется без давления. Можно спокойно ставить галочку там, где хочешь или даже портить бюллетень. Это мне понравилось. Даже не думаю – что там дальше будет с моим бюллетенем. Администрация тоже не в накладе – у них сегодня стопроцентная явка!

Практически всю свою жизнь я лояльно относился к власти. Я имел возможность заниматься любимым делом, и этого мне хватало. Больше мне от власти ничего и не нужно было. Всё остальное я строил сам – семью, квартиру, весь окружающий меня мир. Теперь же, когда с попустительства властей какие-то опричники ломают мне жизнь, я не могу больше соблюдать нейтралитет. Мне казалось, голосовать сейчас за предложенного властью президента – это значит, поступать как в 37-м году, когда люди шли на расстрел со словами «Слава Сталину».

В голове моей как бы выстроился пазл, до того раскиданный по частям. Всё, что раньше я замечал, но пропускал мимо себя, теперь видел в совершенно другом свете. Для нынешней власти человеческие судьбы – ничто. Это относится и к судьбам мелких уголовников, окружающих меня здесь в тюрьме, так и к крупным личностям, например, фигурантам резонансного дела Гоголь-центра, или к нашему бывшему губернатору Юрченко, попавшему в опалу по навету влиятельного недоброжелателя. Уголовные дела заводятся по указке сверху, для отчётности, для получения новых званий и премий. Теперь мне всё это не безразлично. Я с удовлетворением думаю про себя, что стал оппозиционером. Пока ещё не явным.

Здесь в нашем СИЗО есть и политзаключённые. В тот день меня отправляли из СИЗО на суд. На сборке в небольшую камеру набили человек пятьдесят. Большая часть

стояла, чуть ли не плечом к плечу. Было слышно, что в одном углу встретились знакомые. Где-то курили. От нечего делать народ общался с рядом стоящими. Не помню, с чего я начал разговор с коренастым парнем, стоящим рядом, но он быстро откликнулся и начал рассказывать о себе. Это был Вячеслав Добрынин.

Почти полгода назад, он подал заявку на проведение «Русского марша» в Новосибирске 4 ноября 2017-го года. Именно оппозиционного марша, а не того, который проводится под крылом властных структур. За день до заявленного марша его арестовали по обвинению в подготовке массовых беспорядков, и с тех пор держат в СИЗО. Вячеслав говорил громко, чтобы слышали стоящие вокруг. И многие действительно, с интересом повернулись в нашу сторону. Не каждый день встретишь политического. Но было видно, что его рассказ не так интересен, как например, рассказ убийцы или вора. И постепенно все вернулись к своим более уголовным разговорам. (Через год, после суда, Вячеслава отправят в психбольницу, а одному из его соратников дадут три года).

Я помню, что жесткие меры стали применяться к оппозиционерам с 2011-го года. В тот год прошла волна цветных революций в Тунисе, Ливии, Египте, Сирии. Помню, после трагической гибели ливийского лидера Каддафи американский сенатор Джон Маккейн указал, что такая же участь ожидает и других диктаторов, включая российского. Наша власть всерьёз обеспокоилась своей участью. И поэтому когда с декабря 2011 года начались массовые протесты, в том числе самый массовый митинг 6 мая 2012 года на Болотной площади в Москве, власть не придумала ничего лучшего, кроме как закрутить гайки.

Тогда хватали всех, кого можно, чтобы запугать активистов и всех им сочувствующих. Например, студента Ярослава Белоусова посадили за то, что он показал кулак ОМОНу, выкрикнул слово «фашисты» и бросил в них лимон. Он отсидел больше двух лет. Кто-то просто толкнул полицейского, кто-то дернул его за руку, а кого-то вообще не было на Болотной площади, но он симпатизировал протесту в интернете¹. Можно сказать, что это было началом современных репрессий, репрессий 21-го века. никоим образом нельзя их сравнивать с 1937-м годом, ведь тогда расстреливали. Но когда ни за что ни про что ломается судьба человека, это всё равно страшно. Ведь жизнь-то одна.

На мои взгляды большое влияние оказала газета «Троицкий вариант. Наука», в которой авторы не боятся рассказывать о гонениях на учёных. Борис Штерн, главный редактор газеты, которого я знаю лично, публикует правдивые материалы. Время от времени раньше, а тем более, после выхода из СИЗО, я читал «Новую газету». В ней тоже частенько освещаются истории незаслуженно репрессированных людей. Многим из них, конечно, я и в подметки не гоюсь, но сюжеты иногда бывают схожие.

Думаю, что и само моё дело – это минус действующей власти. После моего ареста множество людей написали письма в мою поддержку. В основном, это те, кто уже много лет меня знает и, конечно, не верит следствию. Среди них двое космонавтов,

¹ Судьбы десятков пострадавших на Болотной площади представлены на сайте www.bolotnoedelo.info.

учёные, планетарии, институты, общественники, просто друзья... Когда мне этот перечень писем (без самих писем) передал в СИЗО адвокат Юрий, уже сам этот список необычайно тронул меня. Я просто не думал, что моя судьба вызовет такой отклик, не только у близких друзей, но даже у тех, кто общался со мной короткое время или даже заочно. Я с теплотой думаю об этих людях. Возможно, стоило оказаться здесь, чтобы узнать, как к тебе относятся. Думаю, все эти письма (их около 60) позже оказали своё влияние на решение суда – выпустить меня из СИЗО и отправить под домашний арест. Уже дома я смог внимательно прочитать письма и интернет-публикации. Все они написаны от сердца.

Между тем я продолжаю творческую работу. Ещё в ИВС написан и передан на волю сценарий фильма об измерении Земли. Теперь я параллельно веду несколько тем, переключаясь с одной на другую. Во-первых, перевожу с английского статью о научных инструментах прошлого – об инструментах Клавдия Птолемея и более поздних, примерно до 1500 года. Такой систематизированной информации на русском языке пока ещё не было издано. Правда, время от времени встречаются слова, значения которых я не знаю. Пониманию смысла это не мешает, но точность страдает. И тут мне неожиданно на помощь приходит Максим. Перевод некоторых английских слов он знает лучше меня! Да-а, не случайно нас здесь свела судьба.

Во-вторых, ежедневно веду дневник. Пишу не слишком откровенно, опасаясь, что он может попасть в чужие руки, но для напоминания событий и людей он сгодится. В-третьих, задумал статью о планетариях. В ней рассказываю про историю предшественников планетария, о различных видах планетариев – популярный обзор для неподготовленной публики. Про планетарии я могу рассказывать по памяти, без использования интернет-подсказок. Но кое-где приходится вставлять пометки – уточнить позже. Завершу эту статью я уже на воле. В-четвертых, я задумал аж целую книгу. Опять же, исходя из своих возможностей в неволе, книги достаточно простой – для начинающих любителей астрономии. Начал с того, как пользоваться телескопом, как наблюдать метеоры, Луну, планеты. Не знаю, насколько востребованной может быть эта книга на свободе, но пока она больше нужна мне самому.

И, наконец, в-пятых, я пишу мемуары, воспоминания о прошлой жизни. Это позволяет ещё раз вдумчиво оценить прошлое, разглядеть подсказки, которые направляли мою жизнь в ту или иную сторону. Такими подсказками, как я сейчас понимаю, иногда были болезни. Они без слов говорили мне о том, что я отклонялся от главного курса своей жизни. Того курса, который привёл меня на пост директора планетария и вот, наконец, сюда, в тюрьму. Здесь можно улыбнуться и подумать, куда же направляют меня текущие события? Видимо, на посту директора планетария я свою миссию уже выполнил. Что будет после тюрьмы? Без дела на пенсии я не смогу сидеть. Буду преподавать или заниматься наукой? Для того, чтобы уйти служить в церковь, пожалуй, поздновато. Или я стану правозащитником? Мечтать не вредно.

Вскоре я узнал от адвоката Александра, что жена добивается свидания со мной. Мне не очень хотелось представать перед любимой женщиной в обличье арестанта. Я стал

думать о своей причёске, о внешнем виде – и эти мысли были не в пользу такого свидания. С другой стороны – я хотел увидеть её, подбодрить и показать, что всё не так плохо. И вот – комната для переговоров. Нас привели заранее, так что успеваю оглядеться. В комнате около 10 мест. Каждое ограничено с боков пластиковыми перегородками. Напротив – за двумя решётками и двумя слоями оргстекла – место для гостя. Посередине – промежуток около метра. Разговаривать можно только с помощью телефонного аппарата. И вот – запускают гостей. Из всех сил стараюсь бодриться, чтобы не дать повода любимой для слёз. Но, кажется, у меня самого от волнения наворачиваются слёзы. Пришлось пошутить о том, что присланная мне расчёска пока не востребована.

Мы не виделись полтора месяца. Разговаривали около часа, успев обсудить много событий, произошедших за это время. Перед свиданием Наташе пришлось пообщаться со следователем. Он интересовался материальным положением нашей семьи, спрашивал, где мы провели прошлый отпуск (на озере Яровое в Алтайском крае), зачем в декабре я летал в Париж (повидать дочь и внуков) – как будто в ходе полугодовой доследственной проверки нельзя было всё это выяснить. Расстаёмся с любимой, договорившись продолжить свидание за чашкой кофе в нашем кафе на площади Калинина.

Эйфория по поводу телевизора прошла у нас довольно быстро. Дней через десять телевизор стал уже раздражать. Дома я смотрел его до второй, максимум до третьей рекламы, затем отправлялся заниматься другими делами. Здесь я тоже переключался на другие дела, но телевизор продолжал вещать без перерывов. Я старался с терпимостью относиться к интересам молодежи. К счастью, они тоже были лояльны к моим просьбам – убавить звук или даже переключиться на другой канал.

Новостные каналы интересны только нам с Максимом. Мы с удовольствием смотрим их, потому что нам нравится пропускать сообщения через себя и читать «между слов» диктора первопричину той или иной новости. Пустую шелуху вроде массового ДТП или борьбу с коррупцией мы даже не комментируем. Ну, иногда, может быть, обсудим – с кем не поделился очередной высокопоставленный взяточник, или предположим, почему именно он стал «козлом отпущения» и кому выгоден его арест.

А вот выступления президента всегда очень «красноречивы». О самых интересных вопросах в его речи нет ни слова. Он вообще обходит внутренние проблемы страны, как будто они его вообще не интересуют. Ну, разве что вспомнит о том, как замечательно работает правительство и слегка погрозит пальчиком тем, кто не желает выполнять его бородатые майские указы. Иногда порекламирует очередную амбициозную стройку, но в основном слышим из его уст о «нехороших ребятах» в НАТО и о Сирии. Поэтому мы досказываем друг другу то, что не услышали от него. Под международные события Максим подводит свою аналитическую платформу и удовлетворённо констатирует – всё идёт так, как он предсказывал.

Вскоре мы узнали, что для администрации телевизор – это ещё и средство наказания. В один из вечеров, после отбоя, основное освещение было выключено. Остался только ночной фонарь над дверью. Он тоже мешал спать, и Евгений решил завесить его полотенцем. Мы, старшие по возрасту, хотя и знали, что это чревато неприятностями, но не возражали. Спать так было гораздо приятней. Говорят, особый гормон – мелатонин – очень важное для организма вещество, которое помогает нам заснуть, лучше вырабатывается в темноте. Кроме того, свет во время сна нарушает наши циркадные ритмы, заложенные в нас природой, сбивает ход наших внутренних биологических часов. Об этом рассказывал в своей книге и космонавт Юрий Батулин. На космической станции, оказывается, с этим тоже проблема, – Солнце появляется в иллюминаторах на каждом обороте станции вокруг Земли, каждые полтора часа.

Видеокамеры, расположенные на потолке нашего узилища, не смогли в эту ночь зафиксировать наше поведение, они просто ничего не видели в темноте. А это уже непорядок. Об этом нам объявили во время утренней проверки. Не помогло даже то, что Женя чистосердечно признался в своей вине. Незамедлительно последовала кара – телевизор изъять! Позднее мы прочитали: в инструкции написано, что запрещается регулировать освещение в камере. Так что нарушение налицо. Ну что ж, особо мы не расстроились. Но затаили зло на наших надзирателей. На общем совете решено было «шатать режим».

Под этим понятием подразумеваются любые формы саботажа тюремной дисциплины. Например, утром назначают дежурного по камере. Обязанность простейшая – во время проверки назвать номер камеры и число человек в ней. Но даже такие простые требования работают против заключённых, показывают их подчинённость. Поэтому неписаное тюремное правило – не подчиняться (по крайней мере, с первого раза) даже простым командам, как например – «руки за спину». Но в то же время такой саботаж не должен переходить определенную грань, после которой можно загреметь в карцер. Это произойдёт тогда, когда сотрудник СИЗО сможет зафиксировать неподчинение с помощью индивидуальной видеокамеры, которая крепится у него на рукаве. Сгоряча родилась и другая идея – затопить камеру через сливной бачок унитаза. Но после детального обсуждения её отвергли, так как это чревато расформированием камеры. В общем, мысли на уровне детского сада. Но что только не придёт в горячие головы в условиях полнейшего безделья.

В этот вечер без голубого глаза телевизора в нашей камере началась подпольная деятельность. Мы решили, что пора проложить «дорогу» к соседям. Технологию этого процесса теоретически мы знали, а главным дорожником стал самый опытный из нас – Иван. Сначала через своё окно протягивается нитка, контролька, к соседям. В нашем случае это была камера сверху. Действовать нужно было слаженно. Верхняя камера опускает нитку с грузиком, «коня», а мы, изготовив длинную удочку из подручных материалов и веника с крючком на конце, затаскиваем его к себе. Дело сложное – внутренняя решётка имеет размер ячейки всего около 6-7 см, а внешняя, крупная, находится за окном на расстоянии около полуметра от внутренней. Но через час упорной работы контролька протянута. После этого вслед за ней тянется верёвка. Для

изготовления верёвок разной прочности сплетаются нитки из одеяла или простыни. Ну а по верёвке уже можно передавать всё, что пройдет через решётку. Мои молодые соседи были очень горды своей первой «дорогой».

Камера без «дороги» в тюрьме не признаётся приличной. В старом корпусе, «старухе», такими дорогами опутаны все стены. Это прекрасно видно снаружи. Для установки связи с соседней по этажу камерой, нужно применить больше изобретательности. В одной камере раскачивают и бросают в нужную сторону грузик с ниткой, а в другой ловят его «удочкой». Даже днём во время прогулки мы наблюдали такие дороги в действии. Из камеры в камеру могут передаваться сигареты, чай, малявы (записки), телефоны...

Прежде чем прокладывать дорогу, нужно обезопасить себя. Поэтому предварительно видеокamеры, расположенные под потолком, закрываются бумажными колпаками. На посту это обнаружат не сразу, так как дежурные не глядят на экраны постоянно. К тому же камер много, за всеми не уследишь. Но даже, если и обнаружится, что видеокamеры ослепли, придёт проверка. Шаги сотрудника ночью в коридоре слышны издали, так что можно подготовиться. Один он в камеру не войдет. И не факт, что реакция будет слишком злобной. Однажды, когда я ожидал услышать требование – прекратить безобразия, мы услышали за дверью почти вежливое: «чтобы через 10 минут видеокamеры были открыты».

Причина такой мягкости в том, что рядовые сотрудники не заинтересованы обострять отношения с заключёнными. Лучше дать им небольшую слабину, и тогда они будут более лояльно вести себя по отношению к администрации СИЗО. И наоборот, после наших хулиганств сотрудники СИЗО стали, как будто, с большим уважением относиться к нашей камере.

Согласно теории Максима, сотрудники заинтересованы в том, чтобы в новой тюрьме были установлены порядки старой. Чтобы у заключённых в камерах были дороги и тайники. Тогда они начнут думать о телефонах, которых тут пока нет. А телефоны – это возможность заработка для сотрудников СИЗО. Говорят, что самый простой кнопочный телефон можно заказать через них за пять тысяч рублей. А в прошлом году было несколько случаев (это только пресечённых), когда телефоны пытались доставить в тюрьму через адвокатов или с помощью квадрокоптеров. Поэтому меня не удивляет то, что за год в тюрьмах и на зонах Новосибирской области было изъято 2,5 тысячи телефонов! Для решения данной проблемы в некоторых СИЗО пробовали устанавливать глушилки для сотовых телефонов. Но они стали мешать и жителям близлежащих домов, так что эта идея не прижилась. Выход один – экранировать весь корпус. Тюремные будущего, которые показывают в фантастических боевиках, расположатся в космосе. Там администрации будет проще решать вопросы изоляции эков. Но до этого ещё далеко.

До случая с видеокamерами наша команда уже вышла из числа благонадёжных. Дело в том, что Иван предложил, а остальные одобрили идею – поставить брагу. С этой целью

Иван тщательно готовил и замачивал хлебные крошки, чтобы они закисли. К ним добавлялись огрызки яблок и сахар. В качестве тары использовалась полуторалитровая пластиковая бутылка из-под воды. Иван ухаживал за этой бутылкой как за дитём – на время проверки прятал в надёжное место (для этого пришлось вскрыть металлический фартук раковины), а потом возвращал на горячую батарею. Говорят, что алкоголь в небольших количествах необходим для организма. На воле я время от времени употреблял водку в качестве лекарства – для снятия стресса. Причем, вывел свою формулу – 100 грамм водки по своему действию эквивалентны пробежке в 10 километров. И после того, и после другого артериальное давление у меня снижалось одинаково. Жена иногда вопросительно поглядывала на меня во время проведения таких лечебных процедур, но для её (и своего) успокоения я вспоминал профессора Преображенского из фильма «Собачье сердце».

Не так давно я нашёл подтверждение своей эмпирической теории. Оказывается, в организме человека учёные обнаружили некое вещество – дофамин, который влияет на эмоции, ощущения, впечатления. Чем больше дофамина, тем сильнее потребность в сильных эмоциях. А спорт и алкоголь одинаково усиливают такие эмоции.

Попад в тюрьму, я лишился возможности и бегать, и принимать допинг. Оставалось только с грустью вспоминать эту свою «нехорошую» привычку. Меня слегка беспокоило – не будет ли организм требовать свою порцию лекарства? Но организму в стрессовой ситуации и так хватало эмоций, его окружали более существенные проблемы – с питанием, например.

Бутыл тем временем созревала, и парни предвкушали скорый праздник. Иван временами пробовал содержимое на готовность. Но однажды проверка нагрянула во внеурочное время и бутылку обнаружили на батарее. Больших разборок не было, её просто изъяли. А сотрудники после этого часто интересовались – не поставили ли мы напиток заново? Видно наш продукт понравился – шутили парни. Жальче всего саму бутылку, так как другой у нас не было.

Удивляет, что среди сотрудников СИЗО есть женщины. Некоторые совсем молодые, некоторые в возрасте. Кажется, что работать в такой тяжелой моральной обстановке – совсем не женское дело. С другой стороны, женщины вызывают естественный интерес эзков, надолго оказавшихся в чисто мужском обществе. Кто-то пытается даже заигрывать с ними, кто-то просто обсуждает их внешность и характер с сокамерниками. Кто знает, может этим женщинам даже такое внимание приятно?

Однажды я стал свидетелем, как одна из сотрудниц проводила шмон в нашей камере – вытряхивала сумки, пакеты, обшаривала карманы и места возможных тайников. В этот день я был дежурным и присутствовал при досмотре. Остальных жильцов на время шмона вывели в другую камеру. Такое поведение женщины выглядело противоестественным, хотя она всего лишь выполняла свои служебные обязанности, а правильность её действий фиксировали видеокамеры.

В установлении «дорог» в новой тюрьме больше всего заинтересована старая тюрьма. Дело в том, что дороги – это ещё способ сбора «общака», то есть денег и сигарет, которые идут на общие нужды, в частности для поддержки тех, кто сидит в карцере. В старой тюрьме «дороги» позволяют каждой камере не чувствовать свою оторванность от «коллектива». У «смотрящих» за тюрьмой существует некая «домовая книга», где записаны все заключённые, по крайней мере, те, до кого они смогли «дотянуться». Информация передаётся из рук в руки и во время передвижений заключённых внутри тюрьмы. В эту книгу поступают данные о вновь прибывших, так что при желании легко найти нужного человека (подельника, например).

Наличия «дороги» недостаточно для того, чтобы хата называлась приличной. Важное требование – отсутствие ненормативной лексики. Я был несколько удивлён этим обстоятельством, так как это не вязалось с ранее навязанными мне стереотипами. Однако когда меня самого, грешен, каюсь, пару раз одернули старшие товарищи (старшие по сроку пребывания в тюрьме), я проникся этим. И уже не пытался ненароком «косить» под «доцента» из фильма «Джентльмены удачи».

Близился к концу срок моего двухмесячного содержания под стражей. В конце марта должен состояться суд, на котором либо продлят моё нахождение в СИЗО, либо я выйду под домашний арест. Конечно, очень хотелось бы выйти, но я не позволял себе слишком надеяться на это – иначе тяжело будет смириться с отрицательным результатом. Если останусь в СИЗО, нужно будет достойно отметить праздник 1 апреля. У нас в планетарии это уже законный день математики. Два года мы проводили фестиваль, даже книжку выпустили. Ну а здесь придётся над кем-нибудь подшутить. Предлагаю парням – 1 апреля перед проверкой спрячемся все в туалете. Вот удивятся-то наши опричники, когда откроют камеру, а в ней – ни-ко-го. Когда всё же заглянут в туалет, мы хором скажем: «С первым апреля!». Смогут они оценить нашу шутку?

За неделю до окончания срока, как раз на мой день рождения, 22 марта меня вызвали на допрос к следователю. Присутствовали и оба моих адвоката. Мне показалось странным, что вопросы были ни о чём:

- «Знаете ли вы такого-то?».

- «Помню, но смутно».

- «Как вы закупали космическое питание для сувенирного киоска?»

- «Вот так-то».

В протоколе следователь точь в точь фиксировал мои слова, не пытаясь исказить их смысл. Это было странно. Можно было только гадать – неужели лёд тронулся? На прощание я пожал всем руку, по инерции протянув ее и следователю, хотя ранее давал себе слово ни в коем случае этого не делать. После такого щадящего допроса моя надежда выйти на волю сильно возросла.

Из-за решётки под домашний арест

Этап в Октябрьский районный суд я уже проходил, так что он не вызывает никаких особых эмоций. На этот раз я в полной готовности – записал своё выступление, запасся

бутылкой с чаем, шоколадкой и яблоком в дополнение к стандартному пайку, который получают все выезжающие из СИЗО. В суде оказываюсь в боксе с двумя убийцами – это неприятно. Особенно, когда они начинают разговаривать об обстоятельствах своих дел. Одного из них очень волнует вопрос – куда его направят отбывать срок – только бы не в Омск (считается, что там беспредел со стороны администрации). Кроме того, он уже сейчас озадачен тем, как будет жить на воле после 10-летней отсидки. Чтобы не слушать неприятные откровения, начинаю рассказ на свои темы – об астрономии, о том, как люди живут в Индии и Китае. Но даже тут разговор вдруг сворачивает на тему плоской земли. До чего же раскрученный бред!

И вот меня уже во второй раз заводят в зал суда в наручниках и помещают в клетку. На этот раз всё выглядит, конечно, гораздо оптимистичней. Вижу мою любимую жёнушку, вижу друзей, рядом – коллеги из планетария. И, главное, перед клеткой – стол с двумя защитниками. На этот раз судья – мужчина. Сначала выступает следователь, и он задаёт тон заседанию – оставить под арестом в СИЗО! Моё сердце падает, я, после недавнего мягкого допроса почему-то был уверен, что следователь сам предложит выпустить меня. Но не тут-то было! Немного обнадеживает то, что судья строго спрашивает следователя про обоснованность его заявления.

Я протестую, пытаюсь доказать необходимость выхода на волю. Ссылаюсь на абсурдность обвинения, состояние здоровья, научную работу и даже на то, что планетарию требуется помощь. Мой защитник Юрий начинает зачитывать список ходатайств и писем в мою защиту. Делает упор на письмах космонавтов и на письме из Академгородка. Это длится достаточно долго (писем более 50), но судья не прерывает и не торопит его. Потом всё же спрашивает – чего он хочет? Ответ – домашнего ареста. Следуют вопросы судьи – где будет проходить домашний арест, на кого оформлена квартира и где документы на квартиру? Их нет в наличии. Сердце опять обрывается – неужели шанс будет упущен из-за этой формальности? Но нет, судья объявляет перерыв и отправляет сторону защиты за документами. Сейчас Наташа помчится домой, а я пока возвращаюсь к своим «друзьям»-убийцам. Но теперь уже со мной явная Надежда! Иначе зачем было запрашивать документы на квартиру?

Через полтора часа возвращаюсь в зал с поднятой головой. Мой следователь на месте, но, теперь и он понимает, что проигрывает. Второй защитник, Александр бросает на весы Фемиды второй важный аргумент – состояние моего здоровья. Наташины коллеги написали такую справку, какую, как сказал Юрий, он в жизни не видал. Но судья смотрит её мельком, кажется, он уже принял решение. Но он должен ещё спросить прокурора. И прокурор поддерживает сторону защиты! Чудеса! Судья надолго удаляется, но все понимают, с каким решением он выйдет. Переглядываюсь с женой, с друзьями, но не позволяю себе слишком радоваться и совсем не смотрю на следователя. Боюсь, что моя улыбка в его сторону будет выглядеть слишком торжествующей.

Судья озвучивает решение – под домашний арест на месяц! Вот теперь можно радоваться! Но пока меня уводят в наручниках. Я почему-то уверен, что меня выпустят

только через два дня, когда закончится ранее определённый срок ареста. К счастью, это не так. Решение сегодняшнего суда приоритетно. Уводят моих сокамерников. На радостях делюсь с ними остатками шоколада. Тюрма не досчитается сегодня одного заключённого. Когда меня вывели из камеры, наручники уже не одевают. Одна из сотрудниц полиции шепчет: «Прощайте. Только не говорите до свидания». До этого она пыталась расспросить – кто меня подставил.

Когда закончилось судебное заседание, был уже конец рабочего дня. Следовательно, вероятно, с трудом нашёл инспектора УИИ, Уголовно-исполнительной инспекции ГУФСИН. Тот примчался, принял меня в здании суда и вывел на улицу. Он вёз меня домой на своей личной машине, по дороге бегло инструктируя. Тут же в машине я подписал несколько бумаг, особо не вникая в их смысл. Душа ликовала – я еду домой!

Вот так, под конвоем, пройдя через 53 дня ареста, 29 марта я прибыл в родной дом! Из того, что я понял на ходу – это то, что я не должен покидать свою квартиру, даже выходить в подъезд. На балкон – можно. Общаться могу только с близкими родственниками, в число которых входит жена, дети, родители, родные сестры и братья, а также с официальными защитниками. Я не имею права пользоваться интернетом, звонить кому-либо (кроме аварийных служб и медиков).

С женой я смог обняться у подъезда нашего дома, с сыном и дочерью – уже в квартире. Чуть позже некоторые друзья попытались позвонить мне. Но, увы, отвечать им я не имел права. К счастью, интернет в квартире никто не отключал, мои дети и жена могут им свободно пользоваться. А это значит – и отправлять мои письма от своего имени. То же самое и со встречами – я могу общаться через свою жену. Конечно, нужно понимать, что если какое-либо нарушение режима будет зафиксировано УИИ, я могу вернуться в СИЗО (а этого бы очень не хотелось).

Я вернулся домой как из долгого космического полета. Теперь мне лучше понятны эмоции космонавтов, вернувшихся с орбиты. Всё радует космического скитальца – объятия близких людей, горячий душ, мягкая кровать, домашняя пища, наркомовские 100 грамм, вид из окна, даже запахи. Всё это мы не особо ценим в повседневной жизни, а теперь каждый штрих выглядит необычайно сочно и ярко. Начинается новый этап жизни, и он обещает быть более насыщенным на события.

Наташа рассказывает мне о реакции наших друзей и знакомых. Все понимали, что по отношению ко мне происходит явная несправедливость. Понимали и то, что у нашей семьи теперь один кормилец – Наташа с её маленькой зарплатой медика. А расходы на адвоката – немалые. Накопить какие-то сбережения у нас никогда не получалось. Поэтому почти сразу ей начали приносить деньги. Откликнулись не только хорошие знакомые, но и те, с кем мы были знакомы шапочно. Откликнулись мои одноклассники из города Асино Томской области, на встречи с которыми у меня никогда не хватало времени. Откликнулись сотрудники планетария, а также бывшие коллеги с приборостроительного завода. Вместе с одноклассниками прислала деньги моя бывшая жена, с которой мы расстались 19 лет назад (мы с ней учились в одном классе). Мой

одногоруппник Александр Носов организовал сбор средств среди тех, с кем вместе мы учились в институте.

У нашей семьи уже много лет особенно тёплые отношения с семьёй Антона Савельева. С первого дня моего ареста Антон рядом с Наташей. Он в курсе ситуации. Вместе они каждый день приезжали к адвокату. Но позиция Юрия ему кажется пассивной. Поэтому вместе с Николаем Ступишиным они принимают решение найти второго адвоката. Антону особенно непросто в этой ситуации. Дело в том, что он ... ученик моего недоброжелателя. Ещё школьником Антон научился у него делу, которым занимается и поныне – изготовлением телескопов. Представляю – каково ему разрывать душу между учителем и другом. Антон знает, что я никак не проявляю неприязнь к его учителю, как бы тот меня ни доставал. Если между нами и идёт война, то война односторонняя. С моей стороны военные действия не ведутся.

Откликнулась моя старшая дочь, у которой своя семья в Париже. Она прислала Наташе деньги в евро. Я шучу (с глазами на мокром месте) – ну вот и наступило время, когда дети стали папе помогать деньгами. Дочь искренне переживает по поводу моей «истории». Она советуется с русскими, окружающими её в Париже. Русская диаспора там большая. Среди них есть «непростые» люди. Многие, узнав про обстоятельства моего дела, качают головами и говорят, что, видимо, замешана политика. Её знакомый священник молится за меня. А сама она написала письмо нашему президенту. Письмо из-за границы может иметь другой вес, чем внутреннее. Увы, и на него вскоре следует стандартная отписка.

Теперь мы можем часто разговаривать с дочерью по телефону. Она присылает фотографии и видео детей. До слёз пробивает (после тюрьмы я стал намного сентиментальнее), когда вижу выступление детского хора в русской школе. Дети, все родившиеся в Париже, поют на хорошем русском языке песню со словами «моя родина Россия», а потом ещё из «Неуловимых мстителей» - «...и нет нам покоя, гори, но живи, погоня, погоня, погоня, погоня в горячей крови...». Государство должно низко поклониться и сказать спасибо нашим русским женщинам за то, что они сохраняют родную культуру в чужих странах!

Я очень рад, что мои парижские внуки остались русскими. С каким удовольствием они смотрели со мной фильмы «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука»... Внук в свои четыре года сразу ухватил: «а нам всё равно» из песни про зайцев, и потом распевал эти слова к месту и не к месту. Спасибо и их папе, чистокровному французу, который благожелательно ко всему этому относится. Он не возражает против российского гражданства своих детей, против того, чтобы они каждое воскресенье посещали православный храм и русскую школу. В машине у него диск с русскими песнями, среди которых самая популярная – «Калинка-малинка». Жаль только, что сам он русский язык не хочет учить, впрочем, как и никакой другой (так же как я не знаю французский).

Дочь рассказывает, что купила где-то на книжных прилавках роман Достоевского «Мёртвый дом»¹, изданный в Париже в 1945 году. Позже я нахожу эту неизвестную для себя книгу в интернете и с интересом погружаюсь в неё. Речь идёт о жизни каторжников в России в середине 19-го века, то есть более 150 лет назад. В роли главного героя – бывший дворянин, оказавшийся в среде преступников. Как ни странно, многое в наших застенках сохранилось с тех давних пор. Но есть важное отличие – на каторге работа была обязательной для всех.

Тюрьма в прошлом тоже сильно отличалась от современной. Вспоминаю своё посещение Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге три года назад. В достаточно просторной камере установлена одна железная кровать и стол. Здесь содержали особо опасных преступников, таких как, например, народоволец Николай Морозов. Он участвовал в покушении на царя Александра Второго – очень серьёзное преступление. Террорист по нынешним временам! Морозов провёл в тюрьме 25 лет, пока не вышел по амнистии 1905 года (в наше время амнистия террористам не предусмотрена). И эти годы не сломили его, потому что он нашёл себе занятие – выучил одиннадцать языков, написал десятки работ по разным наукам, в том числе по астрономии. В годы революции он не поддержал большевиков, но те не тронули мученика царского режима, а сделали его одной из своих икон.

Узнаю, что на мою беду откликнулся мой давний друг Дамир. Мы с ним были близки лет 25 назад, и много лет не общались. Он связался с Наташей и предложил организовать сбор средств на наши судебные издержки. Беда лишь в том, что в той давней жизни мы с ним занимались астрологией, а в этой новой жизни это может компрометировать меня. Да что там компрометировать, это сказано слишком мягко. Некоторые в открытую обвиняют меня в том, что я астролог, забывая ситуацию 90-х годов. Когда астрономам перестали платить зарплату в НИИ, они нашли другое применение своим знаниям. Я даже горжусь, что наши программы по расчёту положений планет считались тогда лучшими в России. Дамир продолжает свою деятельность на этом сомнительном ныне поприще и искренне не понимает, как в моей ситуации можно быть таким щепетильным.

Новосибирск – большой город. Но в нём есть множество узких кругов общения людей – по специальности, по интересам, по учёбе и т. д. И в таких кругах можно пересечься с кем угодно. От одних наших знакомых мы получаем новую информацию о методах работы нашего следствия. Женщина-адвокат сопровождала на допросе одного из тех ребят, которые брали у меня в аренду оборудование. Благодаря грамотному адвокату следствию не удалось перевести этот эпизод в область взятки. Это радует. Если есть такие люди, то их поведение может служить прецедентом и для других эпизодов. Все эпизоды моего дела однотипны – людям нужно было видеооборудование, они арендовали его у меня, я получал деньги и тратил их на планетарий. Все действия подтверждаются документами. Конечно, всё это может стать логичным только при условии адекватного судьи. Буду надеяться.

¹ Достоевский Ф. М. Записки из Мёртвого дома. 1860.

Узнаю и о тех, кто отвернулся от меня. Их, к счастью, немного. Это жизнь. Так что не вижу в этом трагедии. У каждого есть свои причины.

Настало время познакомиться с новой службой – УИИ – Уголовно-исполнительной инспекцией. Она действует в общей системе ГУФСИН, службы исполнения наказания. В России по данным 2017 года около 570 тысяч человек сидят (из них – 105 тысяч в СИЗО и тюрьмах) и ещё 500 тысяч состоят под надзором инспекции УИИ. Сюда относятся и те, кто осуждён условно (их около 280 тысяч). Таких как я обвиняемых «на домашних харчах» совсем мало – всего 6753 на всю страну. Поскольку общее количество инспекций УИИ в стране 1429, то в каждой – всего по несколько таких «кадров», как я.

Получается, что 29 марта 2018 года ГУФСИН по решению суда передал меня в руки УИИ. Для того, чтобы контролировать меня, сотрудник УИИ установил мне на ногу электронный браслет – невзрачный на вид, сделанный из черного пластика и внешне похожий на часы, только без циферблата. Длину ремешка инспектор подобрал так, чтобы браслет не давил, но, в то же время, его нельзя было снять с ноги. Установка производится обычной отверткой, а головки винтов затем закрываются несъемной крышечкой. К браслету прилагается носимый блок, размером побольше сотового телефона, через который собственно и ведётся контроль. Блок этот должен находиться неподалёку. А если я куда-то иду или еду, то должен брать его с собой.

В квартире также устанавливается телефонный аппарат – базовая станция. Он будет сигнализировать в УИИ в случае, если блок и браслет исчезнут из поля его видимости (говорят, что максимально допустимое расстояние составляет около 100 метров). По телефону можно связываться с инспекцией в случае форс-мажорных ситуаций. Возможно, телефон нужен ещё потому, что внутри квартиры блок не принимает сигнал спутника (только на балконе). Я должен следить за зарядкой блока и телефона. Об их состоянии сигнализируют мигающие светодиоды. Немного настораживают микрофоны, которые наверняка имеются в этих блоках. Поэтому при разговоре держусь от них подальше.

1. Контроль электронного браслета. 2. Носимый блок. 3. Телефонный аппарат – базовая станция.

Такие высокие технологии начали применяться всего несколько лет назад. На пульте или мониторе дежурный постоянно видит моё местонахождение. Тем не менее, два раза в неделю меня навещает инспектор. У него находится блок активации, с помощью которого он может воздействовать на браслет и проверять его состояние. Вежливо разувшись у дверей, он также проходит в комнаты, проверяет, нет ли в доме посторонних. Однажды с блоком что-то случилось, надзирающие за мной потеряли его сигнал. Прежде всего, инспектор позвонил жене и выяснил, дома ли я. Потом позвонил мне и проинструктировал, как поступить с блоком. Пришлось вынести его на балкон, чтобы он поймал сигнал спутника и стал видимым для инспектора.

Браслет весит очень мало. Это не кандалы, которые раньше таскали на ногах каторжники. Однако, наличие постороннего предмета на ноге временами кажется неестественным и потому раздражает. Браслет всегда на ноге, и во время принятия душа, и в кровати. Примерно через неделю меня это стало тяготить чисто психологически. Поэтому в один из визитов инспектора я попросил переставить браслет с правой ноги на левую, что он и сделал через некоторое время. После этого я про браслет забыл.

Вместе со мной все члены моей семьи подписались под документом о том, что обязуются бережно относиться к оборудованию и не ломать его. Меня предупредили, что за утерю носимого блока (например, во время прогулки) придётся выплатить порядка 100 тысяч рублей. В такую сумму оценивается комплект. Года два-три назад, когда браслеты только появились, бывший руководитель ФСИН Александр Реймер пытался нагреть на них руки. Он поднял себестоимость комплекта с 20 до 100 тысяч рублей, а разницу делил с поставщиками. За такие дела обе стороны сделки оказались в заключении. СМИ сообщают, что его обвинили в хищении трёх миллиардов рублей (!) и дали 8 лет. Столько же, а то и больше грозит и мне за «взятку» в 190 тысяч рублей.

В интернете пишут, что собственник квартиры (в данном случае – моя жена) может отказаться от установки электронного оборудования. Тогда, может быть, браслет и не будет установлен. Но не исключаю и другой вариант действий со стороны следствия – возвращение в СИЗО.

Наташа беспокоится о моём здоровье. Для начала мы вызвали участкового терапевта на дом. Пришлось объяснять по телефону, почему мужчина в полном расцвете сил, не может сам прийти в поликлинику. Но пришедшая врач не удивилась моему браслету, оказалось, что у неё самой сын сидит. Сотрудник инспекции немного поворчал на то, что она не оставила правильной справки о своём визите, выписала только рецепт. Через несколько дней Наташа организовала приезд целой бригады со своей работы – у меня взяли анализ крови, сняли кардиограмму. К счастью, всё было почти в норме. С точки зрения защиты, это минус – нет смягчающего обстоятельства в виде расшатанного здоровья (сомневаюсь, что это будет учитываться на суде). Чтобы дать организму хоть какую-то нагрузку, начинаю бегать по квартире – с кухни через коридор в зал, уворачиваясь от кухонного стола и вписываясь в дверные проёмы. Не очень удобно, но намного приятнее, чем в прогулочном боксе СИЗО.

Теперь у меня в семье новый статус. С утра все расходится по делам – на работу и учёбу, а я остаюсь на хозяйстве – домовым. В моём распоряжении книги, статьи, компьютер – обо всём этом в СИЗО я мог только мечтать. И теперь я с головой погружаюсь в работу. Сначала вспоминаю свои недоделанные научные статьи и начинаю работать над их завершением. Особенно важно закончить описание вновь найденной в Питере астролябии. По какой-то причине не состоялась публикация статьи о Бируни, уже одобренной редакцией геодезического журнала. Верстку прислали мне, когда я уже был за решёткой. Наташа по моей просьбе одобрила её с моего электронного адреса. Но статья так и не была опубликована. Возможно, её остановил один из членов редколлегии, который знал меня и мою ситуацию.

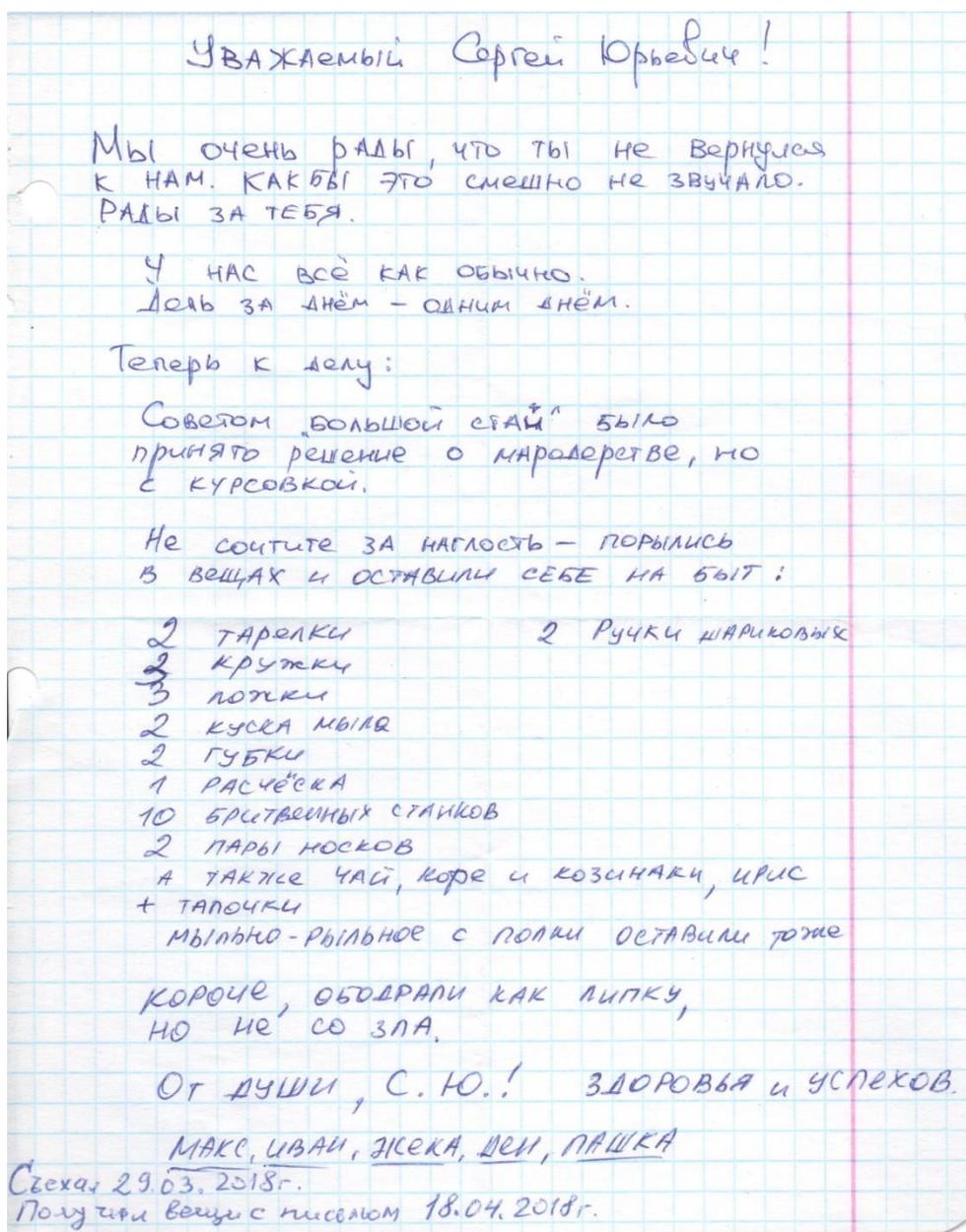
Затем переключаюсь на новое занятие. Берусь за семейный фотоархив и генеалогическое древо, давно пора навести здесь порядок. Разбираю альбомы, сортирую фотографии, погружаясь в воспоминания. По некоторым старым фотографиям звоню маме, она поясняет, кто есть кто. Сердце щемит при взгляде на фотографии своих уже взрослых детей – как давно это было. Всё ли я сделал, чтобы они были счастливыми?

Очередь доходит и до материалов моего уголовного дела. Заниматься этим мне не так приятно (жалко тратить на это время), но и здесь навожу порядок, систематизирую материалы. На многие вопросы следователя в СИЗО я просто не в состоянии был ответить точно – многих деталей не помнил. Теперь я могу восстановить события двух-трехлетней давности и чувствовать себя более уверенно.

Сразу после возвращения домой я попросил жену вызволить мои вещи из СИЗО. Там, в камере, осталась сумка с бельем, книгами, статьями, но, главное, с записями, которые я вёл на протяжении двух месяцев. Я опасаясь, что записи может прочитать администрация и тогда мне их не видать. Нужно было брать их с собой на суд, тогда и сумку можно было бросить. Теперь Наташа вынуждена героически сражаться за мою сумку. Сам я не имею права ехать в СИЗО. Я должен дать Наташе доверенность,

заверенную нотариально при том, что паспорта у меня нет (он изъят следователем ещё при аресте и находится в том же СИЗО).

В конце концов, эти непреодолимые формальности довели мою жену до слёз, но слёзы и помогли выволочь сумку. Все записи были на месте! С сумкой пришло и письмо от моих сокамерников. Максим рассказал, какие вещи они реквизируют у меня, чему я был искренне рад. Продукты, чашки, мыльные принадлежности, тапочки – всё это имеет для них там гораздо бóльшую ценность, чем для меня здесь. Я даже попросил Наташу отправить Максиму передачу из магазина СИЗО. Я чувствовал себя немного виноватым перед ребятами, которые остались там сидеть. Я их бросил.

Моя работа за компьютером продолжается до обеда. Затем готовлю что-нибудь для детей, чтобы накормить их (и себя, конечно). Это очень приятная обязанность. Мне нравится готовить. Особенно – печь простые лепешки или выпекать пиццу. А резак для морковчи хранится у меня уже больше 20 лет. Уже во время домашнего ареста я освоил

новые блюда. Сначала решил научиться делать столь популярные ныне роллы (суши). Во время, отведенное для прогулки, вместе с дочерью съездил за ингредиентами. Все они называются сложно для нашего языка – морские водоросли нори, паста васаби, японский уксус, гари – маринованный имбирь, циновка для сворачивания роллов. Рис взял обычный, круглозёрный. Получилось неплохо, главное – хватило от души поесть всей семье. Позже освоил котлеты и пирожки. Мои друзья шутят: Сергей, в случае чего ты всегда найдёшь работу в общепите.

Полноценное питание и домашняя обстановка помогают мне быстро восстановить свой вес. Когда сразу после СИЗО я встал на весы, подумал, что они испорчены. Потому-что скинул пять кило. До ареста мои полумарафонские забеги и тренировки не позволяли набрать лишние килограммы. Теперь оказалось, что СИЗО – гораздо лучшее средство для борьбы с весом, чем бег. Вполне можно рекомендовать его взамен разных диет. Время от времени этот мой личный опыт подтверждается историями о том, что полные люди сбрасывают в тюрьме десятки килограммов. Раньше я мог засомневаться в правдивости таких новостей, но теперь я верю им. Причина вовсе не в питании. Все-таки, питание в тюрьме хоть и однообразное, но калорий в нём вполне достаточно для того малоподвижного образа жизни. Причина, скорее, психологическая – стресс.

Стресс время от времени возвращается ко мне и дома. Моя судьба остаётся неопределённой. Мысли часто устремляются в будущее. Особенно по ночам. Временами они буквально терзают меня: «Всё равно посадят. За взятку не бывает условного срока. Сколько дадут?» В такие ночи можно было часами ворочаться с боку на бок. Иногда удавалось переключиться на безопасные сюжеты. Только успокоиться и готовишься заснуть, как мысли снова вырываются из-под контроля и оказываются в запретной зоне. И даже если удаётся заснуть в такие моменты, снится какая-то абракадабра. То я лезу куда-то и никак не могу достигнуть цели. То упорно пытаюсь что-то посчитать, но ничего не получается...

Постепенно я приходил в себя. Такие кошмарные ночи случались всё реже. Перед тем как заснуть я вспоминал статью, над которой работал днём, или фильм, который смотрел по телевизору. Или просто думал о детях или о жене, которая спокойно спала рядом.

Отведённый мне месяц в домашней обстановке пролетел быстро. За это время по делу произошло два события. Во-первых, мой следователь-тиран А. А. Дереза, арестовавший меня, ушёл (или его ушли). Возможно, когда-нибудь я узнаю причину этого, а пока еду на допрос (своим ходом!) к новому следователю Е. В. Шмаковой, тоже капитану. Она относится ко мне достаточно благожелательно и позволяет себе критиковать ход предыдущего следствия, причём в мою пользу. Про себя думаю – может быть, это метод «кнута и пряника» в действии?

Второе событие – арест моего имущества. Как объяснил адвокат – на случай, если я кому-то нанёс ущерб своей деятельностью. Всё, что следствие смогло найти, это дача в селе Барлак (30 км от Новосибирска) с земельным участком и домиком. Дачу мы

приобрели ещё в 2005 году, тогда же я достроил имеющийся там небольшой домик площадью 17 квадратных метров и воздвиг баню. С тех пор я героически сражаюсь там с зарослями травы и кустов, а Наташа возделывает несколько грядок. Это наше главное место для релакса в окружении природы, в основном – летом.

Свою машину, Тойоту-Короллу, мы приобрели ещё раньше – в 2002 году, когда переехали в Новосибирск. Уже тогда ей было семь лет, сейчас – уже за 20. Она вся побитая, но бегаёт исправно (тьфу-тьфу), удивляя нас качеством японского автопрома. На ней мы исколесили Алтай, Хакассию, Кулундинские степи, Томскую область, доехали даже до острова Ольхон на Байкале. Следствие нашей Тойотой-Короллой не заинтересовалось. Это и понятно – её остаточная стоимость стремится к нулю. Но даже дачный домик и участок, как записал в протоколе адвокат Александр, были арестованы с нарушением – как минимум половина принадлежит жене, это совместно нажитое имущество. Нас знакомят с этим постановлением в присутствии понятых, двух студентов-практикантов.

Суд разрешает прогулки

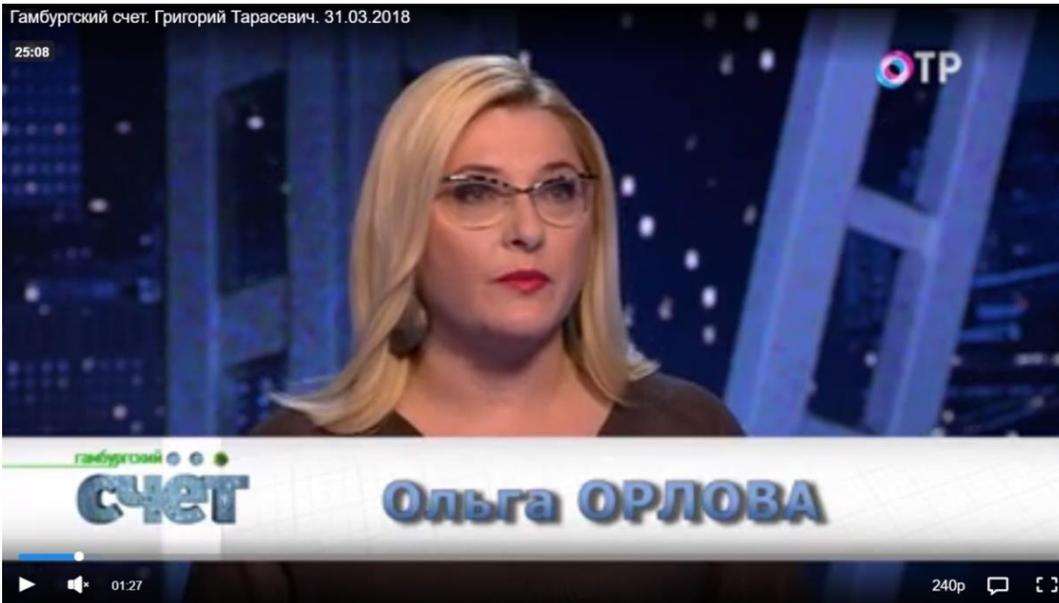
Спустя месяц, 27 апреля, состоялся очередной суд, где рассматривалось продление моего домашнего ареста. Я опасался, что мне, как и раньше, в зале суда придётся находиться в клетке. К этой роли я уже привык. К счастью, теперь мне была отведена лавочка рядом со зрителями, пришедшими на суд, и я чувствовал себя гораздо комфортнее. Судья был прежний, который прошлый раз выпустил меня из СИЗО – Д. А. Вьюгов. Это вселяло надежду. Следователь, молодая девушка, заменявшая основного следователя, озвучила свой запрос – оставить под домашним арестом. Я вместе с моими защитниками настаивал на освобождении под подписку. В крайнем случае, меня бы устроил домашний арест с возможностью прогулок. Адвокат Юрий подробно расписал незавидное состояние моего здоровья и необходимость прогулок на свежем воздухе. Целый месяц я не имел возможности вообще выходить на улицу. На что судья вполне резонно заметил – прошлый раз ни о каких прогулках речи вообще не шло. Действительно, тогда не до этого было, я думал лишь о том, чтобы выйти из СИЗО. Теперь судья спросил меня – сколько времени мне нужно на прогулку. Я замешкался, назвал – час, потом поправился – два, хотя, наверное, можно было бы просить и больше.

Как раз в этот день в Новосибирске был московский гость – главный редактор журнала «Кот Шрёдингера» Григорий Тарасевич. В прошлом году, когда я защитил диссертацию, он опубликовал в своём журнале мою статью об астролябиях. Теперь он был в числе первых, кто выступил в мою защиту. Сначала он создал петицию на сайте change.org, которая очень быстро набрала более 9 тысяч подписей. Затем, 24 февраля, в журнале «Русский репортер» вышла его статья под заголовком «Арест просветителя».

А 31 марта Тарасевич выступил в 25-минутной передаче «Гамбургский счёт» на Общественном Телевидении России (ОТР), где вместе с ведущей, Ольгой Орловой, рассматривал мой арест как угрозу просветительской деятельности в России.

Сергей Масликов. Тюремные записки астронома

Теперь он сам, оказавшись в Новосибирске, решил приехать на суд, пообщаться с моими адвокатами и со мной. Я был очень рад видеть его и сказал, что готовлю статью для журнала «Кот Шрёдингера». Статью о планетариях вообще, которую начал писать ещё в СИЗО. За месяц относительной свободы мне удалось согласовать ряд моментов с некоторыми коллегами, включая руководителя Ассоциации планетариев России. Позже я отослал статью Григорию, но долго не получал никакого отклика. Через несколько месяцев я узнал, что журнал «Кот Шрёдингера» перестал выходить. Похоже, Григорий пострадал за то, что слишком активно поддерживал «преступника».

Передача «Гамбургский счёт» на Общественном Телевидении России (ОТР)

Мой домашний арест продлен до конца июня. Теперь в моем ежедневном расписании появился важный пункт – про-гул-ка! Ура! С сотрудником инспекции УИИ мы согласовали её время – с 18 до 20 часов ежедневно. Место прогулки судья записал с моих слов довольно расплывчато – в районе, прилегающем к месту жительства.

Сотрудник УИИ трактовал эти слова по-своему – не далее 500 метров от дома. Я же считал, что под словом район понимается весь Калининский район, в котором я жил. Фактически я гулял по улице Богдана Хмельницкого, от Плановой до Учительской (где находится храм), а также бегал по дорожкам в Сосновом Бору – на расстоянии до полутора-двух километров от дома. К счастью, это не вызвало вопросов. С собой я обязан брать носимый блок. Для этого приходится цеплять на бок небольшую сумочку и следить, чтобы блок был заряжен. Эта сумочка не доставляет особых неудобств, если не считать, что при беге она болтается.

На следующий же день я начал пробежки. Поначалу опасался – как мышцы отнесутся к этому после трёхмесячного перерыва. Поэтому первая пробежка была очень осторожной. Бегать я решил через день, определив для начала дистанцию 10 км. На это уходит около часа – половина отведённого мне времени. Во время самой первой пробежки я встретил девушку-бегунью, которую и раньше неоднократно встречал на дорожке. Она, в отличие от меня, времени не теряла. Нужно наверстывать пропущенное.

Через неделю стало понятно, что организм вспомнил всё и не пытается бунтовать. Я снова получил возможность ощущать радость полёта над землей. Фаза полёта – это время, когда ноги не касаются земли, эта фаза составляет около половины всего времени бега. Получается, что за час бега, около половины часа я летаю! Наверное, это то, за что я так люблю бег. Время от времени вспоминаю тюремный бокс размером 5 на 5 метров, где я тоже пытался бегать, и благодарю Бога (и друзей) за то, что он помог мне выйти оттуда.

Во время бега в Сосновом бору, слушая щебет птиц и вдыхая аромат цветущей черёмухи, я позволял себе помечтать о том, как в августе, после того, как меня выпустят из-под домашнего ареста, поеду на марафон в Омск. Ну а уж сентябрьский полумарафон Раевича в родном городе – это святое дело. Мне нравятся эти праздники спорта, когда можно пробежаться в окружении сотен таких же фанатов, проверить свои силы и, если получится, немного улучшить свой предыдущий результат. Жаль, что майский забег в Новосибирске, а также впервые организованный забег в Томске (в июне) мне приходится пропустить.

Пробегая по дорожкам Соснового Бора, я встречаю разных людей. Кто-то гуляет, кто-то катается на велосипедах, кто-то торопится по делам. Иногда, хотя и редко, попадаются друзья по увлечению, бегущие навстречу. Встречая людей, я стараюсь бежать красиво. А вдруг вон тот мужчина с пивным животиком, глядя на меня, такого стройного и спортивного, тоже захочет побежать...

Во время бега мысли работают независимо от тела. Иногда приходят хорошие идеи. Раньше во время бега я обдумывал научные статьи или дела в планетарии, сейчас же мысли часто сбиваются на обстоятельства моего дела. Я смотрю на действия следствия как бы со стороны и пытаюсь предугадать что будет дальше. Иногда мысленно ставлю себя на место следователя и думаю, как бы я поступил с тем или иным фактом или

свидетелем. Здесь, на дорожке, я, как правило, выхожу победителем из таких мысленных стычек с противником.

После дождя в Сосновом Бору бывает слякотно. На этот случай у меня есть запасной вариант – стадион Сибирь. Да – да, это ледовый стадион, расположенный недалеко от моего дома. В нём на верхнем ярусе имеется круговая дорожка, покрытая резиновыми листами. Её длина около 340 метров, немного меньше, чем на настоящем стадионе. Но эта дорожка незаменима зимой, когда бегать на улице невозможно. Пользуюсь ей уже несколько лет, с тех пор, как возобновил свои занятия спортом. А ведь я бегал по этим самым листам резины ещё в студенчестве, в 1981-1982 годах, целых 36 лет назад! Тогда на одном из городских соревнований я преодолел тысячу метров за две с половиной минуты. Теперь я могу пробежать ту же тысячу метров в лучшем случае за четыре минуты. Но это меня не расстраивает – для моих лет вполне приличный результат.

Занятия бегом выявляют мои мазохистские наклонности. Мне нравится выматывать себя на тренировках. Я уверен, что совершенствование организма возможно только через упорный, до самоистязания труд. Поначалу жена была не согласна со мной, она – за умеренные нагрузки. Но я смог убедить её, сказав, что бег спасёт моё здоровье. Регулярные обследования (всё-таки, я в семье медика) вроде бы подтверждают мою позицию. Поэтому жена сильно не перечит мне.

Каждый раз, приходя домой полностью обессиленным после бега, я чувствую себя на седьмом небе от счастья. Это моменты настоящего блаженства. Да и на весы приятно взглянуть – сразу минус пару килограмм. Впрочем, самоистязанием я занимаюсь не только в спорте. Вспоминаю, какую эйфорию я испытывал во время полевых геодезических работ, когда шёл весь мокрый на пронизывающем ветру, да ещё с инструментом за плечами – «и снег, и ветер, и звёзд ночных полет...». Тогда я по-мальчишески состязался с природой.

С годами таких экстремальных ситуаций в моей жизни поубавилось. Поэтому я придумывал их сам. В прошлом году мы решили всей семьей съездить на озеро Яровое в Алтайский край. Много были наслышаны о нём. После нескольких дней курортной жизни я решил продолжить тренировки. В это время я готовился к омскому марафону, который должен был состояться в начале августа. Здесь в Яровом я решил провести контрольную тренировку – пробежать вокруг озера. По карте это составляло около 30 километров – вполне по силам для марафонца. Отправляясь в забег, я сказал своим, чтобы ждали через пять часов – определил время с запасом.

Сравнительно легко преодолев первую половину дистанции, я столкнулся с проблемой – в дальней части озера дорога резко ушла в сторону. По самому берегу шёл вязкий песок, а повыше – болотистая низина, покрытая кочками и низкими кустами. Палило солнце. Сгоряча я рванул напрямую, через кусты, потому что не верил, что люди не посещают этот дальний и свободный от отдыхающих берег. Наверняка выберусь на какую-нибудь тропинку.

Заросли продолжались и продолжались, колючие кусты секли меня по открытым ногам, и в один прекрасный момент мне стало по-настоящему страшно. В голову пришла мысль, что веду я себя неосторожно, как мальчишка. Телефон я с собой не взял. Если сейчас из травы вынырнет змея или не дай бог, с сердцем что-то случится, искать меня здесь, в 15 километрах от города, будут долго. Но поворачивать обратно было поздно, и я направился к линии ЛЭП. Вдоль неё шла небольшая колея. Она петляла и терялась в траве, так что моя дистанция всё удлинялась и удлинялась. Силы были на исходе, но нужно было бежать – Наташа уже волнуется. Я буквально дополз до окраины посёлка – сил совсем не осталось.

То, что подкинула мне судьба в этом году, из того же ряда – тюрьма – это ещё одно важное испытание. И в этом смысле я даже рад ему (особенно после того, как оно закончилось).

Пишу эти строки 4 июня 2018 года. Моя мама живет в Томске. Ей 82 года. Несколько дней назад ей сделали операцию на шейке бедра, и её сердце не выдержало нагрузки. Сейчас она в реанимации с аппаратом искусственной вентиляции лёгких. Врачи даже не обнадеживают. Мама могла обойтись без этой операции. Но она у меня упёртая, если решила, что без операции не сможет полноценно ходить, никто уже не сможет отговорить её, в том числе и дочь Лена, моя сестра, которая за ней ухаживает.

В обычной ситуации я бы уже был в Томске. Но сейчас это проблема. Прошу сестру Лену взять справку о состоянии мамы, чтобы обратиться к следователю. Маме мы не раскрывали мою ситуацию. Чтобы не волновать её, пришлось сказать, что я два месяца был в командировке в Индии. Раньше, во время работы на заводе, я частенько уезжал за границу, откуда тяжело было дозвониться. Наверное, она поверила, но всё равно ждала встречи. Следователь не возражала против моей поездки в Томск и вместе с женой определила места моего нахождения в Томске. Браслет во время поездки будет оставаться на моей ноге и даст возможность контролировать мои передвижения. Конечно, повод для поездки грустный, но после четырёх месяцев ограничения свободы для меня это большое событие.

В Томске я застал маму в полубессознательном состоянии. Не успел вернуться домой, как на следующий день, 10 июня нам сообщили, что она умерла. Все мои аресты и лишения поблекли перед лицом смерти, пришедшей за близким человеком. Мама умерла в 7 часов утра, в день рождения своей внучки Любы. Мы утешаем себя тем, что её жизнь продолжается во всех нас, её детях и внуках, но горечь потери от этого не становится меньше. Следователь с пониманием относится к нашему горю и, несмотря на выходной день, быстро оформляет разрешение на выезд в Томск.

Отпевание проходит в ритуальном зале областной больницы. Вокруг лес, слышен щебет птиц. Священник старательно расспрашивает про маму и от всего сердца читает молитвы. Лицо мамы спокойно и мне кажется, что сейчас не нужно плакать и убиваться. Её душе будет легче разорвать связь с земной жизнью и уйти в мир иной. Так же и арестант, особенно тот, кому светит большой срок, не должен вспоминать то,

что осталось за спиной. Воспоминания – это душевные терзания и муки, которые не каждый может вынести. Чтобы не отчаяться, нужно адаптироваться к новой жизни и смотреть вперёд. И благодарить Бога за то, что он даровал жизнь.

С горечью вспоминаю о своем малодушии. Прошлый раз, когда мама ещё лежала в реанимации, мелькнула мысль – Господи, спаси её, пусть даже я сяду в тюрьму. Но вслух произнести эту мысль я не решился и постарался отогнать её от себя. Я помнил о материальности мыслей. Кроме того, в делах жизни и смерти торг с Господом неуместен. С грустью вспоминаю о том, каким плохим сыном я был. И как не ценил заботу своей матери, особенно в молодости.

В эти же дни до меня доходит ещё одно грустное известие – умерла моя хорошая знакомая, несколько лет проработавшая в планетарии режиссёром, Светлана Бархатова. Она героически поддержала меня в трудную минуту во время очередного наезда недоброжелателя. Она обладала даром составлять грамотные и убедительные письма. Было ей немного за 60, но погубила себя сама – безрассудным отношением к своему здоровью. Причина, наверное, в том, что жила она одна и некому было поддержать её жизненные силы. Вот так вместе с приходом одиночества теряется смысл жизни. Жаль, что люди губят себя сами.

В середине июня в Новосибирск приехал Сергей, Наташин брат. Его тоже коснулась моя история – теперь его вызывает следователь. Дело в том, что во время обыска у нас дома, оперативники изъяли документы на его квартиру. Он хранил их у нас, поскольку сам постоянно жил за пределами Новосибирска. Вспоминаю, с какой гордостью говорили оперативники про эти документы, соотнося их с моими незаконно нажитыми «богатствами». Опасаясь, что Сергея начнут «ломать» и выбивать нужные показания, как это уже происходило в нашем деле, мы посоветовали ему взять с собой адвоката. Но всё обошлось спокойно, хотя и не без переживаний с его стороны. А документы в этот раз ему так и не вернули.

Я с Сергеем встречаться не должен, так как он, как брат моей жены, не входит в число близких родственников. Но было бы странно не пересечься с ним, например, во время прогулки. Нам есть что обсудить. В Бишкеке у Сергея имеется возможность встретиться с моими родственниками. В детстве я часто бывал с родителями в этом городе, называвшемся тогда Фрунзе. С тех пор прошло пятьдесят лет, но я хорошо помню свои ощущения от тёмных вечеров, вида горных вершин, покрытых снегом даже летом, от ледяной воды в горных речках и арыках. Хотелось бы ещё раз там побывать. С другой стороны, я боюсь сильно погружаться в воспоминания. Где-то в подсознании бьётся мысль, что уход в прошлое означает финал жизни. Вспоминаю это на примере своего отца. За год до смерти он захотел найти своих родственников в Новосибирске. И мы их нашли. Но потом потеряли отца.

Через Наташу я имею возможность общаться с друзьями. Она ответственно относится к этому делу, лично просматривает мои письма и иногда подправляет их, чтобы не было никаких сомнений, что письма написаны ею (хотя для всех всё понятно). Никакой

информации о следствии в этих письмах нет, с этой точки зрения они безобидны, но в любой момент их могут использовать как доказательство в нарушении режима, моего домашнего ареста. Так что жене тоже приходится осваивать уроки конспирации, даже встречаясь с кем-то на улице. Хорошо хоть, не приходится молоком писать, как это делали революционеры. Кстати, первая подпольная кличка Феликса Дзержинского была почему-то «Астроном». Нет ли у меня с ним чего-нибудь общего?

Мои дневные занятия разнообразились футболом – я слежу за играми Чемпионата мира. Особенно ценно то, что я делаю это вместе со всей семьей. Даже жена интересуется – как там наши (или французы)? Переживаем за перуанцев, так как из Перу приехало чуть ли не больше всего болельщиков – говорят, то ли 50, то ли все 70 тысяч. Их любительская сборная стойко противостоит европейским профессионалам. Сборная России уверенно выиграла две игры и вышла в одну восьмую, хотя я в неё мало верил.

Кроме чемпионата слежу за новостями, да по выходным смотрю с дочерью сериал «Великолепный век» – о жизни при дворе турецкого султана Сулеймана Великолепного, правившего в 16-м веке. Этот сериал привлекает меня тем, что он рассказывает о реально происходивших пятьсот лет назад событиях. Многие персонажи узнаваемы. Скажем, шейх Челеби напоминает известного средневекового учёного, который приехал в Стамбул из Самарканда. Надеюсь, что в кадре увижу объект его и моего изучения – астрольбию. А моим женщинам, жене и дочери, нравится, видимо, обилие женских интриг и пышные наряды дам.

Переключаясь по разным каналам, раздражаюсь обилием «ментовских» сериалов, которые идут почти непрерывно. Противно смотреть на этих благородных преступников или, что ещё неправдоподобнее, на честных следователей. Кому выгодно воспитывать криминальную культуру в нашем обществе? Если раньше я ещё как-то мог смотреть этот ширпотреб, то после выхода из СИЗО меня стало просто тошнить от него. Та же песня группы «Любэ» про героических оперов не вызывает ничего, кроме сарказма. Я и на саму группу смотрю теперь иными глазами:

*...Да! Пусть не по правилам игра.
Да! И если завтра будет круче, чем вчера,
"Прорвёмся!" – ответят опера...*

Даже знакомые с советских времен строки «Наша служба и опасна и трудна...» звучат теперь совсем по-другому. Конечно, думаю про себя – очень опасно преследовать директора планетария.

День проходит в работе над очередной статьёй, за чтением книг. Занимаюсь приготовлением пищи и уборкой в квартире и жду вечера, когда встречу с работы жену и смогу сходить на прогулку. Даже мой сын (у него каникулы) устроился на свою первую в жизни работу. С улыбкой говорю жене – когда-нибудь эта райская жизнь закончится и мне снова придётся каждый день ездить на работу. За окном неуютимые

стрижи бороздят небо. Из-за холодного мая сезон мошек и комаров задержался. Стрижам пришлось нелегко. Чувствуют ли они себя свободными? Ведь у них всё время уходит на добывание пищи. Мне кажется, даже под домашним арестом я более свободен, чем кто-либо (не только из птиц, но и из людей). Настоящее наше богатство – это время и умение им распорядиться.

Теперь я через день хожу в церковь для того, чтобы помянуть маму. Успеваю к вечерней службе, которая длится с 17 до 19 часов. Прихожан немного – человек до 10 или 20, поэтому здесь спокойно. В выходные – оживлённее. Всегда поёт небольшой церковный хор. Во время службы мысли часто сбиваются на разные житейские темы. Приходится прилагать усилие, чтобы встроить себя в ход службы. После окончания службы подхожу к бронзовому кануннику с распятием, где ставлю свечу за упокой души моей мамы. Любимые мои иконы – это иконы святого Сергия. Их здесь две, обе большие и красивые. Недавно я купил книгу с житиями святого Сергия, чтобы узнать о нём больше.

Неожиданно увидел небольшую икону Серафима Вырицкого. Не так давно я прочитал его духовное завещание, написанное от имени Бога. Меня сильно тронули его строки, среди которых есть, например, такие:

*«Не просил ли ты, чтобы
Я научил тебя смирению?
И вот Я поставил тебя
в ту именно среду,
в ту школу,
где этот урок изучается».*

Эти строки помогают по-новому взглянуть на ту ситуацию, в которой я оказался. Меня успокаивают и утешают слова: *«от Меня это было».*

Иногда думаю о том, как посещение церкви соотносится с моей деятельностью в науке и на посту директора планетария. Но ничего вразумительного не придумываю. В голове лишь вертятся примеры учёных, веривших в Бога. Сам я не считаю себя глубоко верующим человеком. Раньше вообще редко посещал церковь и исповедовался. Однако, обстоятельства жизни (и та же тюрьма) приближают меня к церкви. Тем более, что и моя семья движется по этому же пути.

В конце июня заканчивался очередной, отведенный мне на прошлом суде, срок пребывания под домашним арестом. И как бы комфортно мне не было дома, я стал чувствовать острую необходимость в общении с внешним миром. Мне нужно было продвигать в журналы уже написанные статьи. Нужно было готовиться к встрече с французами – дочь собиралась приехать в конце июля вместе со всей семьёй, и даже, впервые, с мужем-французом. Чтобы помянуть 40 дней со дня смерти мамы, собирался приехать из Красноярска дядя Коля, её родной брат. Кроме того, пора было думать хоть о какой-то работе. Все-таки, пять месяцев сидеть на иждивении жены – это не очень

комфортно для «главы» семьи. Сохранившееся пока ещё чувство долга заставляло меня также думать о возможной помощи планетарию – у них сейчас множество проблем. Всё это возможно только при ослаблении режима моего содержания. Нужно просить суд о том, чтобы выйти из под домашнего ареста, хотя бы под подписку о невыезде.

Мне приснился сон. Как будто я в планетарии обсуждаю с коллегами сценарий новой программы. И в то же время я не занимаю кресло директора, а своему заму говорю – можешь сидеть в нём. Может быть, я вернусь в планетарий в другом качестве, не руководителем. Сейчас мне кажется, что это было бы даже лучше. Хотелось бы сосредоточиться на творческой работе и не тратить время на организацию обычной хозяйственной деятельности. Раньше на творчество постоянно не хватало времени. Вопрос – захочет ли новый директор видеть в коллективе прежнего руководителя?

Вторая встреча с «любимой» судьёй

В преддверии очередного суда вновь оживают надежды. Надежды на то, что постепенно всё должно налаживаться. Вот и этот раз, 27 июня 2018 года я приехал в суд в надежде выйти из-под домашнего ареста. Надежда жила во мне, несмотря на то, что судьёй была назначена та самая С., которая пять месяцев назад поместила меня в СИЗО. Уже при встрече близ здания суда адвокат Юрий слегка охладил мой пыл, сказав, что шансов на положительное решение очень мало. Вместе с нами приехали наши знакомые, прибывшие в этот день из Томска (как мы ни отговаривали их).

Уже в здании суда я встретился с коллегами, которые дружно пришли поддержать меня. Радостно было видеть людей, с которыми не общался уже пять месяцев. Раньше со многими из них я не был настолько близок, чтобы считать друзьями. Но теперь все они были для меня как родные. Чувствую, что из-за событий этого года, я стал более сентиментальным – при таких встречах на глаза наворачиваются слёзы. Приехали также мои друзья Николай Ступишин и Антон Савельев. Николая я не видел с сентября прошлого года. Попутно возникает вопрос – кто будет организовывать форум «СибАстро» в этом году.

И вот мы в зале суда. Важная дама в мантии на месте судьи открывает заседание и для начала устраивает разнос следователю:

– Где сопровождение обвиняемого? Почему он прибыл сюда своим ходом? Разве для этого ему назначен домашний арест?

Я опешил от такого начала и даже невольно пытаюсь поддержать следователя, демонстрируя переносной блок, который у меня находится в портфеле. После этого я пытаюсь выяснить, почему в зал не допущены люди, которые пришли на заседание и находятся в коридоре.

– Кто такие? С какой целью они здесь?

Я начинаю пофамильно перечислять:

– Жена, друзья, коллеги.

Судья что-то записывает, но она уже приняла решение и лишь пытается переложить ответственность на следователя:

– Нужны здесь эти люди?

И сама же подсказывает ей ответ:

– Будут ли в материалах дела вопросы, не подлежащие разглашению?

Следователь после полученной взбучки лишь поддакивает:

– Да, Ваша честь, среди них есть свидетели, они могут разгласить тайну следствия.

Решение принято. Но все, кто находится в коридоре, в недоумении. Они не могут понять, в чём дело. Судья лишь кричит им:

– Закройте дверь!

А затем даже вызывает охрану, чтобы навести тишину в коридоре. Как мне расскажут в перерыве, после этого Николай направился выяснять ситуацию к секретарю суда.

Далее следователь рассказала о том, почему она просит продлить домашний арест ещё на месяц. Несколько вопросов ей задал адвокат Александр. Он попросил уточнить какие именно преступления я смогу совершить, если меня отпустят. Но судья клонила в свою сторону и продолжала завинчивать гайки:

– Кто выпустил обвиняемого из-под стражи?

То есть, не следствие ли было инициатором? Следователь сняла с себя «вину» и перевела стрелки на суд (как бы не досталось тому судье). После этого судья стала расспрашивать следователя:

– Не оказывает ли кто-нибудь на Вас давление? Не нужно ли в связи с этим ужесточить обвиняемому меру содержания?

То есть, не пора ли меня опять вернуть в СИЗО? При этих словах я невольно поглядываю в сторону гостеприимно распахнутой клетки, она буквально в одном шаге от меня. Странно было бы следователю и тут поддержать её, ведь замечаний ко мне за всё время домашнего ареста не было.

Когда мне дали слово, я не стал сильно распространяться, сказал лишь о сложном финансовом положении своей семьи, которая живёт на зарплату жены. В заключение предъявил судье два ходатайства – о том, чтобы можно было встретиться с родственниками и о возможности общаться с коллегами по научной работе. При этом сослался на смерть мамы и зачем-то поблагодарил следствие за то, что отпустили меня на похороны. Это было явно лишнее раздражение для судьи. Уже было понятно, каким будет её решение, но я не удержался и добавил:

– А прогулку прошу увеличить с двух часов до трёх.

Повисла красноречивая пауза – судья была явно ошарашена моей наглостью.

Прокурор поддержал запрос следствия, после чего слово дали защитникам. Это была чистая формальность. Тем не менее, Юрий зачитал перечень благодарностей, полученных мной от губернаторов, мэров и прочих высокопоставленных лиц. А также список новых писем в мою поддержку, включая космонавта Салижана Шарипова и наших учёных из Академгородка. Особенно дороги мне были письма от директоров родственных учреждений системы образования, то есть коллег, с которыми немало мероприятий проведено вместе. Второй адвокат, Александр, прошёлся по предыдущим обещаниям следствия – за два месяца со мной не было проведено ни одного

следственного действия. Так что совместно с судьёй ему удалось добиться от следователя обещания, что за месяц дело будет завершено.

Судья удаляется для подготовки протокола, а мы выходим в коридор, чтобы присоединиться к группе поддержки. Следователь тоже здесь, поэтому общаемся вполголоса. Ведь мне, вообще-то, нельзя ни с кем общаться. Ребята почти всё слышали сами из-за двери, так что поясняю лишь ключевые моменты. Результатом всех наших баталий, занявших почти час, стало продление домашнего ареста без каких-либо изменений. До 31 июля для меня всё осталось как было. Вдогонку судья закрепляет наше мнение о ней:

– А если в следующий раз кто-то будет жаловаться на меня, то решение будет другим. Она имеет в виду попытки выяснить – почему народ не пустили в зал заседаний. Юрий взволнованно спрашивает меня – кто жаловался? Он выходит в коридор, чтобы найти ответ на этот вопрос. Но это уже неважно. Ему так и отвечают.

Не произошло ничего особо страшного, внешне я сохраняю спокойствие, но неприятный осадок от разнузданного поведения судьи, видимо, отражается на моём лице. Фамилия судьи напомнила мне песню советских времён, к которой я мысленно добавляю своё окончание:

– У Светки Соколовой день рожденья, только ей не тридцать лет.

Александр объясняет хамское поведение судьи наличием хорошей поддержки в Областном суде. Юрий тоже пытается успокоить меня. Все пришедшие поддержать меня мужественно дождались окончания суда в душном коридоре. Тепло прощаюсь с коллегами, после чего с Наташей и нашими томскими гостями едем домой.

Гостей приходится разместить на квартире у Наташиного брата, которая сейчас пустует. У нас нельзя – не положено. Наташа собирает сумки с едой и посудой, чтобы отнести им. Хорошо, что это рядом – в соседнем доме. У гостей сегодня ещё одно важное мероприятие – томичи приехали в Оперный театр на балет «Спартак». Я же в отведённое мне по расписанию время отправляюсь на пробежку в Сосновый Бор. Но даже на бегу никак не могу выбросить из головы сегодняшние события.

При встрече в здании суда коллеги напомнили мне об астрономах, которые подвергались гонениям. Конечно, нельзя сравнивать с великими учёными мою скромную персону, но душу эти сравнения греют, несмотря на трагический конец многих историй. Классические примеры – это Джордано Бруно, сожжённый в Риме, и Галилео Галилей, которому приписывается знаменитая фраза: «А всё-таки она вертится». В 19-м веке Николай Кибальчич, участвовавший в покушении на царя Александра II, перед казнью описал проект летательного аппарата для космических полётов.

Советское время дало не менее жестокие примеры. Астрономы не избежали репрессий в роковом 1937 году. Около ста учёных пострадали в так называемом «Пулковском деле». Оно началось вскоре после полного солнечного затмения, полоса которого

прошла по Советской России летом 1936 года. Тогда на наблюдения затмения приехали многие зарубежные астрономы – отличный повод, чтобы обвинить наших учёных в сотрудничестве с иностранными шпионами. В результате репрессий 14 человек были расстреляны, ещё 10 умерли в заключении, остальные получили разные, причём немалые сроки. Астроном Иван Наумович Язев, про которого я уже упоминал, каким-то чудом тогда избежал гонений, но спустя 11 лет судьба настигла его. В 1948 году он был исключен из партии, не была утверждена уже защищённая докторская диссертация, он был уволен с работы и, в конце концов, вынужден был уехать из Новосибирска в Иркутск.

Через два дня после суда, 29 июня 2018 года в новостях сообщили: Путин подписал национальный план по борьбе с коррупцией на 2018-2020 годы. Теперь таких «коррупционеров», как я, станет ещё больше. Мои шансы оказаться за решёткой значительно возрастают. Органам нужно отчитываться за проделанную работу. В опубликованном плане – 25 складно написанных страниц. Как будто проблема только сейчас с неба свалилась. Ещё с 2008 года при президенте действует целый Совет по противодействию коррупции. Видно не справились ребята. Вспоминаю, что в прошлом году каждое муниципальное учреждение должно было разместить на своем сайте целый раздел по борьбе с коррупцией. Меня тогда это сильно возмущало – больше негде коррупцию искать. Я даже дал указание спустить это распоряжение на тормозах и ничего такого не публиковать на сайте, предназначенном для школьников. А теперь – я сам коррупционер. Такая вот ирония судьбы.

Уже через неделю или две после путинского плана в новостях вижу, как глава Ингушетии бодро докладывает президенту: в республике выявлено 200 коррупционеров! Планка задана. Новосибирским силовикам до этого далеко. За 2018 год в Новосибирской области расследовано всего 43 преступления по статье 290 «взятка». Слабовато работаем, товарищи опричники. К тому же из этих 43 преступлений десять моих. Каждый факт сдачи оборудования в аренду представлен как отдельное преступление.

Во время недавней встречи в суде мой друг Николай посоветовал мне послушать песни Семёна Слепакова. В его «Песне российского чиновника» есть и про коррупционеров:

*«В стране объявлена вроде
борьба с такими как я,
но я ещё на свободе,
и также мои друзья...»*

Настоящих коррупционеров берут выборочно. А для текущей отчетности сойдёт и директор планетария. Семён под гитару поёт довольно смело про нефть, про Газпром, про президента. Но в целом его песни кажутся мне пошловатыми. Для программы Comedy Club сгодятся, а до Высоцкого очень далеко.

Высоцким в юности я увлекался всерьёз, да и сейчас сердце замирает, когда слышу его хриловатый голос. Детям включал «Песню о нечисти» – кассета с несколькими песнями хранится в машине, где ещё работает древний кассетный магнитофон. В строках Высоцкого обязательно найдёшь что-нибудь и про себя:

*«Ну что ж с того, что наказали строго,
Скажи ещё спасибо, что живой...»*

Или:

«Я не люблю себя, когда я трушу...» – что было, то было.

Время от времени, когда накатывает грусть, я думаю о том, чем буду заниматься после вынесения мне приговора, в «местах лишения свободы». Понятно, что я буду писать книги и статьи, об этом я уже думал. Но ведь я могу и лекции читать. Возможно, администрация зоны разрешит мне вести уроки астрономии, тем более, что астрономия вернулась в школы. Теперь её нужно возвращать и в другие слои общества. Думаю, что смогу выполнить такую важную просветительскую миссию. А уж если получится так, что на зоне появится телескоп, то будет совсем здорово. Эта зона станет самой астрономической в стране! Втайне надеюсь, что место для бега там тоже будет, хотя это вряд ли. Года три выдержу (хотя ох как не хотелось бы!).

Сегодня, 1 июля, до меня доходит весточка от моего тюремного друга Максима. Он решил для ускорения дела выйти на особый порядок. Это означает, что он написал ходатайство о рассмотрении его дела в сокращённой форме. Такое возможно только если обвиняемый признал свою вину, а также не оспаривает размер причинённого ущерба. Разговоры на эту тему были у нас ещё три месяца назад. Видимо, других вариантов Максим не видит. У него более мягкая статья, чем у меня. По статье 172 (незаконная банковская деятельность) ему светит до четырёх лет или просто штраф до 300 тысяч рублей. Пусть ему дадут срок, равный уже отбытому в СИЗО и выпустят на свободу. Его жена сообщила, что судебные заседания начнутся через неделю.

Покупаю в газетном киоске очередные номера «Новой газеты». Они поступают очень нерегулярно. Женщина в киоске рядом с ДК Горького, увидев меня, качает головой – газеты нет. Иногда думаю – вот и закрыли газету, которая позволяет слишком смело освещать дела оппозиционеров. Но нет, приходят сразу несколько номеров за неделю, а то и за две. Главная тема – голодовка украинского журналиста Сенцова, которая длится уже два месяца. Политики всё никак не могут договориться – обменять «наших» на «ихних». В одном из номеров пишут про то, что после трёх с половиной лет отсидки вышел на свободу брат Алексея Навального. В отличие от брата, он не занимался политикой. Но теперь сама система сделала его политиком. В колонии он каким-то образом вёл блог, писал статьи и даже заочно (через Скайп) выступал на митингах.

Меня беспокоит неуёмное стремление нашей власти завинчивать гайки. Да, с одной стороны власть пытается обезопасить систему, законсервировать её. Но с другой

стороны, наглядно видно, как усиливается противодействие этой власти. Не может пружина сжиматься до бесконечности, наступит момент, когда она распрямится. И тогда это будет очередная катастрофа. Я сам на примере своего сына вижу, как молодёжь всё больше симпатизирует тому же Навальному. Растёт поколение, считающее нашего президента царём и желающее его свержения. У самого Навального за душой ничего нет, но его угнетают, и эта несправедливость даёт ему всё новых и новых сторонников. Пытаюсь объяснить это сыну, чтобы он не верил бездумно таким политикам. Привожу пример, как все мы в своё время пошли за Ельциным, который затем почти сразу обманул наши надежды.

Мой сын видит «справедливость» системы на примере своего отца. Для него это самый веский аргумент «против». Моё дело можно считать мелким на фоне гораздо более масштабных. Фонд помощи заключённым «Русь сидящая» и тот подвергся гонениям. В мае этого года ему присвоили статус иностранного агента – чтобы не рыпался. Несколько лет назад такая же участь постигла фонд Дмитрия Зимина, который занимался просветительской деятельностью – издавал научные книги, спонсировал лекции и мероприятия. Таким образом, любая деятельность, исходящая не от государства, объявляется ненужной и преследуется.

Каждое несправедливое судебное дело – это новые диссиденты¹. А дел этих всё больше. Когда-нибудь их количество перерастёт критическую массу. Так же как в атомной бомбе нужно собрать критическую массу урана. Очередная книга Юрия Домбровского, которую я сейчас читаю, подсказала мне цитату из древнеримского историка Тацита: *«гибель государства начинается с краха его законов, правосудия»*. Это сказано две тысячи лет назад!

Страшно жить в критические для государства моменты. В обычной жизни я предпочитал как страус прятать голову в песок и не замечать происходящего. Моё дело – небо и звёзды, эволюция Вселенной. Астрономия поднимает над бытовыми проблемами. Незачем астроному спускаться с небес на грешную землю. Там, наверху он чувствует себя гораздо уверенней и спокойней. Однако, государство насильно «приземлило» меня. Своим прессом оно медленно, но верно перековывает мои взгляды на устройство нашего общества. Моим врагом становится не только сидящий напротив прокурор, но и вся система, выковавшая таких прокуроров. Приходит понимание, что общество движется не по тому пути. Уже сейчас я, вполне благонадёжный в прошлом гражданин, становлюсь оппозиционером. Как после всего этого будет относиться к обществу мой сын, который скоро станет совершеннолетним?

А пока радуюсь феноменальной победе нашей сборной по футболу. В одной восьмой они два часа отражали атаки разъярённых испанцев, в результате после дополнительного времени – ничья 1:1, а потом выиграли по пенальти! Спасибо нашему вратарю Акинфееву! Он герой – отразил два пенальти! В 1:4 финала нашу команду

¹ От латинского слова «несогласный», т. е. имеющий взгляды, расходящиеся с общепринятыми или официальными.

ждёт теперь встреча с хорватами. Знаю, что моя дочь и внуки во Франции тоже болели за Россию вместе со своим папой-французом. Думаю, даже больше, чем за свою национальную команду. Это приятно.

Не знаю пока за кого болел мой французский зять во время финала чемпионата, где Франция сошлась с Хорватией. Он не любит французскую команду, так как в ней нет ни одного француза. Сам он чистокровный француз и, как многие у них, националист. А вот хорватов, как ни странно, он любит, у него много друзей – хорватов. А жена – вообще русская. Вот такой вот национализм с восточноевропейским уклоном. Интересно, за кого был мой зять во время игры Россия – Хорватия?

Через пару месяцев своего домашнего ареста я стал более смело пользоваться интернетом. Воспоминания о «прелестях» СИЗО сгладились, и я уже стал не так бояться возвращения за решётку. Я решился даже заглянуть в собственные почтовые ящики и почистить их от обилия мусорных сообщений, накопившихся за эти месяцы. Раньше я опасался это делать, так как не знал, какими возможностями для слежки обладают мои зрители. Поэтому выходил в интернет только тогда, когда дома был кто-нибудь из членов семьи. Я оправдывал себя тем, что пользуюсь интернетом только для поиска нужной информации. По крайней мере, смогу доказать, что никакого вреда следствию я не наношу (если мои доказательства будут кому-то интересны).

Продолжаю свои пробежки – через день бегу стандартные 10 километров. Ни больше, ни меньше. Так легче дисциплинировать себя, невзирая на самочувствие или настроение. Когда нагрузка становится нормой, никаких сомнений в её необходимости в голове уже не возникает. Жду того момента, когда организму этого станет мало. Тогда можно будет увеличить дистанцию. А пока происходит странное – мой вес, сначала стабилизировавшийся на отметке 78 кг (много лет это было для меня нормой), начинает понемногу прибавлять. На фоне хороших нагрузок это выглядит противоестественно. Предполагаю, что в моём организме произошла какая-то разбалансировка. Недавно пережитые трудности, которые привели к снижению веса ниже допустимого, включили некий защитный механизм. Наверное, теперь организм тайком откладывает запасы на случай повторения экстремальной ситуации.

Тем временем в июле жена пошла в отпуск. Вместе с дочерью она может чаще выезжать на дачу, чтобы поддерживать там порядок и следить за грядками. Мы с женой часто наслаждались баннным релаксом во время таких поездок. Но мне дача, увы, пока не положена. Этим летом я смог посетить её только один раз, когда мы возвращались из Томска. Иногда к женщинам присоединяется и сын. Его главные дела в моё отсутствие – жарить шашлык и косить вездесущую траву. Жаль, не смогу заготовить берёзовые веники, начало июля – самое подходящее время для этого. Небольшая берёзовая рошица растёт прямо на нашем участке, далеко ходить не нужно.

В середине июля мне довелось познакомиться с очередной следственной процедурой – очной ставкой. К следователю уже по привычке я добираюсь своим ходом, в машине, вдвоем с женой, а последний раз даже и на общественном транспорте. Это даёт новые

впечатления – жадно смотрю по сторонам, как будто еду по границе. Замечаю изменения, произошедшие в городе за полгода. Останавливаемся с Наташей на площади Калинина, здесь открылось новое кафе. Надеюсь, мои контролеры не посчитают такую задержку нарушением режима (блок GPS при мне). А если посчитают – пусть сами конвоируют. Им это нужно?

Помню в феврале, когда я был ещё в ИВС, с очной ставки в камеру возвращался Кирилл, весь взвинченный и с разбитыми кулаками. Говорит, что бил в стену в бессильной ярости – он находился в клетке во время встречи с терпилой (потерпевшим), написавшим на него заявление. У меня всё было мирно. Вызывали сотрудников планетария, чтобы они в моём присутствии подтвердили данные ранее показания. Вопросы задавались на вид безобидные – почему договор от 9 января вы подписали 20 января? Или – информировали ли вы директора о порядке сдачи оборудования в аренду? От всех этих довольно простых вопросов я расслабляюсь. Когда доходит дело до написания заявления следователю о проведении очной ставки без адвоката Юрия (он в отпуске), я пишу – «прошу рассмотреть...», забыв об одном из главных тюремных правил – ничего никогда не проси. Останавливает меня сама следователь – она в курсе тюремных порядков. Пишу по-другому – «не возражаю против рассмотрения...».

В конечном итоге все эти простые на вид вопросы перерастут в финальное и веское с точки зрения следствия обвинение. Скоро оно будет мне предъявлено. Похоже на то, что меня будут обвинять в превышении должностных полномочий, а вовсе не во взятке.

С одной стороны это хорошо. Статья 286, часть 1 предусматривает лишение свободы на срок до четырех лет. От нуля! То есть, от 0 до 4 лет. Это совсем не то, что взятка – от 7 до 12 лет. Не-е-т, это звучит гораздо веселее. Правда, услышал сегодня ещё один новый термин – легализация. Речь об этом идёт в статье 174.1 УК – легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Часть 3 – для лица, использующего своё служебное положение – до пяти лет. Но тоже от нуля. В этой статье крупным размером считается сумма свыше полутора миллионов рублей – мне до неё далеко. То есть, всё имущество, закупленное мной для планетария, будет считаться полученным преступным путем. Час от часу не легче!

С другой стороны, когда я обвинялся во взятке, все понимали, что это полный абсурд и беспредел. Когда речь пойдёт о превышении или злоупотреблении полномочиями, невозможно с ходу выразить своё отношение к делу. Что за злоупотребление? Что за полномочия? Закрадывается сомнение, может действительно что-то натворил этот директор? Тем временем следствие через адвоката пытается зондировать мою реакцию на новые обвинения – буду я и дальше ерепениться, или теперь удастся склонить меня на признание своей вины? Моё признание было бы оптимальным вариантом для следствия. Пряником для меня самого в этом случае будет минимальное наказание. Здесь бы хорошо промолчать и подождать развития событий. Но я зачем-то отвечаю категорично – компромиссов не будет.

Настало, видимо, время рассказать о том, что за имущество я закупал на деньги, полученные от сдачи в аренду кинокамеры. Частично это было оборудование для киностудии планетария – различные осветители, панорамная камера, карты памяти и т.п. Я покупал всё, что запрашивали мои специалисты. Всё надеялся, что дождусь от киностудии хороших фильмов. Но кроме текущей работы я вынашивал свою мечту – создать в планетарии интересный музей науки и техники. Я мечтал о музее с уклоном в наблюдательные, измерительные, вычислительные приборы.

За несколько лет приобрел большое количество старинных инструментов, как например,

- труба подзорная раздвижная в кожаной оправе конца 19-го века;
- бинокль начала 20-го века;
- несколько приборов с непонятными для непосвященных названиями – гониометр, графометр, секстант, астролябии, теодолит, астрономический универсал;
- много мелочи – термометр, который измеряет температуру по шкале Реомюра (а не Цельсия), арифмометр, счеты, даже весы чашечные с гирями, старинная печатная машинка...

Некоторые экспонаты будущего научного музея

Мечтал я и о более старых инструментах. Но для их приобретения и деньги нужны были гораздо бóльшие. Оставалось надеяться, что найду что-то у антикваров. Иногда они продают за бесценок непонятные для себя вещи. Поэтому я люблю заглядывать в

антикварные магазины. У нас в Новосибирске антиквары и старьевщики собираются по выходным во Дворце культуры имени Чкалова. Но здесь можно найти лишь какие-то мелкие предметы – скажем, небольшой, но мощный микроскоп, перьевую ручку. Многие простые вещи, как например, чернильница-непроливайка, которой я пользовался в первых классах школы полвека назад, в наше время стала большой редкостью. Во время прошлой поездки в Париж я искал её на блошином рынке Клиньянккур. Увидел там множество интересных вещей, но купить смог только один графометр (нечто вроде геодезической астролябии) за 150 евро. Концепция музея постепенно по мере увеличения предметов складывалась у меня в голове. Но теперь, видимо, этому уже не суждено будет сбыться.

По моей просьбе дочь приносит из библиотеки книгу Юрия Домбровского. Я хочу продолжить знакомство с этим писателем, с которым впервые познакомился за решёткой. В одной толстой книге (600 страниц) объединены две главные вещи писателя – «Хранитель древности» и «Факультет ненужных вещей»¹. Это роман из двух книг. Главный герой – историк, работающий в музее города Алма-Аты. Для меня интерес представляет его противостояние репрессивной машине образца 1937 года, из которого по воле автора он выходит победителем. Наверное, в действительности такой финал был маловероятен, но автор хочет показать, что силой духа и стойкостью можно совершить невозможное. Думаю: раз это было возможно тогда, то в наше время – тем более.

В новостях передают – арестован главный следователь Москвы. За взятку. Как такое возможно? Кто может арестовать такого высокопоставленного чиновника? Оказывается, всё дело в конкуренции между ведомствами. В 2011-м году Следственный комитет был отделен от Прокуратуры. Теперь это два независимых органа, борьба которых время от времени выплескивается в СМИ. В данном случае речь идёт о том, что за взятку был выпущен из-под ареста крупный криминальный авторитет. Ставка соответствующая – полмиллиона долларов.

Сегодня 27 июля 2018 года – важный в астрономическом отношении день. Следующей ночью произойдет полное лунное затмение. Ровно полгода назад, а точнее шесть лунных циклов назад, 31 января этого года я с сыном наблюдал аналогичное затмение в планетарии. Тогда ещё не зная, что в тот же день было заведено моё уголовное дело. Переплелись дела небесные и земные. А как иначе – ведь я астроном. На этот раз опять должно произойти что-то важное.

Ещё вчера следователь вызывала меня для того, чтобы предъявить финальное обвинение. Затем дважды отменяла встречу. Сегодня встреча тоже отменена. Моё дело забрала прокуратура. Ясно, что им не нравится переквалификация на более «лёгкие» статьи. Хотя Юрий и утешает меня – прокуратура может увести дело и в плюс и в минус, т.е. либо усилить, либо облегчить обвинение. Во второе верится с трудом. Дело осложняется тем, что сегодня пятница, а во вторник, 31 июля заканчивается срок моего

¹ Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей. – Хабаровск : Книжное изд-во, 1990.

ареста. В любом случае, доживём до понедельника (был такой фильм советских времен), там и узнаем.

Второе астрономическое событие дня это то, что планета Марс именно сегодня подходит на минимальное расстояние к Земле – так называемое Великое противостояние. Оно случается раз в 15 лет. Я верю, что Марс – это моя планета (знак Овен), так что он поможет мне (опять за свою астрологию взялся). Вечером нужно взглянуть на него в телескоп.

Арест снят

В ночь с 27 на 28 июля состоялось полное лунное затмение. Нам с дочерью не удалось увидеть его во всей красе. Сначала тень Земли постепенно наползая, закрыла около половины лунного диска. Но облака отнеслись к этому астрономическому явлению без должного уважения. Они набежали гурьбой откуда-то со стороны и закрыли всю Луну вместе с затмением. Я не расстроился. Главное, чтобы это затмение не стало таким же роковым, как предыдущее – 31 января этого года (когда было открыто моё уголовное дело).

В понедельник, 30 июля меня, наконец, вызвали к следователю. Прохожу знакомыми коридорами. Вот здесь находится кабинет моего первого следователя А. А. Дерезы, здесь меня арестовали. Однако теперь табличку заменили. То ли мой гонитель пошёл на повышение, то ли попал в опалу. Когда-нибудь узнаю. А пока мне вручают новое обвинение, страниц на десять. Бегло пролистываю его, самое интересное – в конце. Ура, теперь я не взяточник! Отныне мне вменяется злоупотребление должностными полномочиями (ч. 1 ст. 285) и легализация незаконно приобретённого имущества (п. «б» ч. 3 ст. 174.1). Наказание по первой статье – до 4-х лет, по второй – до 5 лет. Это звучит не так страшно, как взятка. Забрехала даже надежда не оказаться больше за решёткой. Но с нашим правосудием всё возможно, так что не стоит слишком уповать на милость российской Фемиды.

Рисунок из газеты «Новая Сибирь» от 4.08.2018 г. Художник Сергей Мосиенко. Название статьи – «Астрономическая взятка померещилась».

Странно, что для обвинения выбрали именно 285-ю статью, а не 286-ю, как я ожидал. В 285-й нужно доказать корысть и личную наживу с моей стороны. При отсутствии и того, и другого, статья не может применяться. Так это разъясняется в комментариях к статье. А в 286-й статье – «превышение служебных полномочий» – достаточно того, что я что-то совершил за пределами своих должностных обязанностей. Без всякой личной корысти, пусть даже в интересах учреждения. Впрочем, пусть потом суд думает, как спасти обвинение.

Визит к следователю я совершил вместе со своим адвокатом Александром. Он уже до этого пытался склонить меня на добровольное признание вины. Мол, если я признаю вину и погашу сумму ущерба (около 700 тысяч рублей), то можно отделаться судебным штрафом. В этом случае на мне не будет висеть уголовное преследование, и я останусь чист перед обществом. Меня слегка взбесило такое предложение, хотя я постарался не подавать виду. Но я дал понять Александру, что этот вариант неприемлем для меня. Теперь, во время ознакомления с обвинением я немного подыграл Александру и не стал ни соглашаться, ни отрицать обвинение. В протоколе записали: «не готов выразить своё отношение к обвинению до подробного с ним ознакомления». При этом я понимал, что никогда не признаю обвинения в корысти и личной наживе. Эти слова повторялись чуть ли не в каждом абзаце предъявленного мне текста.

Позже это предложение прокомментировал второй адвокат, Юрий. Чтобы прийти к судебному штрафу, нужно согласовать действия трех сторон – следствия, прокуратуры и суда, что, практически нереально. Да и как будет выглядеть моё признание в глазах моих друзей и коллег? Нет, на это я никогда не пойду, какими бы пряниками меня ни заманивали.

Второй протокол, предъявленный мне сегодня, был ожидаемым, но приятным. Меня выпускают из-под домашнего ареста и берут подписку о невыезде и надлежащем поведении! Я даже переспросил – с какого времени? Оказывается с этого самого момента! То есть, не нужно даже дожидаться срока окончания моего ареста, определённого судом как 31 июля. Я выйду на целые сутки раньше! Что означает невыезд? Могу ли я выехать на дачу? Она расположена хоть и недалеко (30 км от города), но уже в Мошковском районе Новосибирской области. Следователь подтвердила, что можно. Что такое надлежащее поведение – осталось загадкой. Можно лишь догадываться, что это поведение, которое не помешает следствию. Например, со свидетелями не общаться. Выход за неясные и неопределенные рамки подписанного мной документа грозит возвратом в СИЗО.

Казалось бы, нужно радоваться и благодарить следователя за проявленную милость. Следователь пытается завершить несколько мелких формальностей и подаёт мне на подпись пару малозначительных документов. Первый я подписал не задумываясь – о том, что мой второй адвокат отсутствует (он в отпуске). Но второй документ неожиданно насторожил меня. Он относился к тому моменту, когда меня только арестовали. Я должен задним числом подтвердить, что я отказываюсь от государственного защитника. В голове мгновенно пронеслись события тех самых первых дней, и я забунтовал. Я не стал подписывать этот документ. Мне показалось, что он будет на руку моему первому следователю, посадившему меня в СИЗО.

Отношение ко мне со стороны следователя резко изменилось. Расстались мы холодно. Уже выйдя из здания, Александр взволнованно пытался убедить меня, что не нужно портить отношения со следствием. Я звоню Юрию. Это его тогда технично оттеснили от моей защиты. Но он не видит проблемы в подписании этого документа. В этот момент я проявляю слабость и соглашаюсь вернуться и подписать эту злосчастную бумагу. А не стоило бы. Теперь победителем осталась следователь – она гордо заявляет, что моя подпись уже не требуется.

Я ехал домой, размышляя о том, важно ли мне отношение следователя ко мне? Она, конечно, играет определенную роль в сборе и подаче материалов, но в любом случае мы по разные стороны фронта. Наши роли в этом деле строго определены: я – убегаю, она – догоняет. В обвинении чуть ли не в каждом абзаце её рукой написано о моей корысти и личном обогащении. И после этого я чем-то обязан ей?

Почти сразу после моего возвращения домой, несмотря на поздний вечер, прибыл инспектор. Он вежливо собрал оборудование и снял браслет с моей ноги, попутно поделившись радостной новостью: сегодня он уже второго отпускает. Иногда такого не случается по полгода. Всё, я свободен. Конечно, относительно. Моя теория относительности распространяется на пространство близ города Новосибирска. Я с радостью отправляюсь в первый свободный полет – еду на машине на железнодорожный вокзал, где встречаю из Томска жену и дочь. Увидев меня, они были гораздо более эмоциональны, чем я сам.

Вечером звоню друзьям, чтобы лично сообщить новость о снятии ареста. А наутро начинаются неприятности. Сергей Язев разместил новость в фэйсбуке, откуда её мгновенно перепечатало одно из новосибирских интернет-изданий. Ну и, конечно, дальше как снежный ком новость стала кочевать из одного издания в другое. Но утром, проснувшись, я об этом ещё не знал. Позвонил адвокат Александр и слегка срывающимся голосом начал говорить о том, что произошла утечка информации, которую знали только мы двое. Теперь следственный комитет очень недоволен и требует остановить распространение информации. Иначе будет плохо для нас. Тогда я ещё не знал о чём идёт речь и попытался возразить ему. Меня никто не предупредил, что я должен держать свой выход из-под ареста и смену обвинения в тайне. Как я могу не сказать об этом родственникам и друзьям?

Выяснив, в чём дело, я позвонил Сергею. Он тут же снял новость со своей ленты. В издательстве, которое первым опубликовало новость, сказали, что поезд ушёл. Они не могут снять публикацию, не позволяет редакционная политика. Впрочем, я и не настаивал, просто выразил им своё беспокойство. Вскоре начали раздаваться звонки. Новосибирские СМИ пытались получить информацию от меня и моих адвокатов. Приятно, конечно, что этот информационный повод стал всеобщим, все вдруг вспомнили про мою судьбу. Кое-кому я даже дал комментарии, не относящиеся к делу. Как, например, я провёл время в СИЗО или что сделал первым делом, выйдя из-под ареста.

Немного беспокоило, как отнесётся ко всему этому следственный комитет. Что может означать туманная формулировка в моей подписке: «надлежащее поведение». Может быть, интервью это уже не надлежащее поведение? В этом случае я рискую вновь оказаться в местах не столь отдалённых. Все СМИ написали в положительном ключе об изменении предъявляемой мне статьи. В одной из новостных телепрограмм даже прозвучали такие слова: «оказывается, директор планетария не такой уж закоренелый преступник». Но, в конце концов я перешагнул через это беспокойство – чему быть, того не миновать. Чем может отомстить мне следственный комитет за такое своеволие? Могут они вернуться к старому, более жёсткому обвинению? Такие метания будут выглядеть немного странно.

В первый день свободы я еду на автомобиле в сторону СИЗО. Я еду туда совершенно добровольно, а не так, как ездил до этого в автозаке. Теперь мне нужно было получить свой паспорт. Впервые вижу со стороны внушительное кирпичное здание новой тюрьмы и более скромное административное здание. Раньше я видел их только изнутри. Вспоминаю своих сокамерников, которые сейчас находятся там. Рядом с тюрьмой – новые жилые дома с квартирами сотрудников. Удобно – не нужно далеко на работу ездить. С трудом нахожу парковку. У входа стоят группы женщин, видимо привезли передачи или идут на свидание со своими мужчинами.

У входной двери в административное здание – телефон. На мой звонок следует очень быстрая реакция – ожидайте. Буквально через пять минут сотрудница выносит мой

паспорт – я не ожидал такой скорости. Бегло сличив фотографию, она вручает мне документ. В паспорте медицинский полис и страховое свидетельство, всё в целостности-сохранности. Теперь я знаю, что нужно сделать сразу после побега из тюрьмы – прийти за паспортом. С этим документом я чувствую себя полноценным гражданином. Про загранпаспорт пока не заикаюсь. Он где-то у следователя.

В этот день мы с женой отправились на дачу. Теперь меня волновало то, что заканчивается сезон заготовки берёзовых веников. В августе листья на берёзах уже начнут желтеть, и не будут держаться крепко. А без своих собственных веников мы с женой не представляем себе банную церемонию. К счастью, берёзы растут у нас прямо на участке, в дальнем его углу. Каждый год я прореживаю «плантацию», срубая самое крупное дерево – на веники и дрова.

Помню, несколько лет назад была сельскохозяйственная перепись. Переписчик спросил – что мы выращивает на участке? Несколько грядок с зеленью не в счёт. Поэтому я так и сказал – выращиваю берёзы для изготовления веников. Такой графы в переписном листе не оказалось. На этот раз берёза оказалась матёрой, в одиночку я кое-как с ней справился. Но два десятка веников в результате оказались на чердаке. Успел!

На следующий день, первого августа 2018 года, в день десятилетия полного солнечного затмения в Новосибирске, на сайте СК наконец-то, хоть и с опозданием, появилась официальная информация обо мне. Может быть, и хорошо, что моё новое обвинение было предано широкой огласке. Это некая, хотя и не стопроцентная гарантия того, что оно не будет изменено ещё раз втихушку по чьему-нибудь капризу.

Моё освобождение стало очень своевременным. Первого августа в Новосибирск прибыли мои французские родственники – дочь, внук, внучка, а также зять, который впервые приехал в Россию. Первые трое считаются близкими родственниками и общение с ними не возбранялось и при домашнем аресте. Но зять, увы, не относится к числу близких. Ещё несколько дней назад я ломал голову над тем, как мне принимать гостей – идти на нарушение режима или приветствовать зятя с балкона? Теперь я могу принимать его дома на законных основаниях.

Ближайшие восемь дней ушли на общение, совместные застолья, дегустацию французских вин и русских крепких напитков, благоухающих французских сыров, на прогулки по городу и на игру в футбол. Да-да, мои французы оказались фанатами этой игры. Прежде всего, шестилетний внук, который был готов гонять мяч в любых условиях – дома, на улице, на даче. К тому же все они, во главе с папой, фанаты российской сборной. Первым делом французы заявили, что должны приобрести официальные футболки российской сборной. Я даже не знал, что такие продаются. Пришлось срочно кинуться в спортивные магазины. Оказывается, продаются, и довольно дорого. Мы нашли их в дисконт-центре Адидаса по цене 3000 рублей. Однако, как мне сказала дочь, в Париже они идут по сто евро, то есть больше 7000 рублей. Так что эта цена наших гостей не удивила. Кроме того, чемпионат закончился, и футболки в Адидасе продавались со скидкой до 40%. Вся команда гостей надела

красные футболки с российским гербом. Все были очень довольны, особенно самый младший, который всё оставшееся время не желал снимать футболку. Ну вот, теперь команда экипирована, нужно идти играть.

Во время застольных бесед я не мог не рассказать про некоторые моменты своих «злоклучений». Я не стал сильно сгущать краски, и рассказывал только о таких эпизодах, которые были бы понятны французскому менталитету. Зять не понимает по-русски, так что дочери пришлось переводить с учетом специфики (она владеет французским лучше многих французов). Неожиданно обнаружилось, что и зять «в теме». В молодости ему пришлось провести некоторое время в своей тюрьме. Самой большой проблемой у белых французов, при наличии доступа в интернет и игровых приставок, является необходимость находиться вместе с темнокожими и мусульманскими заключёнными. Убивает, как подметил мой зять, то, что заключённые почему-то не знают, сколько они там будут находиться. Я не стал уточнять, вспомнив, что в СИЗО мне пророчили и более десяти лет, и до 8 лет... Видимо, речь шла о времени заключения до суда. Самое время вспомнить про книгу П. А. Кропоткина, географа и революционера-анархиста. Более ста лет назад он написал обзор «В русских и французских тюрьмах»¹, посидев и там, и там.

Эта бурная неделя сбила мой обычный режим. Мне было не до пробежек. Раньше я выбегал в Сосновый бор через день и каждый раз встречался с одним и тем же человеком – мужчиной примерно моего возраста, одетым в синие шорты, оранжевую футболку и желтое кепи. Если я время от времени менял хотя бы футболки, то мой встречный был образцом постоянства. Если он шёл навстречу мне, то я видел, что он погружён в себя и не реагирует на окружающих. Наконец, в один из дней стало уже неприлично пробегать мимо просто так. Я поздоровался и получил в ответ лёгкий кивок головы. Можно считать, что мы познакомились, и долгое время молча приветствовали друг друга. При встрече я подносил правую руку к голове, как бы отдавая честь, а он изображал помахивание рукой.

Наконец, настал день, когда я спросил его имя. То, что встречались мы в одно и то же время, наводило на мысль, не является ли мой знакомый «родственной» душой? Но ноги у него были открыты, и на них ничего не было. В то время как у меня длинный носок на левой ноге был завернут вокруг браслета. Знающий человек легко мог догадаться, почему я следую такой моде. Было подозрение и о негласной слежке, но это предположение я отбросил, как слишком сложное. Зачем следствию так утруждаться из-за мелкого преступника? За все встречи, а их был не один десяток, мы перекинулись только одной фразой относительно погоды.

Через неделю вынужденных прогулов я вновь вышел на дорожку в своё обычное время, и, конечно же, встретил старого знакомого. На этот раз он превзошёл самого себя и произнёс целую фразу: «что-то долго тебя не было». Свобода не способствует

¹ Кропоткин П. А. В русских и французских тюрьмах. 1906.

соблюдению строгого режима. Я стал выходить на пробежки в разное время. Поэтому с моим нечаянным знакомым мы больше не встречались.

Теперь я мог общаться и со своими друзьями. Они приходили в наш дом, который был четыре месяца закрыт для посещений. Некоторые особенно близкие друзья приезжали на дачу. Приятно было, что сразу после того, как в новостях прошли сюжеты о моём пока ещё неполном освобождении, и я включил телефон, позвонили многие хорошие знакомые.

Особенно порадовал визит семьи М., наших давних друзей и бывших соседей. Мы работаем в разных сферах, но сдружились через детей. Вместе учились наши дочери, то же самое было и с сыновьями. Вместе встречали праздники. Сейчас дети уже разлетелись по разным школам, но наша дружба осталась. Они всячески помогали моей жене, когда я сидел в СИЗО, в том числе и деньгами. Теперь они одни из первых в нашем доме как самые дорогие гости. Возможно, причина их тесного участия ещё и в том, что они сами принадлежат к национальности, которая, как шутит их мама: «на генном уровне готова к гонениям. Чемоданчик с вещами у наших людей всегда наготове». Правда, другие люди данной национальности наоборот способствовали моему аресту, но тут уже ничего не попишешь – все люди разные.

Вскоре я съездил на завод, где собрался Оргкомитет астрономического форума «СибАстро». Этот форум мы проводим с 2006-го года, и вот пришёл черёд 13-го форума! Научную программу каждого форума я готовил лично. Приглашал известных спикеров, астрономов, космонавтов. Я счастлив, что мне довелось общаться с легендарным космонавтом Георгием Михайловичем Гречко (увы, он умер в 2017 году), ведущими астрономами нашей страны. Теперь этим должен заняться мой заместитель И. О. – с этим нужно смириться. Я немного ревную, но главное, чтобы дело продолжилось. СибАстро для меня как ребёнок – не хочу отпускать его от себя, но ему уже пора в свободный полёт. Решено было проводить 13-й форум 22-24 сентября, невзирая на обстоятельства.

Под обстоятельствами понимается не только директор планетария, но и финансы планетария. В этом году их катастрофически не хватает, потому что нужно собрать 15 миллионов рублей на обновление проекторов в звёздном зале. Родные проекторы, которым уже шесть лет, просто-напросто выработали свой ресурс – выгорели матрицы. По этой причине изображение стало блёклым, цвета искажаются. Ещё с прошлого года я пытался хоть что-то получить с города, но теперь город отстранился – решайте ваши проблемы сами. Я беспокоюсь, найдет ли мой заместитель оптимальное решение. Но вмешиваться не стоит – сейчас я не могу вмешиваться.

Мне показалось, что за неделю после моего освобождения произошло столько событий, что их хватило бы на целый год. Наслаждаясь жизнью, медитируя на берегу Обского моря или на даче, я не забывал – а ведь я до сих пор мог бы преспокойно находиться в СИЗО. Те карты, которые сложились у меня на втором суде в конце марта, вовсе не

были козырными. Тогда мне помог господь Бог, возможно, с помощью моего авторитетного земного защитника.

До сих пор в СИЗО находится мой товарищ, Максим, которого трудно назвать уголовником (банковская деятельность). Я смог созвониться с его женой и кое-что узнать о нём. Он согласился на особый порядок, то есть признал вину, взяв её полностью на себя. Ущерб никому не нанесён. Но его до сих пор так и не выпустили. Жена сказала, что теперь он в старой тюрьме и у него есть связь. Так что в один из вечеров мы смогли даже поговорить. В этот момент я чувствовал себя неловко за свою свободу. 20 августа у Максима будет суд.

Ещё одно дело, которое я смог сделать после выхода из-под ареста – написать письмо своему первому тюремному другу, Кириллу. Нас накрепко повязали первые дни в ИВС и СИЗО. Он как мог поддерживал меня, я – его. Я не знал где он теперь и как, просто написал письмо через сайт ФСИН. Для этого требуется указать фамилию, имя, отчество сидельца и год его рождения. Год я указал примерный, но это не помешало, письмо дошло. В ответ Кирилл в тот же день накатал письмо на целую страницу (больше нельзя). Оказывается он шесть месяцев оставался в изоляции, то есть в одиночке, и только недавно его поместили в общую камеру. Судя по письму, он не отчаивается. Надеется на скорый суд и небольшое наказание. Пока он сидел, его жена родила сына. Причём 12-го апреля, в День космонавтики! И хотя назвали его не Юрой, но, видимо, моё общество сыграло свою «космическую» роль. Ему дали редкое ныне имя, какое было у моего деда по материнской линии – Степан. И это ещё раз подчеркивает нашу с Кириллом связь. Теперь мы с Кириллом сравнялись – у нас по два сына и две дочери. Придется, видимо, стать крёстным отцом его «космического» сына.

Кирилл кое-что смотрел обо мне в новостях. Он знает даже про смерть моей мамы. Об этом в новостях не было. Видимо, Максим ему рассказал во время прогулки. Вот тебе и изоляция. С горечью улыбаюсь, когда читаю: «не могу никак привыкнуть к этой тюрьме». Наверное, редко кто может привыкнуть. Ничего, мы ещё сыграем в шашки. Сейчас он пишет, что играть не с кем.

Мне хочется хоть чем-то помочь Кириллу. Поэтому на следующий день отправляюсь на рынок, чтобы закупить продукты. По своему опыту я знаю, что можно, а что нельзя. Покупаю овощи, фрукты, орехи в вакуумной упаковке, хлеб. Далее прохожу тот путь, который моя жена проходила каждые выходные. Приезжаю в СИЗО после обеда. К этому времени поток посетителей спадает, я записываюсь в список 65-м, но передо мной меньше 10 человек. У каждого своя беда. Вот молодая девчонка, у которой парень, десантник подрался в день ВДВ и неудачно повредил что-то такому же десантнику. Ему дали два года. А вот за что у мужчины упекли жену на семь лет, я даже не спрашиваю.

Сотрудницы СИЗО разбирают наши пакеты. Фрукты и овощи выборочно разрезают, орехи распаковывают и пересыпают в пакеты, конфеты принимают только без оберток. Финики вернули – с косточкой нельзя. Стручковый перец – тоже нельзя. Пытаюсь

передать журнал со своей статьей, даже показываю своё фото внутри, но женщина, с любопытством сверив фото с моей личностью, остаётся неумолима, порядок есть порядок – нельзя. Всё укладывается в большой хозяйственный мешок, на котором пишут номер камеры Кирилла и его фамилию. В письме этот номер вычеркнул цензор, но здесь его не скрывают – 4235 – да это же рядом с моей бывшей камерой.

В этот же день, с утра я посетил церковь. Давно уже хотел это сделать, но для этого нужно было достичь внутреннего спокойствия и вспомнить свои грехи. На исповеди я говорю священнику о том, что сидел в тюрьме. Людей немного, священник не торопится и начинает расспрашивать меня. В результате я вместе со своими грехами называю и себя. Он участливо ободряет меня. Я волнуюсь, голос у меня дрожит, на глаза наворачиваются слезы, когда я говорю о своих глубоко внутренних чувствах и обидах. Но это приводит к глубокому облегчению. С радостью отстаиваю службу и подхожу на причастие. Священник командует: выше голову, шире рот, наконец, вкладывает мне в рот миниатюрную серебряную ложечку с кусочком хлеба, вымоченным в кагоре – «кровью и плотью Христовой». В конце службы, после целования массивного креста, священник опускает его на мою голову со словами «с постом и молитвой». После чувствительного удара по голове, сразу доходит – да, начался Успенский пост.

Уже середина августа. Следствие как будто опять забыло обо мне. Юрий не может дозвониться до следователя. Предъявленное мне обвинение изложено на 12 листах. Юрий предложил написать подробные ответы на все обвинения. То есть расписать: получено столько-то денег за аренду – потрачено на то-то и то-то. Этот текст можно будет использовать в суде. Я выражаю сомнения. В обвинении есть спорные эпизоды, которые нужно будет опровергать. Может быть, подождать, пока нас ознакомят со всеми материалами дела? Получится – я выложу козыри, а вдруг у следствия есть неизвестные мне карты? Тем не менее, готовлю текст, который по размеру превышает текст обвинения. Можно считать, что уже 1:0 в мою пользу. Не всё клеится сразу, все-таки прошло два-три года. Многое уже забыто. Даже фамилию своего бывшего зама вспоминаю с трудом. Убедил Юрия только в одном – нужных нам свидетелей будем вызывать только после того, как увидим всё дело.

Оказалось, что следователь никуда не делась. Она пропадает в СИЗО, где работает с подследственными. Телефон при этом у неё выключен. Наша очередь подошла 17 августа. К этому времени я расстался с одним из адвокатов, Александром. Платить деньги неограниченное время, пока тянется моё дело, ни к чему. Я решил закрыть договор, тем более, что проку в этом никакого не видел. Теперь мы пришли к следователю с Юрием. Это был самый короткий допрос. Поскольку я заранее заготовил свой текст, следователю достаточно было прочитав его и перенести в протокол. Она поправила только пару мест, да и то не принципиально. У неё возник только один вопрос – кого я имею в виду, когда говорю о заказном характере дела. На словах я ей, конечно, это объяснил, но в протокол фамилию заносить не стал. Очередное обещание – закончить дело до конца августа. Где-то мы это уже слышали...

Немного успокоившись от сумбура первых дней свободы, вспоминаю про тех людей, которые поддержали меня в тот роковой февраль. Пересматриваю письма в мою поддержку. Некоторые из них написаны уже 12 февраля, через неделю после моего ареста. В каждом письме выражена уверенность в том, что директор планетария не преступник и что, по крайней мере, в СИЗО его помещать не нужно. С некоторыми из этих людей я уже созвонился и лично поблагодарил за поддержку. Попутно мне рассказывают и о тех, кто отказался меня поддержать. Но это меня особенно не волнует – бог им судья. Причины могут быть разные.

Москвичам пишу письма по электронной почте. В каждом письме подбираю свои слова. Не хочу превращать этот процесс в формальность. Хочется выразить, насколько важно для меня было их участие. Первым делом пишу космонавтам. Их двое, оба не раз бывали в планетарии, участвовали в детских мероприятиях. Среди фамилий астрономов из ГАИШа¹ я вижу звезд первой величины. Неожиданно обнаруживаю здесь фамилию директора ГАИШ. А ведь мы с ним лично не были знакомы. И каково было в такой ситуации государственному служащему и академику подписать письмо в защиту директора какого-то новосибирского планетария? Среди подписей встречаются и незнакомые фамилии, поэтому нахожу их в интернете и знакомлюсь заочно.

Больше всего подписей на сайте change.org. Петицию в мою поддержку создал 14 февраля, через 9 дней после моего ареста, главный редактор научно-популярного журнала «Кот Шрёдингера» Григорий Тарасевич. Петиция быстро набрала около десяти тысяч голосов. Под ней – сотни отзывов от знакомых и незнакомых людей, которые оставили свои комментарии, в основном, в первые дни существования петиции.

В одном из электронных писем, полученных мною перед Новым годом, мой друг из Москвы, Михаил, желает мне успехов и ярких впечатлений в Новом 2018-м году. Теперь я могу ему ответить – как минимум одно пожелание уже сбылось – ярких впечатлений было предостаточно. Работы мне предстоит много, потому что писем было около пятидесяти. Кое-где стоит одна подпись, где-то три, а где-то и двадцать. Но это приятная работа. Все эти люди – мои друзья. Причем, я чувствую это всей душой. Не хлебнув тюрьмы, я бы так никогда и не научился искренне ценить людей.

Вскоре я узнаю о судьбе своей, как я считал, несостоявшейся публикации. Статья о работах среднеазиатского учёного Бируни, жившего тысячу лет назад, должна была выйти в февральском номере журнала «Геодезия и картография». В апреле, выйдя из СИЗО, я пытался найти её в оглавлении вышедшего журнала, но её там не было. Я подумал плохое – что её сняли из-за моего ареста. И даже подумал о том, кто мог этому поспособствовать. Но теперь на мой запрос из редакции ответили, что статья вышла в четвертом, апрельском номере. В этом году это первая моя опубликованная статья! Надеюсь не последняя.

¹ ГАИШ – Государственный астрономический институт им. П. К. Штернберга при МГУ в Москве.

Почти готова ещё одна публикация о Бируни. Мне симпатичен этот учёный-самоучка. Как и все учёные того времени он был энциклопедистом. Это значит, что писал он обо всем, о чём только мог, о разных науках. Но больше всего об астрономии. Судьба у него была трудная. Он был гоним, жил на чужбине, потом терпел обиды при дворе большого повелителя. Я подробно изучил его способ измерения Земли. С этим способом связан один научный миф. Дело в том, что некоторые исследователи утверждают, что Бируни провёл измерения с небывалой точностью, получив почти современный результат. В статье об этом измерении я пытаюсь отделить правду от вымысла. Когда я погружаюсь в прошлое, мне хочется узнать о нём как можно больше деталей, представить как жил Бируни. Косвенным путем мне удалось определить рост Бируни – 165 см, это ниже среднего по современным меркам. Интересно, можно ли как-то проверить это значение? Могила Бируни находится в Афганистане, в городе Газни. Вскрывали ли её когда-нибудь?

Я долго не решался посетить планетарий. Ведь некоторые мои коллеги являются свидетелями по моему делу. Как следствие воспримет моё общение с ними? Но на этот раз меня пригласили прочитать лекцию в открывающейся астрономической школе. Такую школу для ребят-старшеклассников мы впервые провели в прошлом году. В этом году школа проходит с 23 по 27 августа в загородном лагере «Дзержинец», это в сторону Бердска, так что нужно ехать мимо планетария. Здесь меня и перехватили мои главные помощники – Татьяна и Валерий. Встретили меня очень тепло. Приятно, когда люди приветствуют тебя с открытой душой. Мне тоже приятно было посмотреть на территорию, на сам планетарий, пообщаться с коллегами. Меня разрывают противоречивые чувства. Всё здесь родное, и в то же время – уже чужое. Теперь моя жизнь проходит где-то в параллельном измерении. И хотя коллеги приглашают приезжать почаще, понимаю, что пока мой статус не определится, делать мне здесь нечего.

28 августа 2018 года в Новосибирск прибыл президент. Он посетил выставку Технопром, а также поддержал своего ставленника, нового губернатора, которого народ должен одобрить на предстоящих выборах 9 сентября. Без этого кандидата не обходится ни один телевизионный сюжет на местном телевидении, его имя можно увидеть на многочисленных баннерах, разбросанных по всему городу с гордым слоганом: «Дела важнее слов». Я по-своему понимаю слово «дела», поэтому меня уже тошнит от такой навязчивой рекламы. Кажется, что речь идёт именно о моем «деле». Был же ведь не такой давний опыт, когда несколько лет назад на должность мэра буквально тащили представителя действующей власти. А народ взял и прокатил его. Сейчас всех серьёзных соперников будущего губернатора заранее оттеснили от выборов, так что история не повторится. Но участвовать в таком волеизъявлении захотят далеко не все. Я уж точно не пойду!

Интересно отметить, что президент прилетает в наш город уже второй раз в этом году. Предыдущий раз он был в Новосибирске 8 февраля, в день российской науки, на третий день после моего ареста. Тогда местные власти сделали акцент на Академгородке и Институте ядерной физики. Сказать что-либо о научной подготовке школьников в

планетарии ему уже не могли – во избежание неудобных вопросов. Теперь президент вместе с министром просвещения посетили новую школу. И опять неудобство для местных властей. Сказать о современном тренде – возвращении астрономии в школу – опять же не с руки. Вдруг кто-то вспомнит про самый большой за Уралом планетарий, где это астрономическое образование активно развивается?

Наша хорошая знакомая из Томска, Татьяна Александровна, пишет в СМС: «пусть кто-нибудь донесет до президента ситуацию с директором планетария». Если хорошо подумать, можно найти людей, через которых это можно было бы попробовать сделать. Но есть же три тюремные заповеди, включая - «ничего не проси». Будем следовать им. Пусть наверху думают, как выйти из создавшегося положения. Теперь они знают, что любой их шаг станет достоянием общественности. Публичная огласка – сильное оружие.

Попутно президент назначает нового заместителя руководителя Следственного управления СК по Новосибирской области. Удивляюсь – надо же, даже замы назначаются с самого высшего одобрения. А ведь этот зам – всего лишь полковник. Однако, его годовой доход (по декларации) – 2,58 миллиона рублей, т.е. 215 тысяч рублей в месяц. Ну что тут скажешь – каждому своё! Оклады соответствуют власти этих полковников – перед ними и губернаторы – никто. Раньше я удивлялся, когда в военных фильмах смотрел, как перед каким-нибудь майором НКВД трясется генерал. И сейчас так же.

Новый поворот дела – я снова взяточник

Прошёл месяц со времени моей последней записи. Сегодня 28 сентября. За это время произошло много событий, но об этом я расскажу позже. Пока же о новом повороте моего дела. В начале сентября адвокату сообщили, что наш следователь ушла в отпуск. Можно было без суеты заниматься своими делами. Но три дня назад мне позвонил мой товарищ и сообщил новость, от которой у меня поначалу начался небольшой мандраж. Оказывается, в то время, как мы с адвокатом спокойно ожидаем передачи дела в суд, опера́ продолжают свою сыскную деятельность и даже добрались до Москвы, где склоняли одного моего делового партнера на то, чтобы дать показания против меня. Позже из материалов дела я узнал, что некий лейтенант В. А. Бадрин для этого дважды летал в Москву.

Сначала мне показалось, что всё плохо. Теперь они постараются вытащить на свет ещё какой-нибудь мой промах и раздуют его до преступления. Я даже не могу сказать, что именно это будет. Удар можно ожидать с любой стороны. Первый час после этой новости меня лихорадило, я непроизвольно вспоминал арест и СИЗО. До самого вечера я поминал недобрыми словами моих преследователей и сожалел о том, что дал такие подробные показания. Именно эти показания просто-напросто разбили обвинение. Лучше было бы идти с этим обвинением в суд и уже там всё разъяснять судье.

Только поздно вечером, обсудив всё с моей любимой и приняв стопку успокоительного, я успокоился. Ведь сам факт, что два официальных обвинения разбиты в пух и прах, играет в мою пользу и бросает тень на работу следствия. Они не решились идти с предыдущим обвинением в суд и теперь готовят новое! Чем же они занимались целый год, если теперь начинают всё сначала?

На следующий день сведения подтвердились. В планетарий пришла новый следователь С. М. Самохвалова в ранге старшего лейтенанта юстиции и заново начала опрашивать свидетелей. Это будет мой третий следователь, который приготовит третье обвинительное заключение! Ну что ж, Бог троицу любит. Скоро познакомимся. И со следователем и с обвинением. На этот раз я не повторю прошлой ошибки – никаких показаний до суда. Хватит. (Как оказалось, Самохвалова вела мое дело временно, но новое обвинение составить успела; об этом расскажу позже).

Чтобы утвердиться в этой своей точке зрения, решил обратиться к независимому адвокату. Тем более, что мне давно уже советовали такого. Договорился о встрече. По привычке – с соблюдением конспирации. Звонил с чужого телефона, приехал с выключенным телефоном и оставил машину подальше. Мужчина моих лет, с большим опытом, как оказалось, из бывших работников прокуратуры. Я обрисовал кратко свою ситуацию. Правильно ли я решил – больше не давать показаний? Нет, неправильно! Нужно бороться на стадии следствия, когда дело будет передано в суд – результат будет предрешен. Задача судьи – не разобраться в деле, а назначить соразмерное наказание, которое устроит и обвинение и (при возможности) защиту. Идеальное наказание такое, которое ни одна из сторон не станет опротестовывать. Это были несколько неожиданные для меня мысли, которые заставили задуматься. Нужно будет учесть это при выстраивании своей линии поведения.

Однажды после 11 вечера позвонил Максим из СИЗО. Он до сих пор там. Я по сравнению с ним – везунчик – живу дома, занимаюсь любимыми делами и семьей. А у него даже признание своей вины не сработало. Суд вернул дело на доследование и отменил особый порядок рассмотрения. Максим считает, что его дело будет длиться ещё год! Кошмар! Наши следователи не торопятся, им незачем торопиться. Закончишь одно дело – дадут новое. Но Максим не отчаивается. Говорит, что тюремную баланду они практически не едят, живут на передачах, варят и жарят с помощью кипятильника. Иногда берут из соседней камеры телевизор. Играют между собой в разные игры. В камере шесть человек. Максим регулярно звонит жене, но есть проблема с зарядкой телефона. Раньше я думал, что он пользовался чьим-то аппаратом, но теперь вижу, что у него постоянный номер, значит – свой.

Два главных события сентября для меня – это традиционно полумарафон Раевича (8 сентября) и астрономический форум СибАстро (21-23 сентября). В промежутке между ними вклинилось моё увольнение с работы. С 14 сентября я уже не директор планетария. Заявление я написал сам, по собственному желанию. Дело началось с того, что мне сообщили – в департаменте образования нет моей декларации о доходах. Такую декларацию подаёт каждый директор в апреле каждого года. Я в то время был

уже под домашним арестом, но, понятно, что справка не была в числе моих приоритетных забот. Если я и вспомнил об этой обязанности тогда, то наверняка отмахнулся – не до этого. Теперь мне предложили составить декларацию. Ну надо так надо, посидел вечер, заполнил уйму граф, где чего только нет – и владение акциями, и участие в акционерных обществах. Прочерки здесь ставить легко. То же – для жены и детей.

Но когда я принес декларацию в отдел кадров, поступила новая команда – декларация уже не нужна. Можно было и раньше сказать. На следующий день меня вызвала в департамент образования мэрии одна из замов. И почему-то сразу начала нагнетать страсти: «Отсутствие декларации директора – это повод для разбирательства прокуратуры. Департамент будет иметь неприятности». Я слушал всё это в лёгком недоумении. Я поинтересовался – этот запрос прокуратуры только меня касается? Оказывается, нет. Чиновница зачем-то начала говорить о том, что меня в любой момент можно уволить за утрату доверия. Ну да, есть такое право у них. Вот такая защита прав трудящихся. На директоров она не распространяется. Вспомнилось, что именно за утрату доверия был отстранен не так давно губернатор Юрченко. Так что такая формулировка может выглядеть вполне почётно.

Между тем, всё стало понятно – от меня хотят избавиться. Ну, так бы и сказали. Я никогда в жизни не держался за кресло. Дайте ручку и бумагу. В ответ с облегчением – почему вы сами до сих пор этого не сделали? Мои слова о надежде на справедливый суд вызвали лишь лёгкую улыбку. Меня уже вычеркнули из списков, результаты суда никого не интересуют. Шесть лет безупречной работы – тоже. Ну что ж, никогда я не пылал любовью и сочувствием к чиновникам, и от них ничего не ожидаю. Заявление я написал быстро, в этот же день мне сделали расчёт и выдали трудовую книжку.

Я шёл из мэрии с лёгкой душой. Такое чувство я испытывал в своей жизни каждый раз, когда передо мной расстилались новые горизонты. Казалось, что должность директора все эти тяжелые месяцы тянула меня куда-то назад, сковывала по рукам и ногам, теперь же со старым разорвано, можно двигаться вперёд. Я ещё не знал куда двигаться, но это-то как раз и пьянило. Я чувствовал себя свободным! Заниматься наукой, преподавать, открыть своё дело, да мало ли что ещё. Мысли в голове радостно перепрыгивали с одного на другое. Грустинка осталась где-то глубоко, на самом дне. Сейчас она мне совершенно не мешала.

Через пару дней я прибыл в планетарий с пирожками и тортом из «Бахетле». Предстояла немного грустная церемония прощания с коллективом. Как мог поблагодарил всех за совместную работу. Когда слушал ответные слова, глаза непроизвольно увлажнились, но я не стыдился этого. Надеюсь, что воспоминания обо мне останутся добрыми. Собрал своё нехитрое имущество – книги, бэйджи, несколько дорогих мне сувениров. Всё – точка поставлена. Дальше планетарию плыть без меня. Моя душа спокойна, а вот у сотрудников теперь главная интрига – оставят ли директором моего бывшего зама или найдут нового руководителя. Меня это уже не касается.

Вскоре после этого я встретился со своим старым знакомым – Ильёй Кабановым. Он блогер, лектор, коммуникатор, несколько лет назад уехал жить в Москву и теперь приезжает в Новосибирск по приглашениям на различные мероприятия. Несколько раз он выступал и у нас в планетарии. Раньше я не интересовался подробностями его работы, теперь же постарался расспросить обо всём, прежде всего – как он зарабатывает деньги. Авось и сам стану блогером. Оказалось, что на рекламе он не зарабатывает. Главное – это модерация мероприятий. Другими словами – работа ведущим на конференциях, форумах, встречах. А также подготовка всевозможных текстов. Илья вник в моё положение и вскоре предоставил мне возможность заработать первые деньги написанием новостных статей для сайта «Тайга.инфо».

Другое направление, в котором я могу попробовать себя – чтение научно-популярных лекций. Придя в ГПНТБ (библиотеку), я напомнил Антону Веселову о том, что за мной должок – я не смог прочитать лекцию 8 февраля этого года по независящим от меня обстоятельствам. На что тут же получил предложение – исправить ситуацию на предстоящем в октябре фестивале науки. Ещё одна возможность потренироваться – это форум «СибАстро», который состоялся 21-23 сентября. На «СибАстро» я приехал уже частным лицом. Но от этого встречи с друзьями были особенно теплыми. Я встретил многих из тех, кто в первые дни моего ареста написал письма в мою поддержку. Те, кого раньше я считал просто друзьями, теперь стали настоящими друзьями! Даже Виталий Владимирович Долингер, который пропустил два прошлых форума, приехал, чтобы увидеть меня. Моя лекция о недавних открытиях новых астрономических инструментов, не блистала, но была встречена очень тепло. Нужно нарабатывать опыт чтения лекций, он мне пригодится.

Моё участие в полумарафоне (дистанция 21 км) – это тоже попытка доказать себе и близким (и врагам!), что трудности не помешали мне продолжать полноценную жизнь. Конечно, моя подготовка к старту была осложнена полученной в августе свободой. Я долго входил в колею, пропускал из-за этого тренировки, лечил колено, поврежденное на футболе с внуками. День старта надвигался как-то быстро и неумолимо. Вместе со мной в забеге как обычно друг Аркадий. Неожиданно встречаю и сотрудника планетария, который проходит свидетелем по моему делу. Ну что ж, Новосибирск город маленький.

На этот раз я мысленно готовился хоть чуть-чуть превзойти свой прошлогодний результат – 1 час 47 минут, хотя оснований для этого у меня было немного. Начал быстрее, чем обычно. Прекрасно прошёл первые два круга (из шести), на две минуты быстрее, чем в своем прошлогоднем забеге, и вдруг почувствовал, что спёкся. Организм просто бунтовал – хватит, хватит! Впереди ещё четыре круга – не осилишь! С трудом уговорил себя пробежать хотя бы половину дистанции, даже перешёл на шаг, когда стало особенно трудно – в горку. Два круга я плелся абы как, но зато немного отдохнул, так что последние два круга смог бежать почти нормально. Этот полумарафон стал самым трудным из всех, которые я пробегал. Удивительно, что

время – 1 час 54 минуты – не было совсем уж позорным. В итоге, счастье от того, что я превозмог себя и закончил дистанцию, перекрыло все неприятные ощущения.

В один из выходных дней решил посетить церковь святой Евфросинии Полоцкой, которая находится в микрорайоне «Лазурный» в Октябрьском районе. Как сообщила одна Наташина коллега, здесь работает священник Сергей, который очень ответственно отнесся к просьбе помолиться за меня. Поэтому я посчитал своим долгом посетить этот далекий от нашего дома храм. Деревянное здание я увидел ещё с Гусинобродского шоссе. Но, подъехав, увидел, что здание недостроено. Побродил по стройке. Оказалось, что служба проходит в рядом стоящем здании, тоже деревянном. В небольшом помещении не было тесно, но – уютно. Два священника усердно вели службу, в конце которой один из них обратился с искренней речью к прихожанам. Это сильно отличалось от того, что я наблюдал в других городских храмах. Как мне сказали, это и был отец Сергей. После завершения службы я подошёл к нему, от волнения обратившись киношными словами «святой отец». Он, конечно, одернул меня, поскольку это чисто католическое обращение здесь было неуместно. Он знал о моей ситуации и на мои слова благодарности ответил, что выполнял просьбу своих прихожан. Оставив пожертвование на строительство храма, я решил обязательно вернуться сюда.

Пока следствие меня не трогает, решил заняться личными делами. В следующем 2019-м году мне стукнет 60. Уже в марте я мог бы пополнить армию пенсионеров. Это было бы весьма своевременно, поскольку постоянного места работы у меня теперь нет. Но сейчас пенсионный срок изменён. Спасибо президенту, которого мы всей страной выбрали на четвертый срок! За него, согласно официальной статистике, проголосовало 76% избирателей при явке 67%. Получается, что половина избирателей нашей страны (из общего количества 107 миллионов) проголосовали за него родного.

Теперь будем пожинать плоды своего выбора. Мужчины будут выходить на пенсию не в 60, а в 65 лет. (Соответственно и женщины – не с 55, а с 60). К счастью, новый возраст будут вводить постепенно. Для меня пенсия официально отодвигается на год, а с учётом «милостыни» президента – всего на полгода. Поэтому вместо марта 2019-го, я выйду на пенсию в сентябре 2019-го. В любом случае – пора готовиться.

Поэтому регистрируюсь на сайте «госуслуг» и захожу в личный кабинет на сайте пенсионного фонда (ПФР), чтобы посмотреть на свои перспективы. Там записан мой стаж, а также так называемый «пенсионный капитал» и индивидуальный пенсионный коэффициент. Ну, со стажем всё более или менее понятно. Он начинается со службы в армии. Учеба в ВУЗе и в аспирантуре в стаж не входит. Однако, во время учебы в институте я подрабатывал на разных работах – был почтальоном, дворником, а самое главное – лаборантом на кафедре астрономии в своём родном институте. Вместе с другими студентами на станции ИСЗ мы наблюдали спутники в обсерватории на крыше института. Этим я занимался почти все годы учебы. Для нас это было одновременно и развлечение и прибавка 40 рублей к студенческому бюджету. Поскольку в трудовой у меня этот стаж не зафиксирован, моя задача – взять

соответствующую справку в институте. Благо, он под боком, хоть и называется по-другому – СГУГИТ (был НИИГАиК). В течение одного дня мне нашли в архиве необходимые сведения.

Во время учебы в аспирантуре томского университета я работал ... астрологом – начинались лихие 90-е, зарплату в НИИ платить перестали. Понятно, что эта моя «работа» тоже не зафиксирована в трудовой. Однако, астрология кормила семью не досыта, так что с полгода я проработал официально водителем, запись есть у меня во второй трудовой. Её тоже нужно предъявить в пенсионный фонд. Так, глядишь, и пополнил свой стаж. Длительность стажа влияет на размер пенсии.

Однажды я ради интереса решил посчитать, сколько специальностей и должностей было у меня за всю жизнь. И сам был слегка удивлен, насчитав около 30 рабочих позиций, начиная с дворника, сторожа, почтальона, лаборанта, заканчивая руководящими должностями – в издательстве, в веб-студии, во внешнеэкономическом управлении приборостроительного завода и, конечно, в планетарии. Некоторые мои занятия были кратковременными, например, на срок от двух до шести месяцев я трижды становился водителем, на полтора года уходил в «поля» геодезистом, подольше задерживался на должностях инженера, программиста, методиста, научного сотрудника... Думаю, что я искал новых ощущений, новых граней жизни, потому что ни разу не уходил на новое место в поисках высокой зарплаты.

А зря – только теперь становится понятно. Уровень зарплаты – это вторая составляющая для расчёта пенсии. С неё идут отчисления страховых взносов, которые накапливаются на счету каждого работника. Сведения о моей зарплате поступали в ПФР с 1998 года. Из стажа и суммы взносов рассчитывается индивидуальный пенсионный коэффициент (ИПК). У меня он составляет 130. По ИПК уже рассчитывается и сама пенсия. Каждый балл стоит около 80 рублей (в 2018-м году), так что мне назначат $130 \times 80 = 10400$ рублей плюс фиксированная выплата около пяти тысяч рублей (для 2018-го года). И на том спасибо – с голоду не умру.

Мой первый визит в пенсионный фонд был недолгим. Я заранее записался на приём через сайт. Служащая начала разговаривать со мной свысока, как, видимо, она разговаривала со всеми. Было сразу видно, как пренебрежительно она относится ко всем этим надоедливим посетителям. Но в какой-то момент она вдруг резко изменилась, её голос потеплел, и она стала терпеливо объяснять мне, что нужно сделать. Я был даже слегка озадачен. То ли мой строгий внешний вид повлиял на это (я был в пиджаке и с деловой папкой), то ли информация из моей личной карточки...

Этот визит задал мне новую работу. Нужно добывать справки с мест работы в 80-е – 90-е годы за период не менее пяти лет. Если зарплата за этот период будет выше средней, то коэффициент мне увеличат. Но задача эта – из области недостижимого. Скажем, более-менее хорошие суммы я получал во время полевых работ в геологической экспедиции. Сейчас найти архивы этой экспедиции в Красноярском крае, которая и называется давно совсем иначе, будет проблематично. Однако,

попробуем. Хотя это достаточно неприятно (даже противно) – вырывать у государства то, что оно само должно отдать мне за 40 лет работы. На все эти дела у меня в запасе почти год, если следствие не спутает карты.

Сегодня 23 октября 2018 года. Прошло уже практически девять месяцев со времени моего ареста и более двух месяцев с того момента, когда я последний раз был у следователя. С тех пор никаких движений. Сначала адвокату отвечали, что следователь в отпуске, потом она оказалась на больничном. Больничный время от времени продлевали. Надеюсь, это не психическое заболевание, которое напало на следователя в связи с моим делом. Затем следователь сообщила, что проводится некая экспертиза¹. Понятно, что следствию сейчас нелегко – нужно предъявить внятное обвинение, чтобы оно могло дойти до суда. Ну а кому легко? Пусть выкручиваются, как хотят. Следующий их шаг вновь станет достоянием общественности, они не смогут повернуть моё дело без отклика в СМИ. А шума, как выяснилось, они очень боятся.

В интернете наткнулся на дело Алексея Касьяна, молодого доктора наук из института языкознания. Лингвиста обвиняют по статье 282 – экстремизм, возбуждение ненависти и вражды на почве расовой принадлежности. Алексей резко высказался про кавказцев. Но настоящая причина, наверняка, не в этом. Он участник проекта «Диссернет», в котором вместе с другими коллегами разоблачает нечистоплотные защиты диссертаций. Представляю, сколько врагов у него на этой почве. А ещё у него сын состоит в команде Навального. Так что, поводов более чем достаточно. Тем не менее, Алексей активно ведет свою страничку в фейсбуке (он так же, как и я сейчас, под подпиской), комментирует действия следователей и ход самого дела. Я даже задумался – не слишком ли тихо я веду себя? Может, сто́ит больше будоражить следствие, не давать недругам покоя? Лишь недавно я опубликовал небольшой фрагмент из этой книги – о созвездии Ориона, но этот отрывок совершенно безобидный. Может, сто́ит проявлять себя сильнее? Хорошо бы продумать тактику продвижения этой книги, которую на сегодняшний день я называю «Тюремные записки астронома». Пусть информация о книге доходит до следствия, пусть знают, что рано или поздно я обо всем расскажу читателям. Хотя, что им до того?

За время следствия я ознакомился с неизвестным мне ранее творчеством Домбровского и Шаламова и считал, что теперь вместе с именами Сахарова и Солженицына знаю ключевые фигуры диссидентского движения. Все эти люди в меру своих сил и возможностей боролись с режимом при советской власти, некоторые продолжили борьбу и при новой власти. Но вот мне в руки попадает книга Сергея Григорьянца «Тюремные записки»². Я приобрёл её в интернет-магазине скорее из-за названия, но, оказывается, нужно было брать из-за имени автора. Передо мной страница за страницей проявляется ещё одна личность, не сломленная 9-летним заключением. Григорьянец описывает свою неравную борьбу с КГБ, непрерывные карцеры в тюрьмах. В начале 80-х он был редактором подпольного издания «Бюллетень В», в котором рассказывал о

¹ Экспертизу моего дела проводила специалист-ревизор отдела документальных исследований Главного управления МВД по Новосибирской области Т. Е. Пинаева с 25.10 по 9.11.2018 г.

² Григорьянец С. И. Тюремные записки. – С.-Пб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2018.

политических репрессиях того времени. Автор жив и сейчас, ему 77, и он много лет является непримиримым противником нынешней власти. И власть, конечно, его тоже ненавидит, как раньше его ненавидел и ломал КГБ. «Случайно» погиб его сын, «случайно» он сам попал под машину, но остался непреклонным. Гвозди бы делать из этих людей. Обидно, что в информационном пространстве таких людей замалчивают, а ведь имеется даже именной сайт этого выдающегося человека: www.grigoryants.ru.

Вторая книга, заказанная мной через интернет, имеет точно такое же название – «Тюремные записки». Девушка, выдававшая книги, внимательно смотрит на меня – что за профессиональный интерес к теме? Автор – румынский политик Корнелиу Кодряну – описывает свои гонения конца 30-х годов. Он казнён в 1938 году, когда и в СССР шли репрессии¹.

Очередная петиция на сайте change.org в поддержку заслуженного 75-летнего учёного Виктора Кудрявцева. Его обвиняют в госизмене и вот уже три месяца держат в СИЗО. Даже не вникая в обстоятельства дела, понятно, что в таком возрасте СИЗО – это издевательство над человеком, попытка вынудить его дать признательные показания. За несколько дней петиция набрала сто тысяч голосов в поддержку! Вот только будет ли результат? Недавно другая петиция набрала аж 250 тысяч голосов – за пересмотр дела пенсионера и ветерана труда Игоря Трошева из Пермской области. На его сельском огороде вырос мак, и дедушку осудили на год условно. По его делу прошла даже передача на центральном телевидении в программе «Пусть говорят». Не помогло – суд оставил приговор без изменения.

В октябре я написал пару новостных сюжетов для сайта «Тайга.инфо» на астрономическую тематику. В ноябре мы с Ильёй Кабановым решили, что нужно написать о том, как астрономия приживается в школах. Этот предмет стал обязательным с прошлого года. Но проблем много. К счастью, я знаю всех игроков на этом поле и могу получить информацию из первых рук. У меня есть прекрасный повод обратиться и к ректору педагогического университета, и в институт повышения квалификации. Решил пока обойтись без департамента образования, не буду трогать своих бывших начальников. Я и без них могу провести опрос учителей и директоров школ, благо знакомых много. Все, кому я звонил, выражают неподдельную радость и с удовольствием отвечают на мои вопросы.

Одному из участников всего этого действия мои коллеги из планетария звонить не рекомендуют – «он один выражал явную радость по случаю моего ареста». Причина банальная – он друг моего недоброжелателя. Ну хорошо, не буду звонить ему напрямую, позвоню секретарю, а этот человек пусть сам решит – удобно ему разговаривать со мной или нет. С любопытством жду реакции, и вот – ответный звонок. Чтобы сразу расставить точки над *i*, говорю, что звоню как журналист – готовлю материал. В ответ – такая же чисто деловая информация без излишних в данной ситуации эмоций. Для меня общение с людьми (разными, даже такими) важно ещё для

¹ Кодряну К. Тюремные записки. – М. : Тотенбург, 2017.

того, чтобы показать, что я не сломлен и занимаюсь деятельностью, наиболее хорошо мне знакомой.

Старшеклассники готовятся к очередному этапу астрономической олимпиады. В своё время я сам будировал это направление, теперь я всего лишь приглашенный лектор. Хорошо ещё, что приглашают. Усердно готовлюсь к занятиям. На эти подготовительные занятия приходят увлечённые ребята. Общение с ними приподнимает жизненный тонус и как бы повышает собственную самооценку. Интересно смотреть и на тех, кто схватывает на лету, и на тех, кто пока буксует. У них вся жизнь впереди. Невольно вспоминается и своя юность. Директор школы, где проходят занятия, хорошо знает меня и искренне приветствует, продолжая – «все директора были в шоке, на вашем месте мог оказаться любой из нас». В столовой он даже получает на меня порции и приглашает присесть рядом. Немного неловко чувствую себя от такого внимания на глазах у всех присутствующих, но внимание это искреннее и потому приятно. Есть возможность перекинуться дружескими словами.

В Новосибирске между тем происходят глобальные события, которые, возможно, сыграют роль и в моём мелком деле. Во-первых, председатель Новосибирского областного суда Шатовкина, которая была на своем посту шесть лет, в начале октября не продлила свои полномочия. Теперь она работает обычным судьёй. СМИ говорят, что произошло это после беседы в ВККС – Высшей квалификационной коллегии судей – в связи с проверками в Облсуде и предъявлении обвинений двум сотрудникам областного суда. В числе подозреваемых одна знакомая фамилия, возможно связанная с судьёй, определившей меня в СИЗО. Не об этих ли её связях говорил мой адвокат? Кроме того, Шатовкину подозревают в коррупционных связях с одним из бывших губернаторов области. Который ещё несколько лет назад был настолько силён, что сверг своего высокопоставленного коллегу. Что уж тут говорить про жалкого директора планетария?

Следом за этим событием рапорты об отставке подали главный прокурор Новосибирской области Фалилеев и два его заместителя. Они смогли опередить комиссию Генеральной прокуратуры, которая нагрянула из Москвы и в течение недели проверяла работу местных прокуроров. Московской комиссией был даже организован прием граждан, вылившийся в столпотворение у дверей прокуратуры. Я сам подумывал о том, чтобы пойти на приём. Но решил, что ещё рано начинать жаловаться. Нужно дождаться следующего шага следствия. По результатам проверки, опубликованным в конце октября, 29 сотрудников местной прокуратуры получили выговоры и замечания, кого-то лишили премий.

В тот самый день, когда стали известны результаты проверки, грянула ещё одна новость – глава ГИБДД Штельмах уволен со своего поста за «утрату доверия» и обвиняется в превышении служебных полномочий. Он, якобы, незаконно выдал какому-то депутату пропуск-«вездеход», позволяющий ездить по дорогам без проверок. Говорят, что такие пропуска были у всех депутатов и все об этом знали. Мне даже жаль

Штельмаха. Вот так просто взять человека, всю жизнь верно служившего властям, и публично вытереть об него ноги? По какому-то абсолютно несущественному поводу!

Вот так дела – друг за другом полетели с постов неприкасаемые. Однако, если подумать, все перечисленные события легко увязываются в один сюжет. Теперь, после сентябрьских выборов, присланный из «варягов» и.о. губернатора стал полноправным губернатором и приступил к работе. Опять вспоминается его предвыборный слоган: «Дела важнее слов». Вот и начались «дела». Первым делом взялся за зачистку местной мафии. Новая метла по-новому метет. И это нормально. Вопрос только в том – кто встанет на её места?

Что дальше? Мэрию, по идее, трогать не должны. Ведь мэр «благородно» отошёл в сторону перед выборами губернатора, явно, под определённые гарантии. При желании он мог создать серьёзную конкуренцию будущему губернатору. Но что мы видим – 31 октября задержан заместитель главы департамента земельных и имущественных отношений мэрии. Серьёзный пост, управляющий большими деньгами. Ему предъявлены такие же серьёзные обвинения. Так что, как видим, все прежние договоренности – по боку.

А ведь осенью следующего года – выборы мэра – а это новые интриги. Трудно пока сказать, как ротация «сильных мира сего» отразится на политическом климате области в целом и на моём деле в частности. И отразится ли вообще? Подождём, пока очередь дойдёт до моей скромной персоны.

В разговоре с адвокатом по телефону я говорю ему: «похоже, следствие готовит новое обвинение, предыдущее оказалось несостоятельным». Продолжаю (специально в трубку): «шепните им, что они этим самым весь народ насмешат. Общественный отклик будет ещё более широким, чем это было летом. Пускай уж не мучаются, а закрывают дело». Не знаю, насколько полезным для следствия будет такой совет. Но новая статья действительно станет перебором. С полным правом можно будет вспомнить цитату ещё советских времён, приписываемую то ли Берии, то ли Вышинскому: «Был бы человек, а статья найдётся».

У тюремщиков, оказывается, есть свой праздник – 31 октября – день работников СИЗО и тюрем. Это что, получается, заключённые должны их поздравлять в этот день? Ну тогда и день самих заключённых должен быть. Не успел я осознать эту новость, как новое событие – 11 ноября – день сотрудника органов внутренних дел, то есть праздник у тех, кто меня преследовал. Сам президент их торжественно поздравил по телевидению: молодцы, так держать, не всех астрономов ещё разоблачили!

Становится интересно – а когда же праздник у следователей и прокуроров? Оказывается, пропустил, 25 июля надо было поздравлять своего следователя. Но ничего, может быть 12 января смогу поздравить прокурора, который утвердит моё обвинение. Думаю – хорошо, что моим делом не занимается ФСБ (тьфу-тьфу), а то бы и их праздник узнал. Даже немного гордость берёт – это ж как много разных

государственных служб мною занимаются. Все получают зарплаты, иногда немалые. Зарплаты формируются за счёт наших налогов. А у меня в этом году зарплаты нет. И значит, налог я не отчисляю. Если следовать логике, после моей посадки они денег станут меньше получать? Что-то не стыкуется. Я слышал, что всё наоборот – больше посадишь – больше получишь. Наверное, всё дело в перераспределении бюджета в пользу наиболее нужных государству ведомств.

Затишье кончилось 16 ноября, в пятницу. Меня вызвали на очную ставку. Удивительно, но на этот раз следователь заранее сообщила, с кем я буду встречаться. Я даже заподозрил неладное – может быть они хотят проследить, как я поеду к свидетелю согласовывать показания? И потом обвинить меня в этом. Ведь это был самый главный свидетель. В феврале именно по его показаниям мне предъявили обвинение во взятке и арестовали. Прошло девять месяцев, и мы получили шанс взглянуть друг-другу в глаза. Но вызвали нас, конечно не для этого. Просто показания этого парня расходились с моими. Он несколько раз брал в планетарии оборудование в аренду и оценил общую стоимость аренды аж в 300 тысяч рублей. Я же в своих показаниях согласился признать только сто тысяч. Платежным документом именно на такую сумму располагало следствие. В-общем, предстояло поспорить.

Свидетель предусмотрительно приехал с адвокатом. Я – с Юрием. Быстро отвечаем на стандартные вопросы – знакомы ли мы, не имеем ли поводов оговаривать друг друга? Я замер, когда ему задали главный вопрос: «На какую общую сумму вы арендовали оборудование?» Но свидетель хорошо понимает суть происходящего, ему незачем подыгрывать следствию. На этот раз он говорит о 200 тысячах, что гораздо ближе к действительности, так что я слегка расслабляюсь. Но теперь он должен объяснять, почему раньше он говорил про 300 тысяч. Следователь ведёт себя удивительно корректно. Её удовлетворяют данные свидетелем объяснения. Очередь доходит до меня. Я с радостью подтверждаю слова свидетеля, поясняя, что в эту сумму входят и взаимозачёты. Вместо денег за аренду свидетель покупал нужное планетарию оборудование. А однажды мы работали над совместным проектом, полнокупольным фильмом для планетария, что тоже было засчитано в счёт аренды.

Наконец, наступает самый важный момент. Мы имеем право задать друг другу вопросы. Я давно думал про эту минуту и даже советовался с адвокатом, как лучше это сделать. Я задаю свидетелю вопрос: «Вы арендовали у нас в планетарии оборудование для съёмок, а в протоколе допроса, как мне известно, записаны показания о том, что вы давали мне взятку. Как это могло получиться?»

Дальше я был готов ко всему. Следователь могла снять вопрос, как не относящийся к теме очной ставки. Свидетель мог не решиться говорить правду под запись в протоколе. Но свидетель решился. Он откровенно рассказал, как его неожиданно остановили на улице, вынудили сесть в автомобиль и увезли в ОБЭП. А далее ничего не понимающий человек в течение трёх часов подвергался психологическому давлению со стороны нахрапистых сотрудников ОБЭПа. Они написали в протоколе нужные им слова про взятку и вынуждали его подписать этот документ. В противном случае его

угрожали посадить за решётку! По их словам, директор планетария уже во всём признался. И крайним останется именно он. Несколько раз по его требованию формулировку меняли, но слово «взятка» как приклеенное оставалось на бумаге. В конце концов, тогда они победили. И далее всё произошло по их сценарию.

Следователь бесстрастно фиксирует всё сказанное в протоколе. Я очень удивлён. Не слишком ли гладко? Ведь теперь у нас имеется документальное доказательство того, что моё дело сфабриковано. Неважно, что эта взятка уже закрыта и теперь у меня другое обвинение.

Впрочем, впереди ещё одна неожиданность. Когда мы остаёмся с Юрием, следователь вручает нам новое постановление. Причём вручает как-то странно, с извинениями. Глазам не верю! Возбуждено новое уголовное дело, и речь в нём идёт опять о взятке, причём по суровой 5-й части этой самой злополучной 290-й статьи. Тут же вспоминаю, что она карается сроком от 7 до 12 лет! Боже мой! Всё сначала? Истерично шучу про то, что опять пора в СИЗО, следователь успокаивает – обойдёмся без этого. Она несколько раз повторяет, что постановление готовилось в её отсутствие, пока она была в отпуске и на больничном. Действительно, на документе стоит дата – сентябрь, два месяца назад.

Сразу понимаю, что слишком мягкое обвинение (по статье 285 – злоупотребление должностными полномочиями) не устроило заказчиков моего преследования. Все эти три месяца они лихорадочно клепали новое обвинение. Не поленились для этого даже слетать в Москву. Суть дела – ещё более абсурдная, чем раньше. Следствию необходим реванш! Вспоминаю их бешенство, когда я вышел из-под ареста и об этом сообщили все СМИ. Тогда мой праздник стал чёрным днём у этих людей. И они всерьёз решили отмотать плёнку назад.

Я понимаю абсурдность ситуации, но мне не по себе. Я физически ощущаю, как вокруг столпилась стая недругов. Они чувствуют себя всемогущими. Их не напугали проверки московских прокуроров. Москвичи далеко и можно снова играть по своим правилам. Это значит, мои испытания ещё далеки от окончания. Следователь с ходу пытается мне задавать вопросы. И я сгоряча даже что-то отвечаю, но тут же останавливаюсь – я должен внимательно ознакомиться с документом и вспомнить события, о которых тут идёт речь. Мне даётся три дня, чтобы дать объяснение фактам, изложенным в постановлении.

Суть дела была вот в чём. Четыре года назад я заключал договор с одной московской компанией на озвучивание фильмов. Фильмы предназначались для недавно построенного иркутского планетария. Договор тогда я заключал от имени автономной организации. Были на это веские причины. И от её имени производил все работы. Теперь меня обвиняют в том, что я не заключил договор от планетария. И не важно, что в планетарии не было своей звукозаписывающей студии. И не важно, что действовал я абсолютно легально.

Будем жаловаться – такова была реакция Юрия. До этого он каждый раз отвечал мне, что жаловаться бесполезно. Сначала он сказал это как-то неуверенно, как-бы спрашивая разрешения у следователя. Та ответила достаточно неопределенно – не было бы так, как прошлый раз. Она имела в виду громкую реакцию СМИ на мое освобождение из-под ареста в конце июля.

На следующий день следователь собиралась вручить мне обвинение по 290-й статье. Но когда Юрий позвонил ей, она сказала, что обвинение откладывается, и сама же посоветовала писать жалобу! Не забыв добавив о том, что она не согласна с этим обвинением. Да-а уж, неужели так бывает? Юрий тут же вызвал меня, и мы начали готовить жалобы. Это мне понравилось. Наконец-то можно сказать кому-то, что я недоволен ходом следствия. До сих пор у меня жалоб не было, так что со стороны можно было подумать, что меня всё устраивает.

Заодно на меня обрушивается ещё одна новость – через три дня Юрий уезжает, и надолго, но меня готов передать другому опытному адвокату, бывшему прокурору. Тут же мы и знакомимся. Новый адвокат, Василий, на ходу выдаёт дельные предложения. Решено – жалобы будут в три адреса. Во-первых, прокурору области – жалоба на районного прокурора, во-вторых, районному прокурору – жалоба на действия следствия и ОБЭП, и, наконец, руководителю следственного управления, т. е. главного по области – жалоба на действия районного следственного отдела.

Примерно за час мы проговорили с Юрием содержание всех трёх жалоб, и я отправился домой оформлять их. «Только завтра обязательно в 9 утра нужно развести лично во все три места» – напутствовал вдогонку Юрий. Не знаю, в чём смысл этих слов, но я решил так и сделать. Каждая жалоба была изложена на четырёх листах, хотя я предлагал Юрию ещё подсократить их. Только вступление и заключение для каждого адресата были свои. К полуночи я закончил работу и распечатал письма вместе с приложениями.

С утра еду в серьёзные государственные структуры, где мне ещё не приходилось бывать. Следственное управление находится в центре города, рядом с Оперным театром. Захожу в кабинет ровно в 9:00. Меня сразу предупреждают, что жалоба будет направлена для рассмотрения в район, то есть тем самым людям, на которых я жалуюсь. Ну что ж поделаешь – если такой порядок, направляйте.

В областной прокуратуре такого не говорят, жалоба должна быть рассмотрена именно здесь. Правда, на сайте прокуратуры на месте прокурора области пока лишь пустое место. Не так давно по результатам московской проверки главный прокурор был отправлен в отставку. Ничего, главное соблюсти формальности. Найдут, кому поручить. Третье место мне знакомо. В районную прокуратуру меня вызывали по всяким мелким поводам. Однажды потребовали, чтобы видеокамеры планетария отслеживали ещё и прилегающую парковку. Тогда я выполнил это требование, чтобы не злить прокуроров, хотя оно было явно незаконно.

Думаю, что теперь я готов к тому, чтобы писать и другие жалобы. В книгах, которые я прочёл за последнее время, почти все авторы, прошедшие эту школу жизни, считают жалобы важным орудием борьбы с режимом. Даже если они не приводят к нужным результатам, а кончаются отписками, они всё же заставляют госаппарат напрягаться в сочинении этих отписок. Чиновникам приходится отслеживать сроки ответов и вообще, регламент реагирования на жалобы. Вот и пусть отрабатывают свои сверхзарплаты. Я не боюсь возможной неадекватной реакции на эти жалобы низшего звена исполнителей. Понятно, что в конечном итоге всё свалится на них. Начальство может выразить им недовольство за то, что я вообще осмелился написать эти письма.

Основной упор нового обвинения сделан на том, что я при выполнении договоров использовал ресурсы планетария. Я хорошо знаю, что это не так. Озвучивание выполнялось на студии одного хорошего звукооператора в городе. Поэтому я легко отнёсся к такому обвинению. Тем более, что я знал, какие показания может дать этот парень. Мы с ним как-то пересекались и обсуждали этот вопрос. Нужно просто рассказать, как было на самом деле. Ничего выдумывать не нужно.

В четверг, 23 ноября, меня пригласили в Аэрокосмический лицей (АКЛ). Пригласила преподаватель астрономии, с которой мы были знакомы ещё до моего директорства в планетарии. В этот день в стенах АКЛ проходила городская школьная конференция по астрономии. Нужно было оценить доклады ребят. Это дело мне нравится. На такой конференции можно услышать достаточно необычные доклады и вспомнить себя в школьном возрасте. Было действительно интересно. В жюри я оказался вместе с ещё двумя моими знакомыми, с которыми давно не виделся. Юру с приборостроительного завода я спросил о том, как ему вернули яркоммер. Я брал прибор в январе, чтобы наблюдать лунное затмение. После моего ареста прибор остался в планетарии. В СИЗО я напрасно переживал по этому поводу – прибор не затерялся.

После трёх часов работы выбрали лучших докладчиков. Среди них оказалась девочка из планетария, которая довольно уверенно научилась обращаться с главным телескопом и получать на нём хорошие фотографии. Приятно, что дело, начатое мной, продолжается.

Когда я умиротворённый и счастливый от общения с коллегами возвращался из АКЛ, мне позвонил адвокат Юрий (это был его предпоследний рабочий день) и обыденным голосом сообщил, что следователь хотела нас вызывать завтра для предъявления обвинений. Но он договорился отсрочить вызов в связи с тем, что у меня новый адвокат. Но главное, что я услышал – один из ключевых свидетелей дал показания, противоречащие моим. Он сказал, что не получал от меня денег за выполненную работу. Прежде всего, меня удивил тот факт, что следователь сообщила такие сведения по телефону. А во вторых, меня бросило в жар. Я подумал, что чёткая линия моей обороны, уже сложившаяся в голове, разрушена. Теперь всё становится не так однозначно. Я ещё ничего не знал толком – что именно сказал свидетель, правда ли вообще всё это, может быть это просто провокация, а в голове я уже представил камеру и срок по моей статье – от 7 до 12 лет! Вдруг стало страшно как тогда, во время ареста.

Похоже, этот страх выплёскивался и наружу. Даже сын, увидев меня дома, спросил: «что случилось?»

Только через час, за чашкой кофе со своей половинкой я пришёл в себя. От жены исходило спокойствие: «я с тобой, что бы ни произошло. Не нужно бояться этих бесов. Господь с нами». И действительно. Что это я? Расслабился. Думал, что борьба уже позади. А оказалась, что всё ещё впереди. Но это не повод, чтобы сейчас сдрейфить. Вечером сажусь за компьютер и пытаюсь вновь выстроить ситуацию трехлетней давности в логическую цепочку.

На следующий день, в пятницу общаюсь с Василием. Знакомлю его со своим делом и, особенно – с обстоятельствами очередного наезда. Он искренне удивлён – даже если они всё повернут по-своему, предъявленный эпизод тянет максимум на мошенничество, статья 159, но это никак не взятка. Очень изощрённой фантазией нужно обладать, чтобы посчитать его взяткой. Эти рассуждения немного успокаивают меня. Всё-таки, мошенничество – это гораздо приятнее, чем взятка, потому что максимальный срок – до 6 лет. Точнее сказать – от нуля до шести. Это совсем не то, что от 7 до 12!

Объясняю Василию, что у следствия просто нет иного выхода. Чтобы выкрутиться из сложившейся ситуации, они должны вернуться к самому началу. Необходимо как-то объяснить мой арест и содержание за решёткой. Мы-то с Василием видим абсурд этой ситуации, но как на это посмотрит судья? Ведь он (или она) тоже может обладать такой же искажённой логикой, какой обладает сторона обвинения. А это значит, они поймут друг друга. Или будут руководствоваться другими причинами.

Неожиданно вижу в офисе адвокатской конторы Александра, адвоката, который несколько месяцев был у меня вторым номером. Оказывается, Юрий принял его на работу в свою контору. Вот так поворот! Не слишком ли много событий произошло за эту неделю? Я помню о том, что Александр в дружеских отношениях с ребятами из ОБЭП, моими главными преследователями, поэтому предупреждаю Василия, чтобы тот держал ухо востро и ничего не обсуждал с Александром по моему делу.

В начале декабря пришло официальное письмо из СИЗО. Я с опаской развернул его. Мне предлагается закрыть свой счёт в тюремном магазине, где остались какие-то деньги. Думаю – нужно ли это делать? Мало ли что ждёт впереди. Но потом всё же еду к своему бывшему месту заключения. Мне быстро выносят оставшиеся на счету деньги, около тысячи рублей. Заодно решаю отправить передачи своим друзьям. Теперь эта процедура мне знакома и не вызывает затруднений. Единственная загвоздка состояла в том, что один человек не имеет права сдать две передачи в один день. Даже если это передачи разным людям. Не стал разбираться в причинах такого абсурдного запрета. Просто приехал на следующий день. После обеда очереди уже не было.

Когда собирал передачу, представлял, что бы мне самому захотелось больше всего. Уложил всего понемногу: овощи – репу, редьку, чеснок, морковь, капусту, шмат сала,

кусоч сыра, колбасу... Свежий картофель не принимают – мол, готовить им там не на чем. Продолжаю настаивать – будут грызть, хотя сам знаю, что сварить картофель с кипятивником – плёвое дело. Нет, ни в какую. Не прошла и шикарная пластиковая ёмкость с делениями в миллилитрах – можно всё что угодно отмерять. Но зато без проблем проходят беруши, затычки для ушей фабричного производства. Теперь я знаю, что они продаются в аптеках. Я почему-то сомневался в их легитимности. Вспоминаю, что мне бы они очень пригодились, когда народ в камере допоздна смотрел телевизор или кто-то начинал храпеть. Не удалось найти повязку на глаза для сна, какие дают в самолётах – тоже полезная вещь в тюрьме. Спать со светом тяжело. Максим отзывается в этот же день – сразу после отбоя присылает СМС. А у Кирилла, похоже, связи нет, так что пишу ему письмо через сайт с опцией «ответ оплачен».

Вскоре после этого на меня выходит сестра Кирилла. Они, как и многие другие его родственники, живёт в Омске. Но в начале января приедет в Новосибирск. Мне интересно будет с ней пообщаться, чтобы узнать больше подробностей о деле моего друга.

В начале декабря приезжает мой дядя Николай, родной брат мамы. Их было пятеро, теперь, после смерти моей мамы, он остался один. Остался самый старший из пятерых. В январе ему исполнится 85. К моей истории он относится с юмором и житейской мудростью – ну что, не отцепились ещё? Рассказывает о том, как сам чуть не загремел в тюрьму. Он всю жизнь прожил с одной рукой – левой. Правую потерял, когда неудачно, ещё пацаном, запрыгнул на отходящий поезд. Однажды, уже будучи женатым, он подрался с соседом по коммуналке. Ну а поскольку одной рукой драться проблематично, он использовал подручное средство – бутылку, которую разбил об голову противника. Второго противника, жену соседа со сковородой в руках, он отпихивал в сторону ног. Сосед оказался со связями и возбудил дело. В те далёкие времена с этим было всё так же, как и сейчас. К счастью, нашлись связи и у дяди Коли, так что он отделался оплатой лечения своего недруга.

Очередной импульс моему писательству придаёт новая книга. Я заказал её через «Лабиринт», московскую службу рассылки. Вместе с новогодними подарками для всей семьи я присмотрел книгу по своей любимой теперь теме – «Как выжить в современной тюрьме»¹. Сначала эта книга показалась мне сборной солянкой, надёрганной из интернета. Почти всё мне было уже известно. Но затем я решил посмотреть – кто же автор? Оказалось, что Станислав Симонов имеет большой опыт зэка. Будучи актером, журналистом, преподавателем в Щукинском театральном училище, в 2001-м был обвинен в рамках дела «оборотней в погонах» и отсидел 10 лет! Узнав это, я более внимательно перелистал книгу. Это своего рода тюремная энциклопедия. Она рассчитана на тех, кто ещё не сидел. В заголовке указано, что это Часть 1, так что есть надежда на продолжение. Сейчас автор ведёт курсы актерского мастерства, пишет, проводит экскурсии по Булгаковской Москве. После знакомства с автором, совсем по-другому смотришь на цитату, приведенную в предисловии: *«Если хочешь узнать, кто*

¹ Симонов С. Ю. Как выжить в современной тюрьме. Часть 1. – М. : ИД «Городец», 2015.

твой настоящий друг, постарайся попасть за решётку» (Чарльз Буковский). Эту цитату действительно трудно принять, не побывав там.

Расследование завершено

Продолжаю эти строки 30 декабря 2018 года. Сначала о главном. Моё уголовное дело завершено. Вместе с адвокатом мы ознакомились с девятью томами. На это ушло пять дней. Читали мы в кабинете следователя. Для того, чтобы скопировать нужные страницы, я привёз из дома портативный ксерокс. Читая показания свидетелей, восстанавливаю в голове весь ход событий, о которых раньше мог только догадываться. Следствие поработало на славу. Некоторых свидетелей опрашивали по три раза. Больше всего досталось бухгалтеру. По тексту документа можно легко догадаться, что ей угрожали арестом. И она действительно была на волосок от этого. В то же время, она прошла через всё это достойно – ничего лишнего не сказала, никакой напраслины на меня не возвела.

С интересом читаю дальше. Каждый протокол как картина художника вырисовывает образ очередного моего коллеги. С некоторыми я проработал семь лет, а с одним даже учился в ВУЗе. И теперь характеры людей раскрываются как открытые книги. Вот сотрудница, к которой я часто бывал строг, нередко наказывал и игнорировал её запросы. Теперь она искренне рассказывает обо мне всё самое хорошее, без малейших колебаний подтверждает все факты передачи мной имущества на общие нужды в планетарий. Даже те факты, о которых я сам забыл. Это именно то, что поможет разрушить моё обвинение в корыстном присвоении средств.

А вот – человек, для которого я сделал немало хорошего. Теперь я читаю, как из него словно клещами вытягивают слова. Ни шага в сторону, всё строго по сценарию следователя. Ни одного доброго слова обо мне. Ну а следователь, понятное дело, не спросит ничего такого, что может оказаться ему невыгодным. Мой бывший друг даже подыгрывает врагам, высказывая догадки не в мою пользу. Почему? Что его заставило это делать? Чем он был так напуган? Ведь ему ничто не грозило. Он не молод и его жизненный путь должен был дать ему хоть какую-то житейскую мудрость. Невозможно понять. Теперь я должен буду бороться не только со своими обвинителями, но и с такими вот невнятными показаниями.

А вот приятный документ. По результатам очной встречи с моим основным свидетелем начато служебное расследование в отношении «неустановленных» работников ОБЭПа. Протокол, в котором свидетель говорит о взятке, был подписан им под давлением в отсутствие адвоката. Его заполнял конкретный сотрудник с известной фамилией. Неустановленными можно назвать только его подручных, которые прессовали парня. Но моему делу этот факт вряд ли поможет.

Следствие заложило в дело запасные варианты развития событий. В отдельное производство выделено расследование в отношении директора и главного бухгалтера планетария «о мёртвых душах». Об этом я слышал ещё в тот самый первый день, когда

ОБЭПовцы активно интересовались некоторыми сотрудниками, работавшими у нас удалённо. Мне казалось, с этим давно пора было разобраться и закрыть тему. Эти сотрудники (их было четверо) получали задания, выполняли работу и присылали её своим руководителям, за что получали зарплату. Единственное нарушение, которое я здесь вижу – это то, что удалённая работа не была оформлена должным образом.

Самый приятный для меня – восьмой том. В нём собраны так называемые характеризующие документы – характеристики, отзывы о моей работе, ходатайства в мою защиту, благодарности за работу от высоких людей, включая губернатора и мэра. Здесь же высказывания людей, подписавших петицию в мою защиту. Приведу лишь некоторые:

- Возмутительно, слишком мало украл;
- Напоминает Юрия Деточкина из «Берегись автомобиля»;
- Чтобы точно не осталось энтузиастов своего дела: ишь чо удумал – науку популяризировать!;
- Органы как-то должны показать свою деятельность, вот нашли самого-самого главного вора;
- Ну а чему удивляться? Не преступников же сажать! Ведь у серьёзных преступников и денег немеряно и властные покровители имеются;
- Посадить, к сожалению, сейчас можно почти каждого честного человека – такова система. Чтобы делать свое дело, неизбежно нужно что-то нарушить. Но лучше делать и рисковать, чем не делать вообще;
- Немедленно освободить и добавить втрое больше денег для его работы из карманов судей, прокуроров и лжесвидетелей!

К концу чтения последнего тома я понимаю, что в деле нет важных для меня документов. В самом начале, ещё в январе во время допроса я передал ОБЭПовцам документы о расходовании полученных мной средств. Это были квитанции, подтверждающие покупки. Сумма этих расходов превышала полученные мной «незаконные» доходы. Нет и документов по некоммерческой организации, которая фигурирует во всех моих показаниях.

Обнаруживаю одну нестыковку в показаниях. Моя хорошая знакомая П. по какой-то причине даёт ошибочные показания. Вряд ли она умышленно вредит мне. Нет, о таком даже не думаю. Она заблуждается. Или следователь сбил её с толку. Она говорит о том, что один из геодезических приборов был передан в планетарий безвозмездно. Это могло быть правдой, если говорить вообще. Такая передача была лет семь назад. Тогда было передано с десятков приборов. Но П. называет конкретную марку теодолита, которого среди передаваемых приборов не было. Ясно, что ей подсказали. Я лично купил этот теодолит у антиквара, имя и телефон которого у меня сохранились. Тот даже вызвался подтвердить факт покупки.

Конечно, это мелкий факт. Речь идёт о семи тысячах рублей из общей суммы почти в 700 тысяч рублей – всего один процент. Но я не хочу, чтобы даже такая маленькая тень лежала на моих показаниях.

По окончании чтения, 30 ноября, мы сочиняем с адвокатом два ходатайства. Он пишет о том, что дело нужно закрыть за отсутствием состава преступления. Я пишу о нехватке документов и о необходимости очной ставки со свидетельницей П., показания которой расходятся с моими. Следователь незамедлительно отклоняет эти ходатайства. Постановления об этом мы получаем при следующей встрече со следователем через несколько дней.

Лишь спустя месяц я понял, что совершил ошибку, так быстро подписав окончание знакомства с делом. Нужно было настаивать на своих требованиях и не ставить подписи. Даже если бы я и не добился своего, по крайней мере, протянул время. Критическое время для следствия – один год, который завершится 31 января 2019 года. Но, как говорится, после драки кулаками не машут.

Последнее обвинение мне предъявляли трижды. Сначала следователь просто исправила ошибки, на которые мы сами ей указали. Например, «взятки» размером две тысячи или даже 24 тысячи рублей были названы значительными. По УК значительные начинаются с 25 тысяч. Но и после этого дело не было передано в прокуратуру на утверждение. Видимо, в следственном отделе решили еще раз вычитать текст своего собственного обвинения. Исправили ляпы, в которых говорилось, например, о том, что я лично получал «взятку», тогда как деньги поступали на банковский счет автономной организации.

Наконец, 14 декабря я в третий раз подписал документы об ознакомлении с делом, после чего оно должно быть направлено в прокуратуру на утверждение. Одновременно я написал жалобу прокурору района на действия следствия. Я ещё раз указал на то, что важные для моей защиты документы не включены в дело, и на то, что не опрошены свидетели. А обвинение в том, что я переозвучивал фильмы за пределами планетария вообще мне непонятно. Выполнение этой работы не имеет никакого отношения к планетарию. А раз обвинение непонятно, то и защищаться от него я не могу. Таким образом, нарушены мои права на защиту. Представляю, какими банальными выглядят эти слова для прокураторов.

В понедельник, 17 декабря, я отнёс жалобу в прокуратуру района. Символично, что дежурным оказался зам. прокурора Д. В. Серебряков, который давал отписки на мои предыдущие жалобы. Проверив мой паспорт, он оставил автограф на моём письме. Это была возможность сказать ему в лицо, как он неправ. Но я не сказал – слишком неожиданной была эта встреча.

Ответа на эту жалобу я ждал очень долго, хотя по закону (ст. 124 УПК ч. 1) срок рассмотрения жалобы составляет не более трёх дней. Прошли новогодние праздники. 24 января я пришёл в районную прокуратуру, чтобы всё же узнать судьбу своей

жалобы. Мало ли, новогодние праздники – это для всех форсмажор. Секретарь долго и упорно искала нужный документ и не нашла. В конце концов, меня вежливо направили восвояси и пообещали обязательно найти ответ. Мне стало ясно, что ответа просто нет. Вот здесь можно было упереться и не уходить без ответа. Но я ушёл. Ушёл для того, чтобы написать жалобу в вышестоящую прокуратуру – областную. Буквально через день машина сработала, шестерёнки провернулись и меня вновь пригласили в прокуратуру района. Удивительно, но ответ нашёлся. Причём он был датирован 27 декабря! Есть у органов своя машина времени!

Заместитель прокурора Д. С. Городилов сочинил целое постановление. Оно так и называлось – об отказе в удовлетворении жалобы. Нарушений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в том числе нарушения права на защиту, не установлено. Оснований для принятия мер прокурорского реагирования нет! Иного мы и не ждали.

На другую жалобу, которая была спущена из Областной прокуратуры в районную, дал ответ сам прокурор района. Ну что ж, хотя бы заставил их маленько поработать, посочинять отписки. Теперь у меня есть автографы основных организаторов моего преследования – прокурора А. Г. Павлова и двух его замов – Д. В. Серебрякова и Д. С. Городилова. Самая заковыристая подпись оказалась у заместителя руководителя следственного отдела по Октябрьскому району С. М. Авагяна.

Где-то перед Новым годом моё обвинение должно быть утверждено в прокуратуре. Но мы с адвокатом были в полном неведении. Ну а как иначе – год заканчивается, развития ситуации стоит ждать только после праздников. Можно сосредоточиться на семье, устанавливать ёлку, закупать продукты и подарки. Однако, в этом году произошла ещё одна важная встреча. Мне позвонил профессор Пальчиков из Академгородка, который активно интересовался моим делом и подписывал письмо в мою поддержку. Теперь он рассказывает о деле новосибирской компании «Тион».

Эта компания производит и поставляет в медицинские учреждения воздухоочистители. Конкуренты инициировали дело против ее основателя. Якобы, он внедрил усовершенствования в конструкции, которые ухудшали характеристики этих очистителей. Руководителя компании поместили под домашний арест. Но обвинение оказалось липовым. Сначала суд вернул дело в прокуратуру, а затем прокуратура отказалась утверждать новое обвинение. Через полтора года преследования дело было закрыто за отсутствием состава преступления! Это гораздо более громкое дело, чем моё. У него был высокопоставленный заказчик. А в защиту обвиняемого выступал бизнес-омбудсмен Борис Титов, уполномоченный при президенте РФ по защите прав предпринимателей.

Моё дело гораздо скромнее. Но профессор заинтересовал им людей, участвовавших в борьбе с судьболомной машиной по делу «Тиона». Пока сложно сказать, что из всего этого получится. По крайней мере, вопросы адвоката Елены, с которой я познакомился, звучат очень профессионально. Мы встретимся с ней после новогодних праздников.

Во всех областях деятельности народ подводит итоги уходящего года. Для меня наиболее интересны итоги в моей любимой астрономии. Одновременно подвожу и свои собственные итоги года. Внешне всё выглядит неплохо. Главный кошмар остался позади. Я нахожусь дома, с семьёй, могу заниматься любимыми делами. Однако, неопределенность ситуации постоянно висит надо мной как дамоклов меч. Этот меч не даёт возможности чувствовать себя свободным. Даже ночью меня преследуют тревожные сны. Иногда я долго не могу заснуть, иногда просыпаюсь среди ночи, а в голове крутится тот или иной сюжет из моего дела. Чтобы отвлечься, пытаюсь переключиться на мысли о семье, о Боге, об астробиях, о прочитанной книге. Понимаю, что нужна постоянная работа, которая будет загружать мозг. Но такой работы у меня нет, и неизвестно когда будет. Получается замкнутый круг – нет спокойствия – нет работы, нет работы – нет спокойствия.

Всё глубже до меня доходит мысль, что семья – это самое главное из того, что даёт нам жизнь. Конечно, я и раньше знал это. Особенно остро – после распада первой семьи. Но одно дело знать, а другое – жить этим. Много уже упущено, особенно в отношении моих уже выросших детей. Но что-то ещё можно успеть. Дочь усердно работает над уроками. Она научилась полагаться на свои силы. Лишь кое-что подсказываю ей по математике. Она ходит на занятия в архитектурную академию, где изучает рисунок, дизайн, композицию. Плавает в бассейне, бегаёт на лыжах. Я узнаю в её трудолюбии самого себя.

У сына отношение к труду другое. Он не любит делать что-то, в чём не видит практической пользы. Тем не менее, хорошие оценки к концу четверти всё же вытягивает. Его увлечение – велосипед ВМХ, велосипед для выполнения трюков и прыжков. Мы с женой с замиранием духа смотрим видео, где он выполняет прыжки с высоты десяти ступеней с поворотом на 360 градусов. Свой велосипед он вылизывает до мелочей – разбирает, красит, опять собирает, что-то подрезает, заказывает запасные детали. У него много друзей среди таких же бэ-эм-иксеров. Есть даже один студент, до сих пор не расставшийся с этим юношеским увлечением. Осенью мы вместе с сыном сделали в гараже ремонт – залили бетонный пол, установили хороший верстак. Теперь сын проводит здесь много времени.

В октябре подошла очередь и нашего автомобиля. Он выпущен 23 года назад, в 1995-м, и с 2002-го – он с нами. Мы купили его, когда переехали в Новосибирск. Чего только не перевидала эта «Тойота-Королла» за прошедшие годы. Пробежала по самым интересным местам Алтая, включая рудный Алтай и Кулундинские степи, пересекла Хакассию с её многочисленными озёрами, добралась до острова Ольхон, переплыв через байкальский пролив на пароме. Это не считая севера Томской области и Кузбасса. Сначала мы путешествовали вдвоём с женой, с детьми оставалась бабушка. Вскоре к нам присоединился подросший сын, а затем и дочь. По мере взросления детей салон автомобиля становился всё теснее, но мы как-то справлялись с этим. По бездорожью, где побывал этот самый обычный «паркетник»-седан, не все джипы решатся пройти. Совсем не потому, что у него какая-то особенная подвеска. Просто

хозяин не особенно щадил его, нещадно бросал по камням, кустам, в грязь и снег, не обращая особого внимания на появляющиеся шрамы и вмятины.

Беды с машиной случались и раньше. Дважды был пробит картер коробки передач, не говоря уж о вечно отваливающейся выхлопной трубе. На этот раз выкипела жидкость из системы охлаждения. Я посчитал, что проблема в радиаторе. Сын смело взялся за ремонт. Вместе мы сняли радиатор и установили новый. Увы, беда оказалась более глобальной. В автомастерской, куда всё же пришлось отдать машину, сообщили, что проблема в двигателе. Он давно уже обильно потреблял масло, а теперь прогорела прокладка. Пришлось менять весь двигатель, хотя, наверное, можно было и отремонтировать его. Я на всякий случай забрал старый движок, может быть, как-нибудь на досуге займёмся им с сыном.

Интерес сына плавно переместился с велосипеда на машину. Вскоре он сам снял приборную панель, чтобы заменить светодиодные лампочки, заодно починил спидометр и датчик уровня топлива. Заказал по интернету дополнительные противотуманные фары. Меня радуют его технические навыки. Ведь я и сам после школы хотел идти конструировать автомобили, пока не переметнулся в астрономы. Через годик, когда сыну стукнет 18 и он сдаст на права, у машины появится еще один законный владелец.

Хорошо поддерживает меня и отвлекает от дурных мыслей участие в подготовке школьников к астрономической олимпиаде. Несколько занятий я провёл в ближайшей школе по приглашению её директора. Официально принять меня на работу директор не может – не советовали в Департаменте образования. Поэтому директор идёт на нарушение финансовой дисциплины – платит мне небольшие деньги неофициально. Это мне знакомо, я часто сам такое делал. В школе сразу трое ребят прошли муниципальный этап олимпиады, и вышли на областной. Не знаю, мои ли занятия помогли, или ребята сами по себе талантливы. Затем активность проявляет мой бывший зам – в планетарии проходит серия интенсивных занятий с победителями и призерами муниципального этапа. Все для того, чтобы эти ребята могли хорошо написать областной (региональный) этап и выйти на заключительный, всероссийский уровень. Здесь я провожу занятия с 8-9-классниками. Рассматриваем с ними довольно сложные задачи, но ребята упёртые, пытаются вникнуть во все тонкости. Чувствую, что не хватает опыта преподавания, иногда не могу объяснить какие-то простые вещи. Но общение с такими продвинутыми ребятами воодушевляет.

Мне нравится составлять астрономические задачи. Они должны быть нестандартные, желательно в нескольких действиях, то есть иллюстрировать несколько физических законов. Хорошая задача – это интеллектуальное достижение. Не случайно, москвичи, которые готовят задачи для финального, заключительного этапа олимпиады, подписывают автора каждой задачи. Это занятие сродни составлению вопросов для телевизионной игры «Что? Где? Когда?», где авторы вопросов могут получить десятки (а то и сотни) тысяч рублей, если знатоки не смогут ответить на их вопрос.

Вот пример астрономической задачи. В календаре древних майя важную роль играл синодический период обращения Венеры, которую майя называли «пернатым змеем». Через сколько лет повторялись условия видимости «пернатого змея»? Оказывается, древние майя знали, что «пернатый змей» возвращается через каждые восемь лет. Думаю, что составление задач может для меня стать ещё одним интересным времяпровождением, если я всё же окажусь в заключении. Хорошо бы только учебник астрономии с собой как-то протащить. Без него это будет сложновато делать.

В финансовом плане выгодным оказалось участие во Всесибирской олимпиаде, которую проводит физматшкола при Новосибирском университете. В прошлом году астрономия была впервые включена в программу олимпиады вместе с физикой, математикой, биологией и некоторыми другими науками. Нынче я составлял задачи для очного и заочного этапов, проверял выполненные работы. В заочном этапе принимали участие школьники со всей России. Впереди заключительный этап. Участие во всём этом вдвойне приятно, поскольку эта работа пополнила наш семейный бюджет.

Эти занятия с ребятами, работа за компьютером, домашние хлопоты – всё это заполняет моё свободное время. Времени для безделья нет. Иногда шучу – нигде не работаю, а времени всё равно не хватает. Волнение и беспокойные мысли накатываются ночью. Когда голова освобождается от дневных забот, подступает тревога – а что же будет дальше? В голове сами по себе прокручиваются разные варианты развития событий, всплывают показания свидетелей, слова адвокатов. Чтобы отогнать этот хаотичный вал, начинаю размышлять о чём-нибудь приятном для себя – про астробии, или про книгу о затмениях, или про детей и внуков, или просто начинаю читать молитву. Иногда это помогает, иногда – нет. Мысли так и норовят вернуться к какой-нибудь проблеме. Вспоминаю, что бессонные ночи были у меня шесть лет назад, когда я только стал директором планетария. Тогда мысли тоже скакали в разные стороны, проблемы валились со всех сторон. Потом всё вошло в колею. В моей теперешней ситуации всё сможет образумиться только после завершения дела. А пока нужно учиться спокойствию.

Десятого января тревожная новость пришла от Татьяны, сестры Кирилла. Она сообщает, что Кирилл был избит. Произошло это во время прогулки, в прогулочном боксе. Причём, пострадал он очень сильно – возможно, переломы пальцев на руках и рёбер. Его посетил адвокат, который увидел синяки на лице. Подробностей, конечно, никто не расскажет. В том числе и сам Кирилл. Я помню внушительную комплекцию Кирилла и немного недоумеваю – как это могло произойти? Неужели всей камерой набросились? В СИЗО по этому поводу были разборки, но Кирилл не мог жаловаться на кого-либо из своей камеры. Это не принято, так как может грозить ещё большими неприятностями. Теперь его должны отселить, а может и всю камеру раскидают по отдельности.

На следующий день еду в СИЗО, чтобы передать Кириллу продукты и лекарства. Татьяна перевела для этого деньги, несмотря на мои отговорки. Говорит, что Кирилл сам поручил ей это сделать. Лекарства принимаются только по пятницам, с 12 до 13

часов. Наташа помогла составить список. В очереди к врачу около 40 человек. У каждого своя беда. Впрочем, очередь движется быстро. Я по записи 21-й – прошел через полчаса после начала приёма. Врач без проблем принимает обезболивающие таблетки и мази, а вот успокаивающий чай возвращает – не положено. Позже спохватываемся – при таком количестве таблеток обязательно нужны средства для желудка.

Одновременно передаю и продукты. Самый простой вариант – заказать всё из магазинчика при СИЗО. В этом случае они сами собирают передачу и относят в камеру в этот же день или на следующий. Но сегодня магазинчик закрыт. Я уже не в первый раз вижу табличку – касса не работает. Поэтому иду в супермаркет «Маяк», расположенный поблизости. Там набираю продукты и волоку в мешках обратно. Каждую позицию нужно записать в заявление, указав вес и срок годности. Сотрудница ловко вскрывает все упаковки, разрезает колбасу, перемешивает ножом майонез в банке и повидло. С копчёной курицей в вакуумной упаковке я не угадал. Необходимо, чтобы срок годности после вскрытия был не меньше 72 часов, а у курицы – только 36.

Женщина передо мной ругается с контролёрами. Она принесла передачу для сына. Вес её сумки зафиксировали как 6 килограммов. Но женщина упорно доказывает, что сумка весит целый килограмм и нужно записать пять килограммов. В конце концов, зовет старшего по смене и добивается, чтобы вес записали как 5 кг 100 г. Всё дело в том, что в течение месяца разрешается передать 30 килограммов. И вес отдельных передач суммируется. Моя передача весит 19 кг – запас ещё есть. Поэтому я не стал требовать, чтобы от общего веса отминусовали вес недопущенной в СИЗО курицы.

Этот денёк, 11 января нового 2019 года, получился напряжённым. После СИЗО мчусь к следователю, чтобы получить на руки обвинительное заключение. Оно представляет из себя три толстых тома, страниц по 250 каждый. С ними еду к новому адвокату Елене, которая за праздники ознакомилась с материалами моего дела. Адвокатский офис в Академгородке – почти час дороги. Что касается обвинительного заключения, Елена сказала, что это просто краткое изложение уголовного дела. Она сразу же забрала заключение и сняла с него копию. Мне не хочется даже смотреть на него. Привёз домой и отложил в сторону.

По вопросам Елены я вижу, что она действительно вникла в дело. Тут же разъясняет, чего мы будем добиваться. Нет, не оправдания – чудес она не обещает, но переквалификации на статью 165 УК – причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием. Эта статья применима и в случае, когда признаков хищения нет. Срок по ней – до двух лет. Услышав это, сразу говорю – согласен. Согласился бы суд. Но прежде всего, как говорит адвокат, само дело должно быть возвращено прокурору на основании статьи 237 УПК в связи с имеющимися в деле нарушениями. Она уже отметила для себя эти нарушения. Во время этой встречи мы окончательно договорились о совместной работе. Финансовый вопрос берет на себя фирма «Теон». Теперь у меня будет два адвоката. С Василием у меня долговременный договор, его услуги я уже оплатил, поэтому отказываться не буду.

В этот же день, 11 января мы узнаём, что прокуратура утвердила моё обвинение. Причём еще до праздника, 27 декабря. Логично. Все подводят итоги на рубеже года. Наверняка, и в прокуратуре это делают. Показатели их работы за год не должны пострадать. В этот же день в новостях вижу – зарплата прокуроров скоро увеличится в несколько раз. Они, бедные, видите ли, получают меньше, чем судьи. Несправедливо. Генпрокурор Чайка попросил об этом главу правительства Дмитрия Медведева и тот благосклонно кивнул головой. Эта новость звучит накануне дня работников прокуратуры, который отмечается 12 января. Хороший подарок к празднику! Ну а что? Репрессивную машину нужно кормить. Тем более, что за счёт поднятия пенсионного возраста в прошедшем году удалось хорошо сэкономить.

Только в конце января мы узнаём, что дело находится в Октябрьском районном суде. Из-за новогодних праздников оно поступило туда 15 января нового 2019 года.

Как раз в этот же день, 15 января, мой друг астроном Сергей Язев из Иркутска после согласований со мной публикует на сайте Тайга.инфо статью о моей «преступной» деятельности¹. Он в курсе моих мечтаний о создании научного музея в планетарии. Ещё в 2011 году, когда планетарий только строился, Сергей прислал для музея очень ценный экспонат – полюсограф. Этот настольный механизм создал его дед, Иван Наумович Язев в 1947 году. В своё время шарнирные сочленения, приводимые в движение электромотором, выписывали на бумаге сложную кривую движения земного полюса. Этот механизм и сейчас выглядит загадочно, хотя и не работает.

В последующие годы музей пополнялся и за счёт других даров. Огромные солнечные часы на территории перед планетарием – это подарок новосибирской фирмы «Стен». Вообще-то эта фирма производит котловое оборудование, но её директор захотел оставить свой след в космическом учреждении. Второй подарок этой же фирмы – необычная металлическая арка «Столкновение галактик» – она также установлена на территории. Ещё два важных подарка – это телескопы, которые смонтированы в астрономических башнях планетария. Телескопы изготовили два новосибирских предприятия – государственный Приборостроительный завод и частная фирма «Астросиб».

Какие-то экспонаты удавалось изготовить на средства самого планетария. Это необычные кинетические скульптуры, которые вращаются под воздействием ветра. В Новосибирске таких ещё не было. Перед планетарием можно найти макет лунохода, макет малой планеты, гигантский двухметровый глобус Земли и другие более мелкие экспонаты. Внутри здания есть макет старинного телескопа Гершеля, макет марсианского ровера Кюриосити, черная дыра, плазменный шар и другие познавательные экспонаты.

¹ URL: <https://tayga.info/144517>

Ну а третий источник пополнения музея – это моя «незаконная» деятельность. Об этом я уже рассказывал в этой книге. Теперь об этом публично рассказал и Сергей Язев. Статья была очень полезна. Ведь люди уже год задаются вопросом – за что же всё таки преследуют этого директора? Сергей популярно раскрыл суть моего дела. Раньше, когда расследование ещё шло, я просил его не делать этого, чтобы нас не обвинили в давлении на следствие. Теперь дело расследовано, можно донести правду до общественности.

«Настоящий» суд

У судов, которые я уже пережил, была только одна задача – избрать мне меру пресечения. Их не волновало – виновен я или нет. Они решали где моё место – в СИЗО, под домашним арестом или под подпиской о невыезде. Теперь дело передано в «настоящий» суд, который должен внимательно рассмотреть все мои прегрешения и вынести приговор. Говоря юридическим языком суд должен рассмотреть дело по существу.

Через пару дней адвокат Елена сообщает мне фамилию судьи. Это некая Б., ранее специализировавшаяся на гражданских делах. На сайте Октябрьского суда смотрю её недавние дела – о воровстве мобильного, о пьяном вождении, о хранении наркотиков... Теперь ей предстоит судить директора планетария.

Меня уже больше месяца беспокоит вопрос о суде присяжных. Моё преступление считается тяжким. Поэтому я вправе требовать суда присяжных. С июня 2018 года такая форма суда доступна в районных судах. Раньше – только в вышестоящих судах. Для рассмотрения дела суд подбирает шесть присяжных. Они и будут определять – виновен я или нет. Суд присяжных на порядок чаще выносит оправдательный приговор, чем обычный судья. Однако, есть другая опасность. Присяжные – это обычные люди, которые не всегда могут разобраться в хитросплетениях дела. Особенно моего. Следствие сделало всё, чтобы запутать его. Неизвестно ещё кто попадёт в состав присяжных. А если это будут сторонники моего недоброжелателя? Я, конечно, утрирую, но всё же. Тема была закрыта после того, как я узнал, что по моей коррупционной статье (взятка) суд присяжных не полагается.

Первое заседание суда было назначено на 19 февраля. Сторону обвинения будет представлять женщина-прокурор в звании майора – Наталья Чернова. На этом заседании мы сделали попытку вернуть дело в прокуратуру. Адвокат Елена зачитала суду ходатайство, в котором на тринадцати листах изложила препятствия для его рассмотрения судом. Суд это ходатайство отклонил. Тогда я ещё не знал, что впереди – 29 заседаний.

На одном из первых заседаний состоялся опрос «потерпевшей» стороны. Потерпевшим оказался департамент образования мэрии Новосибирска. Причём, он потерпел ровно на ту сумму, которую ему указало следствие – на 698,5 тысяч рублей. Думаю, что юристы

мэрии вынуждены были стать потерпевшими, иначе претензии могли бы возникнуть к ним самим.

Теперь мы слушаем представителя мэрии. Она заявляет, что сумма ущерба считается значительной, поскольку бюджет мэрии дефицитный. Иными словами, расходы мэрии больше, чем доходы. На 2018 год доходы составляли 41,8 млрд рублей, а расходы – 43,2 млрд рублей. Надо понимать, что дефицит бюджета в размере 1,4 млрд рублей мог быть частично покрыт за счёт денег, заработанных директором планетария. Целых 0,05% дефицита можно было закрыть. На вопрос защитника представитель мэрии отвечает, что «значительность ущерба» – это её личное мнение.

Второй вопрос, который был снят представителем потерпевшей стороны, это вопрос об особо ценном имуществе, которое сдавалось в аренду. В моём обвинении эта фраза со вкусом вставлялась где можно и где нельзя. Её там можно встретить раз сто, а то и больше. Ведь как хорошо звучит: «сдавал в аренду ОСОБО ЦЕННОЕ имущество, принадлежащее мэрии». После таких слов сразу хочется осудить этого нехорошего директора. Но оказалось, что такого понятия в казённом учреждении быть не может. Можно вычеркнуть эти слова из обвинения.

Затем начались допросы свидетелей. Следствие записало в свидетели обвинения аж 37 человек. Свидетелей защиты – ни одного. Но если бы у меня спросили, кого записать в свидетели защиты, я бы указал тех же самых людей. Я был уверен, что они дадут правдивые показания, которые будут в мою пользу. В числе свидетелей – тринадцать сотрудников планетария, двенадцать «взяткодателей» и ещё двенадцать практически случайных людей. Среди этих последних – охранник планетария, люди, не имеющие никакого отношения к делу, и даже моя жена и её брат, то есть мой шурин. Они тоже свидетели обвинения! Наверное, следствие руководствовалось правилом – чем больше свидетелей, тем более явным будет преступление и тем легче суду вынести приговор.

Поначалу я думал, что ничего интересного не ожидается. Все свидетели уже дали письменные показания, которые подшиты в дело. Достаточно их зачитать. Но всё оказалось гораздо интереснее. Живое общение не идёт ни в какое сравнение с сухим языком протокола. Вот сотрудницы планетария, которые не только ярко рассказывают о том, как директор выдавал им наличные деньги на разные нужды, но и говорят обо мне добрые слова. А вот мой «друг», который что-то мямлит и даже говорит судье, что мы вовсе не были друзьями. Я, конечно, уже знал из протокола его допроса, как он себя повёл, но теперь расставлены все точки над і.

Отдельная история с «взяткодателями». Их двенадцать. И двое из них в своё время дали роковые показания, на основании которых меня посадили в СИЗО. Они подписались под тем, что давали мне взятку. Один из них уже давно, ещё на очной ставке, отказался от этих показаний и заявил, что они были даны под давлением. Ну а у второго мы с адвокатами пытаемся здесь, в суде, выяснить правду. Конечно, человеку неприятно вспоминать свою слабость. Теперь он говорит, что подписал протокол не читая. И ни о какой взятке речи быть не может. Просто хотел поскорее вырваться из

лап оперативников. Однако, об угрозах в свой адрес предпочитает не вспоминать. А они, эти угрозы, конечно же были.

Остальные «взятодатели» в протоколах согласились только на то, чтобы назвать мои действия незаконными. Теперь они независимо друг от друга говорят одно и то же – о том, что действия директора планетария незаконны, они узнавали от оперативников. Им самим было всё равно у кого брать оборудование в аренду – у муниципального учреждения или у автономной организации. И куда пошли деньги от аренды им тоже безразлично. Одна женщина, которая брала у меня в аренду видеооборудование, по окончании своего допроса так эмоционально обратилась к судье со словами: «Освободите Масликова, он не виноват», что это живо напомнило фильм про Деточкина.

За прошедшие годы некоторые «взятодатели»-арендаторы уехали из Новосибирска. Но у суда длинные руки. Благодаря современным технологиям мы и их смогли услышать. В суде имеется отдельный зал заседаний, оборудованный для конференц-связи. Свидетеля находят в другом городе и приглашают прийти в местный суд, где имеется такой же зал заседаний с видеокамерами и мониторами. Там проверяют его документы и оставляют один на один с нами. Дальше уже процессом руководит наша судья.

Зал, в котором мы находимся, достаточно тесный. Так получилось, что стол подсудимого находится по соседству со столом прокурора. Мы даже одним микрофоном пользуемся, передавая его из рук в руки. Напротив разместились мои адвокаты и секретарь суда. В углу – клетка, в которую привозят ребят из СИЗО.

Двух свидетелей, не имеющих отношения к делу, в конце концов, тоже не стали сильно искать. И обвинение, и защита согласились просто зачитать их показания, которые имеются в деле. Ещё один свидетель уехал на (или «в») Украину, а значит – находится вне зоны досягаемости.

Вот так ни шатко, ни валко, с февраля по ноябрь шли заседания. Обычно, заседание назначалось на понедельник, с 14 часов. Но был ещё отпуск судьи, были заседания, на которые никто из свидетелей не явился. Такие заседания продолжались не более пяти минут, но они всё равно считались состоявшимися. Просто сразу назначалась следующая дата.

При таком графике у меня полно свободного времени. Занимаюсь своими обычными делами, которые мне никогда не надоедают – пишу статьи, наполняю свой сайт www.astronomers.ru, вычищаю набело уже практически написанные книги: про астронома Язева, про испытания в Индии, про солнечные затмения. Считаю своим долгом хоть как-то помочь своим друзьям, до сих пор остающимся в СИЗО. Да-да, по крайней мере двоих из тех, с кем свела меня судьба, я считаю друзьями.

Как-то мне вспомнилось, что за два месяца, пока я там был, нам ни разу не выдали обычные куриные яйца. Вспомнилось и то, как хотелось тогда какой-нибудь не тюремной еды. В конце апреля Пасха. Вот хорошо было бы снабдить своих друзей, да и вообще всех сидельцев пасхальным даром – крашеными яйцами. Сначала подумалось, что организовать это будет просто. Уговорить директора какой-нибудь птицефабрики выделить яйца в виде пожертвования. Подумал, что человеку, побывавшему там, не откажут. Для верности обращаюсь на Октябрьскую птицефабрику. В руководителях там семья депутатов, которые сами как-то обращались в планетарий. Тогда мы приняли их детей бесплатно. Но депутаты даже не захотели ответить на письмо опального директора.

Перебираю других производителей. Наконец, откликается Евсинская птицефабрика. Правда, говорят, мы яйца не производим, может быть куриные сосиски подойдут? Нет, сосиски на Пасху не подойдут. К счастью, директор М. Ю. Байбаков распорядился обменять сосиски на яйца от другого предприятия. Две тысячи яиц готовы поехать в СИЗО. Осталось решить – как. Без помощи церкви не обойтись.

В структуре новосибирской епархии имеется тюремный отдел, который как раз и занимается проблемами заключённых. Меня направляют к руководителю этого отдела, который трудится при храме Михаила Архангела. Этот небольшой храм раньше я проезжал каждый день по дороге на работу в планетарий. Он стоит недалеко от нового Бугринского моста. И вот устное согласие получено. Но чтобы написать официальное письмо в СИЗО, требуется одобрение сверху. Нет, не с самого верха, конечно, но от митрополита. Новый новосибирский митрополит Никодим только что прибыл на служение в нашу область. Ему пока не до яиц.

Только в апреле, за неделю до Пасхи вопрос был рассмотрен и одобрен. Казалось, уже ничего не успеть. «Ничего, с божьей помощью» – успокаивает меня мой новый знакомый – священник Отец Олег. И действительно, вопросы с доставкой яиц из Евсино (70 км), с их покраской в женской колонии ИК-9, перевозкой и приёмом в СИЗО-1 решались на лету. За день до Пасхи, 27 апреля яйца были на месте. О том, что они действительно были розданы заключённым, я узнал позже от Максима. Мысленно благодарю всех, кто мне помогал. В первую очередь – Бога.

Летом судья уходит в отпуск. Наши заседания прерываются на месяц. Можно и нашей семье отдохнуть. Мы решили полным составом, вместе с детьми поехать на своей машине в Хакасию. На всякий случай спрашиваю адвокатов – не будет ли это нарушением моей подписки о невыезде? Они считают, что нет.

Хакасия мало изменилась за 11 лет со времени прошлой поездки. Цивилизации здесь не прибавилось. Только за подъезд к озеру Белё теперь нужно платить. За неделю удалось объехать самые интересные места и даже побывать в предгорьях Кузнецкого Алатау, где мы раньше не были. Самым ярким впечатлением стала гроза с ливнем, которую мы пережили в хлипкой палатке на берегу озера Белё. Такой насыщенный отдых и общение с семьёй позволили мне отвлечься от судебного пресса. Сын во время

обратной дороги собрал в своём телефоне динамичный видеоролик о путешествии. Мы были в восторге!

Новые положительные эмоции принёс сентябрь: полумарафонский забег и астрономический форум «СибАстро». Я почти утвердился в мысли, что судья не посадит меня, а назначит условный срок. Вот только как ей удастся обойти столь серьёзное обвинение во взятке? Сомнения возвращались на каждом заседании, когда я видел лицо прокурора напротив.

Где-то в конце октября (2019 года) стало понятно, что окончание суда близко. Список свидетелей обвинения был исчерпан. Мне было дано право пригласить своих свидетелей, то есть свидетелей защиты. Сам я считал, что и так уже всё абсолютно понятно. Когда я слишком подробно начинал расспрашивать свидетелей, судья останавливала меня словами: «да хватит, и так уже всем понятно на что директор тратил деньги». Адвокат возражает: «понятно всем, кроме одного человека, который сидит напротив – прокурора».

Защитники говорят, что лишние свидетели не помешают. Поэтому приглашаю людей, с которыми уже несколько лет не общался. Пятеро из них с радостью соглашаются прийти и дать нужные показания. Никакого героизма здесь проявлять не нужно. Нужно всего лишь подтвердить, что я давал им наличные деньги на те или иные нужды. Ещё один свидетель поначалу соглашается, но потом «теряется» и не отвечает на звонки. Чего-то испугался. Сильно разочаровал довольно известный в городе паренёк, который продал мне хорошие фотографии планетария. Мы их использовали для изготовления рекламных буклетов. Он вдруг начинает расспрашивать о том, каким образом мы использовали эти фотографии, предусматривалось ли это нашими договорённостями (много лет назад). И, в конце концов, пропадает. Ну что ж, не велика потеря.

Всё чаще я слышу слово «прения». Мы вот-вот приступим к ним. Но прежде судья вспомнила, что нужно ознакомиться с материалами дела. Это обязательная, хотя и неинтересная процедура. Судья, а потом прокурор по очереди нудно зачитывали содержание всех девяти томов моего дела. Если учесть, что в каждом томе около 250 листов, то процесс растянулся часа на два. При этом оглашался только заголовок документа. Непонятно было для чего это делается. Мы с адвокатами с материалами давно ознакомились. Прокуратура тоже имела возможность познакомиться, когда утверждала обвинение.

Суд выходит на финишную прямую

Итак – прения! Это итоговые выступления сторон, в которых подводятся итоги судебного разбирательства. Первой должна выступить прокурор Наталья Чернова. Она запросит срок моего наказания. Будет ли она настаивать на взятке или найдёт другую статью? Мы ожидали эту важную речь 15 ноября, но прокурор в начале заседания заявила, что ещё не готова. Интрига откладывается. Перенесли заседание на 21 ноября. В этот день мы наконец узнали, что прокуратура отказалась от взятки и обвинила меня

в злоупотреблении должностными полномочиями – статья 285, часть 1. Ну наконец-то! Я давно ждал этого. По мере выступления свидетелей всё больше и больше становилось понятно, что взятка не пройдёт. Обвинение во взятке не лезло ни в какие ворота. Судья не сможет поддержать такие абсурдные обвинения, которые опровергаются всем ходом процесса. Прокуратуре нужно как-то выходить из сложившейся ситуации. В мечтах я даже представлял, как прокурор вообще снимет с меня обвинения. Но такое невозможно. Взятка, статья 290 – это полностью коррупционная статья. Статья 285 тоже может быть коррупционной, но при наличии определённых условий. Например, при наличии корыстного мотива.

На это прокурор и упирала. Зачитывая каждый эпизод сдачи имущества планетария в аренду, она не уставала повторять, что всё это Масликов делал из корыстных побуждений с целью личного обогащения. Как будто не было многочисленных свидетелей, рассказывающих обратное. Как будто она ничего не слышала, находясь с нами в одном зале. Для пущей важности прокурор добавила статью 174.1 (пункт «б», часть 3) – легализация денежных средств, полученных преступным путём. Это тоже чисто коррупционная статья. Она как подпорка первой. Отдельно она существовать не может. В ней идёт речь о средствах, нажитых преступным путём.

Основную интригу прокурор озвучила в конце: «прошу приговорить Масликова к трём годам заключения в колонии общего режима» и на два года запретить занимать руководящие должности! У-ф-ф! Явный прогресс по сравнению со взяткой. Я помню, что по 290-й статье часть 5 полагается срок от семи до двенадцати лет. Невольно вспоминаю самое начало, когда следователь направлял меня в СИЗО с напутствием: «За это преступление полагается наказание свыше десяти лет!»

Ну что ж, можно выдохнуть. Я бы даже согласился с 285 статьёй, если бы не корыстные побуждения. Вот с этим-то я никогда не соглашусь. Как сказал адвокат Василий, обвинение в корысти – это ошибка прокурора. Это не стыкуется с материалами дела. Вот если бы притянуть «иную личную заинтересованность», то ещё был бы шанс посадить меня. Под такой неопределённой формулировкой иногда проходят обвинения в злоупотреблении.

Теперь работа судьи упрощается. После смены обвинения ей будет легче вынести мне условное наказание. А пока судья даёт нам время для подготовки ответных речей. Следующее заседание состоится через две недели – 4 декабря. В эти дни вышла важная публикация в мою поддержку. Я уже писал про газету «Троицкий вариант. Наука». Её главный редактор, Борис Штерн приезжал в сентябре в Новосибирск для участия в астрономическом форуме «СибАстро». Теперь он решил посвятить целый номер газеты защите преследуемых учёных. Здесь и о Викторе Кудрявцеве, в свои 75 лет обвиняемом в шпионаже, и о студенте МГУ Азате Мифтахове, сидящем в СИЗО с февраля, и о фигуранте «московского дела» Егоре Жукове, студенте Высшей школы экономики и много других острых материалов. Газета начинается с заголовка «Научное сообщество. Самооборона». Это призыв к поддержке своих коллег, как это недавно делали журналисты и актёры. Одна страница газеты отведена директору новосибирского

планетария. Приятно быть в такой компании и увидеть отзывы известных астрономов о своей скромной персоне. Здесь же – первая печатная публикация небольших фрагментов из этой книги, которую я хочу назвать «Тюремные записки астронома».

Так совпало, что как раз в эти дни мы с коллегами из планетария проводили всероссийскую астрономическую олимпиаду «Малая Медведица» для школьников. Ещё в июле Новосибирское астрономическое общество получило Президентский грант в размере 907 тысяч рублей на эту олимпиаду. Теперь мне, как Президенту общества необходимо было распределять суммы этого гранта.

На олимпиаду съехались команды из 11 регионов – от Симферополя до Иркутска. В качестве экспертов приехали и мои давние друзья из Иркутска – Сергей Язев и Дмитрий Семёнов. Они захотели прийти на решающее заседание суда. Приятно было видеть друзей рядом. Я заранее заготовил табличку, на которой схематически показал, как я распорядился полученными деньгами. В одной из строчек – НДС в размере 42 600 рублей, которые бухгалтер заплатила в виде налога. Поясняю присутствующим, что со «взятки» уплачены налоги в размере 18 процентов! Остановился и на том, что имущество на сумму 339 тысяч рублей поставлено на баланс планетария, а значит принадлежит мэрии. Решил ещё раз напомнить и о показаниях свидетелей, которые говорили о том, как тратились деньги на нужды планетария.

Затем выступили адвокаты. Они изложили свои доводы в мою защиту на юридическом языке и предложили суду оправдать меня. И вот мне дают «последнее слово». Волнуюсь. Хотя я ответственно отнёсся к этому и заранее заготовил краткое изложение своей истории. Начиная с того времени, когда по приглашению мэра пришёл на работу в планетарий. Хотел сказать и про инициатора моего дела, но адвокат Елена посоветовала не акцентировать на этом внимание. Вычеркнул. После заседания отдаю все материалы секретарю – пусть ей будет легче занести мои слова в протокол. Пусть вместе с судьёй прочитают и вычеркнутые места, которые я не произнёс вслух.

Следующее заседание было назначено на 10 декабря и впервые так рано – на 10 часов утра. Неужели судья запаслась временем для того, чтобы в этот же день зачитать приговор?

Уже чувствовалось дыхание Нового года. Чувствовалось и то, что наше дело приближается к развязке. Внутреннее напряжение всё больше нарастало. Как я устал от этого бесконечного ожидания. И уже очень хотелось хоть какого-нибудь итога. Нет, конечно, не хоть какого-нибудь, но пусть даже это будет условный срок. Желательно не три года, как попросила прокурор, а поменьше. Пусть даже два. После приговора наступит наконец-то хоть какая-то определённая ясность. Хотя, нет, не наступит. На любой обвинительный приговор мы будем подавать апелляцию.

Я, конечно, очень надеюсь на условный срок. Судя по поведению судьбы на это можно рассчитывать. Однако, нужно быть готовым ко всему. Поэтому накануне, 9 декабря

решил опубликовать в фейсбуке видеоролик ¹, который мы записали вместе с сыном. В нём я рассказываю о том, как правильно собрать сумку для заезда в СИЗО, исходя из собственного опыта и опираясь на сборник документов «О содержании под стражей». В этом сборнике много чего полезного для будущего сидельца. Если бы он был у меня в своё время, мне бы легче жилось за решёткой.

Этим роликом я решил подбодрить себя, показать врагам, что не боюсь приговора. Хотя на самом деле мандраж был. Как без этого? Ролик подхватили многие СМИ. Он быстро набрал несколько тысяч просмотров. Как пошутил мой друг Антон – «теперь судья знает, что ты собрал сумку. Придётся садить».

Десятого декабря я прихожу в суд с той самой зелёной сумкой, которая сопровождала меня в СИЗО, и которую я показал в своём ролике. На входе в зал заседаний сумку перехватил Максим, мой тюремный друг. В августе, после полутора лет в СИЗО, он вышел на свободу и теперь пришёл ко мне на заседание, как я приходил к нему.

Однако, в этот день заседание не состоялось. Судья не стала читать приговор. Она попросила прокурора представить своё новое обвинение (по статье 285) в письменном виде. Как я понял, требовалось конкретизировать обвинение. Адвокат Василий успел задать один вопрос прокурору:

- А как быть с обвинением во взятке, оно снято с обвиняемого?
- Обвинение не снято, оно смягчено – услышали мы в ответ.

Как же надоели все эти откладывания и отсрочки! Моё дело, в котором можно было разобраться за пару дней, тянется уже два года! Так и хочется поступить по примеру славного главнокомандующего национальной гвардии генерала армии Золотова. В прошлом году он додумался вызвать на дуэль оппозиционера Навального. Тот достал его расследованиями воровства в ведомстве генерала. Вот я и подумал – может быть предложить такой вариант своим преследователям – оперативникам, следователям, судьям и, особенно, прокурорам. Выйдем на беговую дорожку и решим мою судьбу в открытом состязании. Дистанция – полумарафон 21 км или марафон 42 км. Выиграете – я сдаюсь, садите. Не выиграете – отпустайте меня на свободу. Но, думаю, не

¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=r0O7ccAd6zc>

согласятся. Ответят: «эх, голубок, мы тебе условия для тренировок создали, от работы освободили – бегай – не хочу, а нам-то бумаги на тебя писать приходится, только и успеваем, тренироваться некогда».

На следующем заседании, 16 декабря прокурор Наталья Чернова зачитала и затем передала судье свою обвинительную речь в письменном виде. Ничего нового мы в ней не услышали. Но судье для чего-то этот текст понадобился. Нам вручили это 16-страничное обвинение, теперь по протоколу мы должны на него ответить. Снова предстоит выступление защитников по сути обвинения (повторение прений) и ещё раз моё последнее слово. Надеюсь, что следующее заседание 24 декабря уж точно станет последним. Отступать уже некуда – Новый год на дворе. Теперь судья назначила заседание на ещё более раннее время – на девять утра! Попытка адвоката Елены пожаловаться на дорогу из Академгородка не принимается во внимание.

Итак, решающий день – 24 декабря. Я не стал повторять своё прежнее выступление полностью. Продемонстрировал только свою табличку, где расписано куда пошли полученные мной деньги. Да сделал пару выпадов в сторону прокурора. Во-первых, она упоминает планетарий как государственное учреждение. У нас есть государственный Оперный театр, государственный художественный музей. Они финансируются из федерального центра. Планетарий получает деньги из мэрии, так что он – муниципальный. В связи с этим я не удержался и напомнил, что меня самого поначалу радостно считали муниципальным служащим, хотя я таковым никогда не был. А во-вторых, указал на оставшееся в обвинении слово «взятка» – плохо вычищен предыдущий текст.

При этом я чувствую себя не очень удобно. Незаметно поглядываю в сторону Натальи Черновой. Она, конечно, мой личный враг. Но она по-своему старалась, когда смягчала мне обвинение. Конечно, по подсказке сверху. Но она могла бы насмерть стоять за взятку. Тем не менее, смягчила. А я тыкаю её носом, как девчонку, во всякие мелочи.

После выступления адвокатов мне вновь было предоставлено «последнее слово», теперь уже «самое последнее». На этот раз я был совсем краток: «прошедшие два года стали чрезмерным наказанием для меня и, особенно, для моей семьи, которая вынуждена существовать на небольшую зарплату жены-медика. Даже если считать, что я совершил некоторые финансовые нарушения, никаких корыстных мотивов у меня не было. Уголовного преступления я не совершал. Рассчитываю на полное оправдание».

В этот день на заседании присутствовала и моя жена, и наша хорошая знакомая, приехавшая из Томска. Были и журналисты. Но, увы, приговора мы не дождались и в этот день. Для чтения приговора судья назначила заседание на следующий день, 25 декабря. Причём, заседание начнётся вообще ни свет ни заря – в восемь тридцать утра! На этот раз никто не стал роптать на столь раннее время.

Впервые я встаю рано утром вместе с женой и выезжаю в суд за час до заседания. Жена вчера отпрашивалась с работы, поэтому сегодня я советую ей не тратить время со мной, а ехать на работу. Пробок на дороге ещё нет, поэтому я быстро доезжаю до Октябрьской магистрали. В этом месте руки сами поворачивают руль не к суду, вдоль улицы Кирова, а в противоположном направлении, в сторону центра – к часовне Николая чудотворца. Эта часовня в центре города считается очень сильным местом. Недавно мы заходили с женой внутрь, чтобы попросить святого Николая о помощи. На этот раз часовня закрыта. Ещё рано. Ступени покрыты чистым, только что выпавшим снегом. Мимо, по Красному проспекту, движется плотный поток автомобилей. Ничто

это не мешает мне упасть на колени перед входом в часовню и горячо попросить святого Николая о заступничестве.

Заседание начинается ровно в 8:30. Нет прокурора и нет Василия, адвоката. У него важные действия в СИЗО, которые он не может пропустить. Мы заранее решили, что достаточно будет присутствия Елены. Из прессы пара человек, в том числе уже знакомая мне Елена из «Сибирь. Реалии». Всем предложено встать. Стоит и судья. В руках она держит внушительную кипу листов. Начинается чтение. Сначала я пытаюсь прислушиваться – ведь происходит судьбоносное событие. Скоро я услышу свой приговор. Но мне мало что удаётся разобрать на слух. Понимаю только, что сначала читается обвинение, затем показания свидетелей. Так проходит часа полтора. Судья предлагает всем сесть, сама тоже садится.

От нечего делать утыкаюсь в свой телефон и начинаю чистить старые СМСки. Диктофон на втором телефоне включен на запись, но, думаю, речь там будет ещё неразборчивее. К тому же текст мы получим на руки. Проходит ещё час. Судья объявляет пятиминутный перерыв, после чего продолжает чтение. Прошло три часа. Я начинаю впадать в прострацию. Мысли улетают то в одном направлении, то в другом. Вспоминаю, как тянулось время в тюрьме. Сейчас оно тянется так же медленно. Прошло четыре часа с четвертью. И тут адвокат Елена толкает мою руку. Оживляется и О.М., приехавшая на заседание из Академгородка. До меня начинают доходить отдельные фразы: «не нашло подтверждения», «из предоставленных суду доказательств следует обратное», «действия Масликова были направлены на нормальное бесперебойное функционирование ДЮЦ Планетарий», «все сомнения в виновности обвиняемого толкуются в пользу обвиняемого»...

Неужели? Я боюсь поверить этим словам. Может это такой ритуал – дать надежду и потом украсть её? Но финал – вот он. Звучат слова: «оправдать Масликова Сергея Юрьевича в связи с отсутствием в его действиях составов преступлений. Признать право на реабилитацию. Снять арест с имущества». Тут нужно бы кричать «Ура!», но я безмолвствую в растерянности и почтительном благодарении судье. Она ещё зачитывает длинный перечень вещественных доказательств, которые будут храниться при уголовном деле, разъясняет права на апелляцию приговора.

Свершилось то, во что я верил только очень глубоко в душе. Я не позволял мечтам об оправдании прорываться наружу. Настолько маловероятным казалось такое. Самое мягкое наказание, на которое я рассчитывал до начала заседания – получить срок, который я уже отбыл. Это полгода моего нахождения под арестом в СИЗО и дома. Мысленно я был согласен на такое наказание, хотя и знал, что не заслуживаю и его. И вот произошло невероятное – судья вынесла абсолютно справедливый приговор. Я взглянул на неё совсем по-другому – с уважением и симпатией. Вынести приговор, который в корне не совпадает с обвинением – в наше время это мужественный поступок!

Журналисты фотографируют меня вместе с Еленой и Оксаной Михайловной Трубицыной на улице. В этот день сенсация прокатывается по всем новосибирским изданиям. Первым делом еду к жене на работу. Но новость долетела быстрее меня, на городском информационном сайте её уже опубликовали. Моя верная жена и надёжная подруга может позволить себе поплакать от счастья. Это наша общая победа! Мне звонят многие из тех, кто переживал за меня в течение всего этого времени. Звонит старшая дочь, родственники, друзья...

В этот день звонят и журналисты. Они предлагают записать интервью. Я поначалу резко отказываюсь – приговор не вступил в силу. Но дома, посоветовавшись с женой и созвонившись с адвокатом Еленой, решаю принять приглашение от радио «Комсомольская правда» для того, чтобы публично поблагодарить всех, кто верил в меня.

На следующий день я прихожу в радиорубку КП. Я уже бывал здесь, рассказывал про затмения и ещё про что-то астрономическое. Сейчас тема будет совсем другая. Утренний эфир длится с 9 до 10 часов. Я успел заявить о том, что не буду пока ничего говорить про свои планы. Чтобы не наговорить лишнего, заранее составил небольшой конспект, с которым ознакомил и радиоведущего. Но тут стали поступать звонки слушателей и я не нашёл как увильнуть от скользких вопросов. Сказал и о том, что нарушения в моей работе действительно были, и о том, как на меня под давлением написали заявление свидетели. Когда эфир закончился, я, ещё не вставая со своего кресла, пожалел о том, что вообще пришёл сюда. По спине пробежал холодок страха – как может использовать моё интервью противоположная сторона? Даже сейчас, после оправдательного приговора я боюсь. Я два года боролся со своим страхом, но он живёт во мне. Когда я смогу окончательно от него избавиться?

Наступил новый 2020-й год! В новогодние праздники мы с семьёй стараемся не обсуждать то, что прокуратура обжалует приговор. Как говорит адвокат Василий, это неминуемо. Оправдательный приговор – это оплеуха всей их системе, которая два года

бездумно штамповала обвинения. Но я втайне все же надеюсь, что у них хватит здравого смысла и апелляции не будет.

Последний день, когда это можно сделать – девятого января. В приговоре записано, что десять дней отсчитываются со дня оглашения приговора. Но если этот день выходной, то таким днём становится первый рабочий день. Девятого января, в четверг ничего не известно. Десятого в пятницу апелляция к судье не поступила. Что, неужели всё? Судья советует подождать до понедельника, мол в канцелярии суда почта не разобрана. В понедельник, уже 13 января мы вместе с адвокатом Еленой приезжаем в суд. Я продолжаю надеяться, что апелляции нет.

При нас бумагу находят в канцелярии. Она краткая, на одном листке. Наша прокурор Наталья Чернова, младший советник юстиции в должности старшего помощника прокурора Октябрьского района, считает приговор суда незаконным и необоснованным, поэтому он подлежит отмене, а уголовное дело следует направить на новое рассмотрение в Октябрьский суд другим составом судей. Она не жалеет эпитетов в сторону судьи: «несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, неправильное применение уголовного закона, а также нарушение уголовно-процессуального закона». Я бы все эти слова в полной мере переадресовал самим прокурорам.

Под присмотром адвоката Елены заполняю необходимые бумаги, чтобы участвовать в рассмотрении моего дела в Областном суде. Когда это произойдет – неизвестно. Елена ориентирует меня на конец февраля. Прокуратура должна помимо этого краткого заявления подробно расписать, в чём именно заключается неправильное применение и нарушение уголовного закона со стороны судьи. Сама судья тоже переживает. Устоит ли её приговор в Областном суде? Теперь она в одной команде с нами. Если приговор отменят, надо полагать, у неё будут неприятности.

А пока у меня есть время, чтобы просто жить. Жить и радоваться успехам моей семьи. В начале января нового 2020 года сын сдал на водительские права. Теорию он осилил с первой попытки, а вождение – только с третьей. Но мы все рады. Теперь он может свободно ездить по городу по своим делам, а заодно и по нашим. Я уверен в его навыках. Наша старенькая машина послужит теперь трём хозяевам – мне, жене и сыну.

Окидывая взглядом произошедшие в течение двух лет события, я остаюсь спокойным в душе. И даже временами мысленно благодарю судьбу за выпавшие на мою долю испытания. Мы вместе с женой честно прошли их. Трудности ещё больше укрепили нашу семью. Мы не совершили поступков, о которых бы пришлось жалеть. Мы вместе стали ближе к Богу, поскольку уповали на его милость. То, что я теперь не директор планетария, меня не сильно огорчает. Я вывел это учреждение в свободное плавание, пусть плывёт себе дальше.

Моя история не окончена. Теперь апелляция прокуратуры на мой приговор будет рассматриваться в Новосибирском областном суде. Далее возможны два варианта.

Первый – Областной суд утвердит решение районного суда и оно вступит в силу. Тогда автору можно будет думать и о реабилитации, и об устройстве дальнейшей жизни. Второй вариант – суд отправит дело на новое рассмотрение в районном суде. Это означает, что дальнейшее разбирательство будет долгим. Автор считает, что основные события уже позади. Дальше начинается не очень интересная мышьяная возня, которая затянется на неопределённый срок ещё и из-за нехоти нагрянувшего коронавируса. Самое главное событие – полное оправдание – уже произошло. На этой оптимистической ноте можно поставить точку.

1 апреля 2020 года

ЧАСТЬ 2

История, которая изложена в первой части, не завершилась после того, как я поставил точку. Как оказалось, до ее окончательного завершения нам всем потребовалось еще два года мытарств. И вот теперь, когда эти два года прошли, я вновь сажусь за клавиатуру, чтобы, наконец, завершить и эту книгу. Я не готов подробно расписывать события, произошедшие за это время. Кажется, их было слишком много. И не все из них будут интересны читателю. Поэтому перечислю очень схематично лишь то, что относилось к моему делу.

Начну с того, что передача моего дела в Областной суд совпала со всеобщей напастью – пандемией коронавируса. Заседание долго не назначалось. Никакие бумаги судом не принимались, их можно было отправлять только по почте. Карантин то усиливался, то ослаблялся. Лишь 10 июня 2020 года, через пять месяцев после подачи апелляции, было назначено заседание. Областной суд находится в центре Новосибирска, в начале улицы Советской, где она пересекается с улицей Писарева. И вот мы в зале судебных заседаний. Перед нами сидела тройка судей в марлевых масках, которая должна была решить мою дальнейшую судьбу. Заседание вела средняя из них, остальные играли роль статистов. Верил ли я в справедливое решение? Да, верил, хотя сомнений тоже хватало. Судья старалась казаться нейтральной, спокойно выслушивая все доводы. Но что-то подсказывало, что решение она уже знает. Вскоре его узнали и мы. В связи с некими формальными нарушениями, допущенными при вынесении приговора, вернуть дело на новое рассмотрение в Октябрьский районный суд! Одно из таких нарушений заключалось в том, что в обвинении имелась фраза со словом «взятка». Всем было понятно, что это опечатка. Прокурор Наталья Чернова просто не вычистила обвинение как следует, когда меняла взятку на злоупотребление полномочиями. Можно сказать, что приговор отменен из-за опечатки.

Неспешно вращаются жернова правосудия. Еще два месяца прошло до первого заседания в Октябрьском суде. Поскольку судья должен быть другой, назначили молодого мужчину. Он, недолго думая, решил вернуть дело в прокуратуру. Защита не возражала. Мне самому казалось, что лучше уж пусть прокуроры внимательно посмотрят на дело. Ужесточить обвинение они уже не имеют права. Глядишь и закроют его. А новый суд будет идти не меньше года. Но прокуроры встали на дыбы. Они были категорически против! Судья перенес заседание, чтобы дать им возможность подумать, а 4 августа 2020 года вынес решение о возврате дела в прокуратуру.

Прокуратура вновь подала апелляцию в Областной суд. Это была уже вторая жалоба на судей Октябрьского суда. Прошло еще два месяца, и 16 октября 2020 года дело было все же возвращено в Октябрьский суд для повторного рассмотрения.

Так в перебранках между прокуратурой и судом прошел 2020-й год. Я был окрылен оправдательным приговором и чувствовал себя довольно свободно. Мог заниматься своими делами. В сентябре состоялся очередной форум «СибАстро». Из-за коронавирусных ограничений планетарий не смог в нем участвовать. А лагерь «Юбилейный» был занят под какие-то дела, тоже связанные с пандемией. Пришлось брать всю организацию на себя и возвращаться в лагерь «Чкаловец», в котором мы не были уже лет пять. Приехали давние знакомые – Язев из Иркутска, Хохлов из Санкт-Петербурга, Штерн из Москвы, Крупко из Омска. Космонавта на этот раз не было. Я не стал даже приглашать никого в связи с пандемией. Космонавтов нужно беречь!

Было немного боязно. А вдруг на форум приедет бациллоноситель и заразит всех? Но все обошлось. Участников было меньше обычного, около 120 человек, но, кажется, все остались здоровы. По крайней мере, никто не написал об этом по итогам форума. А вот я сам через неделю слег с температурой. Наташа была в отъезде, на учебе в Питере. Так что принимал от нее советы удаленно. Так и не знаю что это было. То ли коронавирус, но какой-то бессимптомный, то ли просто организм перенапрягся. Так или иначе, через несколько дней я был на ногах.

Мой давний друг Володя Вольф пригласил меня к себе в Москву. И, главное, взял покупку билетов на себя. Это было очень кстати. Моя книга о наблюдениях солнечных затмений двигалась к финишу. Мне нужно было уточнить некоторые факты, а для этого посетить астрономический институт в Москве (ГАИШ) и Пулковскую обсерваторию в

Питере. Поскольку я находился под подпиской о невыезде, были некоторые опасения, связанные с паспортным контролем. Но ничего, на борт самолета меня пропустили.

Мы не виделись с Володей уже несколько лет. Поэтому замечательно провели время у него на даче под ненавязчивым присмотром хлебосольной супруги. К тому же к нам присоединился третий наш товарищ, Санька Хицко. С ним я еще в школе учился и выступал на соревнованиях. А троица наша сплотилась в суровые 90-е в Томском астроцентре. Ирина, Володина жена, каждый раз удивляется тому, насколько мы все разные.

Еще пару дней в самой Москве, в библиотеке ГАИШа, и на поезде в Питер. Там моя половинка и Пулковская обсерватория. Больше меня на этот раз ничто не интересовало. Возвращались домой мы вместе.

В декабре 2020-го за мое дело взялась судья Октябрьского суда Римма Сергеевна Кузнецова. Дело шло вначале резво, но потом все чаще стали появляться причины для переноса заседаний, то отпуск, то болезнь, то карантин по коронавирусу... Это при том, что мы с защитниками были согласны на то, чтобы не вызывать повторно многих свидетелей. Достаточно было озвучить их показания из предыдущего судебного рассмотрения. Но некоторых важных свидетелей мы все же попросили выслушать повторно. Это бухгалтер, некоторые сотрудники планетария, четко высказывавшиеся в мою защиту...

В июле 2021-го произошло важное событие, о котором я хочу рассказать. 31 июля исполнялось 40 лет со дня полного солнечного затмения 1981-го года. То давнее затмение прошло не по самому Новосибирску, а немного южнее. Лучше всего его было видно в Черепаново. Я тогда был студентом НИИГАиКа¹, закончил второй курс и решил поехать в Черепаново вместе со своим другом Тафкилем. Электричка была полна такими же любопытными. Тогда я не думал, что когда-нибудь буду писать книгу о наблюдениях солнечных затмений. Поэтому даже фотографиями не озаботился. А зря. Небо было отличным, и на полторы минуты мы все погрузились в полную темноту.

Теперь, в 2022-м, я только что завершил книгу «Наблюдения солнечных затмений». Сбором данных я занимался давно, но последние пару лет очень активно. Все благодаря своему «творческому отпуску». В книге, в том числе, рассказано и о наблюдениях затмения 1981 года. Курьезно, что тогда, где-то недалеко от меня, вел наблюдения мой недруг, благодаря которому я оказался под следствием. В его астрономическом кружке был и Антон Савельев, который горой встал за меня после моего ареста. Об их наблюдениях 1981 года я написал в книге. Но поблизости тогда был еще один человек из Новосибирского академгородка, о котором я знал очень мало. Это руководитель астрономического кружка Клуба юных техников В. И. Кириченко.

Чтобы узнать о нем побольше и напомнить о юбилее давнего затмения, я отправился в Академгородок. Здесь встретился с руководителем КЮТа Анатолием Дембровским. Вместе с другими сотрудниками полистали фотоальбомы, поговорили о Кириченко. Результатом стала публикация в местных СМИ, посвященная затмению. В самом конце встречи ко мне обратился Евгений Величко, сотрудник КЮТа. Он сообщил, что в Университете экономики (бывший Нархоз) есть вакансия. Им нужен преподаватель астрономии. И тут же дал контакт заведующего кафедрой.

¹ НИИГАИК – Новосибирский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии (ныне СГУГИТ – Сибирский государственный университет геосистем и технологий).

Уже через неделю я оформлялся на работу. Моя справка из МВД рассказывала о моем уголовном деле, которое еще не окончено. Но юристов университета это не смутило. Они написали: «Масликов подвергается уголовному преследованию за преступление, не предусмотренное ст. 351.1 ТК РФ, оснований для отказа в заключении с ним трудового договора нет». Поясню, что в названной статье перечисляются преступления, после совершения которых судимые лица не допускаются к работе с детьми. Так вот, оказалось, что взятка не относится к таким преступлениям. Получается, что тот, кто берет взятки, вполне может работать в детском образовании. Несколько необычный вывод.

Ура, с 1 сентября я официально зачислен в штат университета преподавателем! Три года безработного существования завершились. Пора приносить пользу обществу. Тем более, что я буду заниматься своей любимой астрономией. Я лишь опасался, что судебные заседания могут накладываться на мое расписание. К счастью, занятия были запланированы на второй семестр, то есть, начнутся после Нового года.

Между тем мое дело двигалось ни шатко, ни валко. Сначала была надежда, что суд закончится летом (2021-го), потом надеялись на осень. А вдруг все закончится к Новому Году, как в прошлый раз? На этот вариант я очень рассчитывал, поскольку в январе начинались занятия в Университете. Но нет, финиш забрезжил лишь в феврале 2022-го. Прокурор Чернова взяла слово в черный день нашей страны, когда началась война с Украиной – 24 февраля 2022 года. После того, как я утром узнал, какое злодеяние происходит на территории этой страны, о том, что бомбят города, под обстрелами гибнут мирные люди, не говоря уж про военных, мое собственное дело показалось таким несущественным.

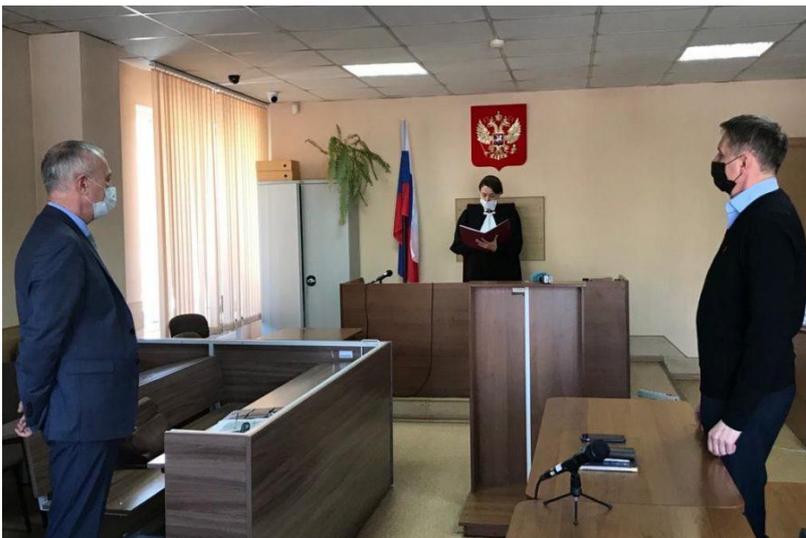
Обвинение не сильно отличалось от того, что мы слышали в конце 2019 года. Прокурор убрала пару эпизодов, связанных с озвучиванием фильмов. А взятку она «смягчила» и обвинила меня лишь в злоупотреблении полномочиями (часть 1, статьи 285). Пропало и обвинение в отмывании преступных средств (ст. 174). Из обвинения исчезли также эпизоды, связанные с сувенирным киоском и космическим питанием. В общем, оно значительно полегчало по числу страниц. Осталось главное - преступление я так же, как и прежде, совершал с корыстными целями для личного обогащения. На то и прокуроры у нас, чтобы не видеть явного.

В завершение своей речи Чернова смогла сильно удивить нас с защитниками. Если прошлый раз она просила для меня три года лишения свободы в колонии общего режима, то теперь – два года условно. Ус-лов-но! То есть она по-прежнему хочет меня наказать, но теперь уже не хочет сажать в колонию! Я был в ступоре, когда услышал это. Я вообще не слышал такого, чтобы прокуроры просили для кого-то условный срок. Небывалая мягкость.

Оставалось выступить с ответным словом и ждать приговор. Оглашение приговора судья назначила на 16 марта. В заседании не смогла принять участие адвокат Елена. Присутствовал Василий, к завершению заседания подъехала моя супруга. Прибыл один журналист. А вот Чернова, как и прошлый раз, не пожелала заслушивать приговор. Но это не давало надежду на оправдание. Раз она не пришла, значит, уже знает результат, и ее это устраивает.

Ну что ж, начинаем слушать. Уже в первых словах слышу: «Масликов совершил умышленное преступление». Александр разводит руками. Надежда на оправдание ушла куда-то далеко. Но я все же обнадеживаю себя – мало ли как судья может повернуть дело. Тем более, слова звучат не очень разборчиво. Часа через полтора судья делает перерыв. Я прошу секретаря, чтобы в суд пропустили мою жену. И действительно, вскоре Наташа заходит в комнату заседаний.

Приближается кульминация. Начинаю слушать более внимательно. И вот, наконец слышу – признан виновным, наказание – штраф 60 тысяч рублей. Штраф отменяется, учитывая срок нахождения Масликова под стражей. Снять арест, наложенный на имущество Масликова. Исковое требование мэрии оставить без рассмотрения. Но это уже после вступления приговора в законную силу. Осужденный или прокуратура вправе подать апелляцию на решение суда в течение 10 суток.

Дочитав приговор, судья объявляет заседание закрытым и удаляется. Ко мне растерянно подходит Наташа. Она ничего не поняла. Что за штраф? Что такое штраф? Штраф отменен. А где наказание? Я сам не очень понимаю, что произошло. Я рассчитывал на условный срок. Ну, может быть, судья смягчит запрос прокурорши и даст не 2 года, а один год условно. При этом все равно у меня остается судимость. В случае штрафа, как я понял, судимости нет. Вопросительно гляжу на Александра. Правильно ли я понимаю? Он кивает головой. Кажется, он сам не ожидал такого хитрого хода.

Я знал, что в случае обвинительного приговора мы продолжим борьбу в Областном суде. И был настроен на это. Но в данном случае обвинительный приговор есть. Но ни наказания, ни судимости нет. Нужно время на обдумывание этого казуса. Пишу краткое смс Елене: «Виновен. Назначен штраф. Отменен штраф».

Новостные заголовки в этот день были такие: «Экс-директора новосибирского планетария освободили от наказания» (Тайга-инфо, Сиб-ФМ, Коммерсант), «... осудили со второй попытки» (НГС), «Суд вынес приговор ...» (РБК), «Суд второй раз вынес приговор ...» (vp.ru), «Вынесли окончательный приговор...» (nsk.dk.ru), «... признан виновным и освобожден от наказания» (НДН-Инфо), «В Новосибирске четыре года разбирались в деле бывшего директора планетария» (Навигатор).

Да, мы не получили оправдательного приговора второй раз. Я говорю мы, подразумевая не только адвокатов, но и свою семью. Мое дело стало делом моей жены и детей. Иногда я мечтал о том, что суд во второй раз оправдает меня. Но и тот приговор, который мы получили, многие назвали победой. Друзья в фейсбуке и в контакте поздравили меня с этим. Постепенно я успокоился и стал думать о том, а что было бы в случае оправдательного приговора? Однозначно, прокуратура бы обжаловала его. Все могло уйти на третий круг, значит – еще на пару лет. Может быть, судья специально придумала этот мудрый приговор, чтобы гарантированно поставить точку в деле? И этим самым, возможно, вынесенный приговор даже лучше, чем оправдательный.

Но формально я остался виновным. Поэтому теоретически я мог бы подать апелляцию, заявить свое несогласие с приговором. И пойти с этой апелляцией в Областной суд. Тут возможны будут два варианта. Хороший вариант: Областной суд решит, что меня наказали слишком строго и меня нужно оправдать. Маловероятно. Плохой вариант: суд решит вернуть дело на новое рассмотрение. Чем это кончится и когда – никто не сможет сказать. Все эти мысли упорно крутились у меня в голове, пока не вышел срок для подачи апелляции – 10 суток. Тем более, что в одном из комментариев в фейсбуке я увидел такие слова: «Очень жаль, когда люди сдаются, получив несправедный приговор».

Советуюсь со своими адвокатами. Елена изучает текст приговора и сообщает, что в принципе есть за что зацепиться, чтобы подать апелляцию. Но есть ли смысл? Масликов на свободе. Все ограничения с него сняты. Конечно, раз я виновен, то нет возможности получить компенсацию за столь длинное уголовное преследование. Но мы прекрасно знаем, что государство не спешит компенсировать свои промахи. Это видно хотя бы на примере бывшего губернатора Юрченко, который долго пытался отсудить хоть сколько-нибудь адекватную сумму. Куда там.

Все это время нет спокойствия на душе. На 95 процентов я готов остановиться на достигнутом. Но оставшиеся 5 процентов за то, чтобы бороться дальше. Было бы за что. Просто так, наверное, не стоит бросаться на ветряные мельницы. Да и деньги адвокатам кто-то должен платить. Эти мысли не дают спокойно спать по ночам.

Незадолго до финиша моего дела я узнаю новые факты, подтверждающие конспирологическую версию моего преследования. Эту версию мы обсуждали с Максимом еще в СИЗО, четыре года назад. Она до сих пор кажется невероятной. Но факты – упрямая вещь. Я уже упоминал, что первое дело против меня было открыто 21 июля 2017 года. По «странному стечению обстоятельств» 23 июля был 80-летний юбилей у моего главного недоброжелателя. Наверное, теперь уже можно назвать его имя, которое, впрочем, ни для кого не было секретом – Леонид Леонидович Сикорук.

Что подарить юбиляру? Ну конечно то, чего он больше всего хочет. А судя по всем публикациям и многочисленным обращениям Леонида Леонидовича, больше всего он хотел, чтобы Масликова сняли с поста директора планетария. Ну вот такая голубая мечта была у заслуженного пожилого человека. Как ее не уважить? Компромат на директора планетария Сикорук уже собрал и разослал во все инстанции, какие только можно было. Оставалось только придать нужный ход этим материалам.

И вот, некий высокопоставленный новосибирский чиновник, друг юбиляра, имя которого по понятным причинам в книге я называть не буду (друзья в курсе), решил

сделать такой подарок. Но самостоятельно воздействовать на новосибирских правоохранителей даже он не мог. Но это не проблема. У него много друзей в Москве. Один из этих друзей в ранге генерала и спустил соответствующее поручение в регион. Поручение проходило по линии прокуратуры. Именно прокуратура настаивала на жестком обвинении во взятке, тогда как следствие пыталось свернуть на более мягкий вариант. Все сходится. Информация поступила от одного из действующих сотрудников прокуратуры и ей можно доверять. Поневоле задумываешься о том, в каком обществе мы живем. И о том, как легко власть имущие распоряжаются чужими судьбами. Немного грустно.

Похоже, только из-за большой длительности моего дела стал возможен мягкий приговор. За это время произошло много изменений – кого-то сместили, кто-то потерял интерес к выполнению давних поручений. Управленческая цепочка на каком-то этапе разрушилась. Отчитываться о выполнении задачи стало некому. Районной прокуратуре оставалось лишь найти выход из сложившейся ситуации, не потеряв лица. Что они с блеском и сделали.

Но хватит о грустном! Жизнь продолжается. Я на свободе! В эти дни наступает мой очередной день рождения. Решаю пригласить на него только трех человек, друзей, у которых я смогу спросить совета. Людей, к мнению которых я отнесусь с уважением. Это был Антон Савельев, прошедший всю эту историю бок о бок со мной и моей семьей. Второй – Саша Носов, мой одноклассник, с которым мы вместе учились в институте, и который организовывал сбор средств в первые, самые трудные месяцы. И третий – Максим, с которым мы вместе находились за решеткой. С Максимом мы встречали мой 59-й день рождения в СИЗО. Тогда он изготовил торт из доступных нам продуктов – печенья и сгущенки. Вот и на этот раз он привез с собой такой же торт.

Я не люблю большие компании и натянутые тосты. Поэтому здесь, в такой близкой компании, я чувствую себя уютно. Мои друзья встретились между собой впервые, поэтому я первым делом знакомлю их между собой. Мне приятно это делать. Вечер удался. Лишь в конце я забрасываю свой вопрос. И хотя не каждый из друзей дает четкий ответ, общее мнение мне понятно – нужно остановиться и начать жить обычной жизнью.

Всё, время для подачи апелляции истекло. Прочь метания! Рубикон перейдён! Начинаем новую жизнь. Но прежде хочу поблагодарить своих помощников, адвокатов, которые занимались моим делом больше трёх лет. Я благодарен им за терпение. И Василию, с его несколько прямолинейной, но хорошо понятной мне тактикой. Он работал за число символическую плату. И Елене, с её по-женски мудрой позицией. Её работу оплачивали наши друзья. Мы с женой всем им очень благодарны. Поэтому организуем встречи. Нам всем есть о чем поговорить!

Впрочем, пора уже назвать моих защитников полными именами. Василий – это Александр Васильевич Михайлов (Межрайонная коллегия адвокатов), Елена – Елена Олеговна Добрицкая (Новосибирская коллегия адвокатов «Ваш адвокат», va-nsk.ru).

Вот теперь можно ставить окончательную точку. Ну а чтобы не забыть никого из друзей, в приложении я перечислю поименно всех, кто встал на защиту моего имени в трудные дни моего ареста и поддерживал нашу семью на протяжении всего процесса. Я понимаю, что это было особенно сложно делать в тот момент, когда официальные органы во всех СМИ называли Масликова взяточником и коррупционером. И поэтому

особенно ценю каждое имя! Прежде всего, огромное спасибо хочу сказать сотрудникам планетария, которые организовали сбор этих писем. Это Наталья Юрьевна Сафонова, Татьяна Анатольевна Белоусова, Андрей Юрьевич Никифоров, Елена Ивановна Удовченко, Антонина Григорьевна Царегородцева.

БЛАГОДАРНОСТИ

Друзья, выступившие в поддержку или положительно охарактеризовавшие С. Ю. Масликова после его ареста

- Летчик-космонавт РФ Герой России А. И. Лазуткин;
- Летчик-космонавт РФ Герой России С. Ш. Шарипов;
- Институт истории естествознания и техники (Москва): С. С. Демидов, В. П. Визгин, Г. Е. Куртик, К. В. Иванов, И. О. Лютер;
- Государственный астрономический институт им. П. К. Штернберга (Москва): Г. В. Липунова, К. Л. Маланчев, С. Б. Попов, М. Е. Прохоров, М. В. Пружинская;
- Международное «Астрономическое общество» (АстрО): В. Н. Обридко, Н. Н. Самусь, Д. З. Виббе, О. Ю. Малков, академик А. М. Черепашук, В. М. Чепурова, С. А. Гасанов;
- Координационный совет астрономических олимпиад: М. Г. Гаврилов;
- Астрономо-геодезическое объединение: президент Ф. В. Горбунов;
- Депутат законодательного собрания Новосибирской области А. А. Александров;
- Секретарь Новосибирского отделения партии «Единая Россия»: В. П. Ильенко;
- Глава администрации Октябрьского района г. Новосибирска: П. И. Прокудин;
- Начальник Департамента образования мэрии г. Новосибирска Р. М. Ахметгареев;
- Директор Специализированного учебно-научного центра НГУ проф. Н. И. Яворский;
- Академик Н. С. Диканский, академик И. А. Тайманов, профессор Е. И. Пальчиков;
- Журнал «Русский репортер» за 24.02 – 11.03.2018 г. (№4/443): Г. В. Тарасевич;
- Телевизионная программа «Гамбургский счет» на Общественном телевидении России (ОТР) от 31.03.2018 г.: Ольга Орлова, Григорий Тарасевич;
- Педагогический коллектив ДЮЦ «Планетарий»: Н. Ю. Сафонова, А. Ю. Никифоров, В. Б. Пашкина, Н. А. Садбакова, А. В. Подистов, Л. В. Широносова, О. В. Круглов, С. Г. Плеханова, А. Г. Царегородцева, М. В. Соболева, М. А. Выграненко, Е. И. Удовченко, Е. В. Зейналова, Е. Р. Тихонова, И. А. Поликарпов, Т. В. Юшникова, Е. Ю. Бородина, В. Ю. Вавилова.
- Сотрудники ДЮЦ «Планетарий»: и. о. директора Т. А. Белоусова, Е. Г. Хорошавина, С. Ю. Белянская, Н. Ю. Сафонова, М. В. Соболева, А. Ю. Никифоров, В. Б. Пашкина, С. Г. Плеханова, А. И. Войтович, У. Ф. Разницина, Н. Ю. Иванова, Е. В. Зейналова, Н. В. Сысолятина, И. П. Галкина, Е. В. Козловская, Е. В. Харитоновна, К. В. Баранов, Н. В. Буданова, Н. В. Бобрякова, И. О. Орлов, В. Л. Анисько, С. П. Гусева, В. Г. Черепанов, А. В. Бояркина, С. Г. Чубарцева, К. С. Спокова, Е. И. Калачик, Т. А. Волого, К. О. Столярова, Н. П. Прищепа, Т. П. Гарканова, В. П. Шевчук, С. Н. Палтусова, Л. М. Аравина, А. Н. Лаптев, М. А. Выграненко, Е. И. Удовченко, А. Г. Царегородцева, В. В. Бердус;
- Депутат Государственной Думы О. Н. Смолин;
- Зам. генерального директора Новосибирского приборостроительного завода А. А. Дейснер;

- Новосибирское областное общество «Мемориал»: председатель А. Л. Рудницкий;
- Газета «Троицкий вариант. Наука» (Москва), 3.12.2019 г.: Б. Е. Штерн, С. А. Язев, В. Г. Сурдин, Д. З. Вибе, Н. Н. Самусь;
- Директор обсерватории Иркутского государственного университета д. ф.-м. н. С. А. Язев;
- Заслуженный работник культуры РФ писатель-фантаст Г. М. Прашкевич (Новосибирск);
- Доктор физ-мат наук С. В. Карпов (Красноярск);
- Зав. лаб. нейронных систем МФТИ М. С. Бурцев (Москва);
- Институт космических исследований (Москва): О. С. Угольников;
- Сотрудник Крымской обсерватории С. В. Назаров;
- Популяризатор науки И. С. Кабанов (Москва);
- Ассоциация планетариев России: председатель правления З. П. Ситкова;
- ООО «Свенсон АРТ МЕДИА» (Москва): А. В. Лобанов;
- Омский планетарий: В. Н. Крупко, Т. В. Семенова, Е. В. Леус;
- Московский планетарий: В. В. Тимофеев, Ф. Б. Рублева;
- Конференция «Школа лекторов»: Семенов О. В. (Иркутск), Малинина Н. Н. (Владимир), Микулич А. В. (Минск), Габрусь О. В. (Минск), Гаврилов М. Г. (Черноголовка), Язев С. А. (Иркутск), Казанцева М. Н. (Лыткарино), Свистунова О. В. (Муром), Хлебущева Л. Л. (Брянск), Лусцин В. В., Маркова Т. Б. (Тверь), Козлова И. А. (Тверь), Тимонина Г. Д. (Волгоград), Малахова П. И. (Новороссийск), Засыпкина Е. Ю. (Нижний Новгород), Петракова Т. Л. (Калуга), Березинская И. Н. (Калининград), Медведева Э. Я. (Самара), Соловейчик О. Е. (Самара), Демидова А. Л. (Калуга), Степанова В. А. (Владимир), Сухобокова Е. А. (Москва), Зорин А. Н. (Челябинск), Ачимов А. Ю. (Челябинск), Папулова Н. В. (Челябинск), Гудов Е. В. (Санкт-Петербург), Гулютин Д. А. (Москва), Жбанникова Т. В. (Киров), Феоктистова Г. А. (Самара), Козловская Е. В. (Новосибирск), Новикова В. Д. (Самара), Проскурина Е. С. (Курск), Соболев Р. С. (Йошкар-Ола), Федоров Д. Л. (Москва), Тихомирова Е. Н. (Ярославль), Орлов И. О. (Новосибирск), Ненахова Н. Н. (Барнаул), Травин Н. В. (Калуга), Авдеенко У. С. (Нижний Новгород);
- Актюбинский областной планетарий, Республика Казахстан: и. о. директора Б. Т. Мустафина;
- Ярославский планетарий: директор И. Н. Трофилева, Е. Н. Тихомирова, Н. И. Перов;
- Кировский планетарий: М. А. Кислицына;
- Томский планетарий: директор Н. И. Степичева, В. Н. Зырянов, Т. Н. Раминова, Е. В. Блинкова, Т. Д. Хаснулина, Е. В. Парфенов, А. К. Артемьева, Г. В. Барашова, И. С. Власов, В. Н. Дымнов, Р. К. Комалещинов;
- ГБПОУ «Воробьевы горы» (Москва): Н. В. Дмитриева;
- Профсоюзная организация АО «Новосибирский приборостроительный завод»: И. Н. Миндигулова;
- Оргкомитет Сибирского астрономического общества «СибАстро»: В. В. Долингер, А. Г. Савельев, А. Ю. Никаноров, Л. В. Парко;
- Музей города Новосибирска: директор Е. М. Шукина;
- Городской центр информатизации «Эгида» (Новосибирск): директор Р. Ю. Сюзяев;
- Детский автогородок: директор В. Г. Крамаров;

- Центр социального сотрудничества «Действуем вместе» (Новосибирск): зам. директора Т. А. Лысенко;
- Централизованная библиотечная система Октябрьского района: директор Н. Н. Новикова и еще 21 подпись;
- Новосибирское Пушкинское общество: председатель Н. П. Трухина, секретарь Г. П. Терентьева и еще 41 подпись;
- Новосибирское астрономическое общество: президент А. Г. Савельев;
- Новосибирское региональное отделение Федерации космонавтики России: президент А. М. Тимофеев;
- Родители обучающихся в ДЮЦ «Планетарий»: 82 подписи;
- Родители обучающихся объединения астрономия в ДЮЦ «Планетарий»: 22 подписи;
- Отдельные письма написали Е. Ю. Суховецкая, Г. А. Соломонова, В. П. Якис, О. В. Хамович, Д. В. Киселев и С. В. Киселева;
- Астроклуб «Антарес» (Казахстан): Г. К. Баубекова и еще 69 подписей;
- Школа № 158 города Новосибирска: директор Л. И. Махмудова, зам. директора Н. Л. Зайкова;
- Учителя школы № 103 города Новосибирска: 8 подписей;
- Учитель физики и астрономии школы № 57 города Новосибирска Е. Н. Голованова;
- Коллектив учителей школы № 78 города Новосибирска;
- Аэрокосмический лицей города Новосибирска: директор Т. М. Тумаева;
- Лицей № 12 города Новосибирска: 29 подписей;
- Коррекционная школа № 148 города Новосибирска: директор Л. А. Трофимова;
- Центр дополнительного образования города Обь: директор Л. И. Новоселова;

Кроме того, петицию, созданную Г. В. Тарасевичем на сайте change.org подписали 9665 человек. Тексты писем и комментарии к петиции приведены на сайте www.astronomers.ru

Информацию о ходе дела публиковала в группе «Новосибирского астрономического общества» ([VK.com/astronovosibirsk](https://vk.com/astronovosibirsk)) Диана Протасова, в других социальных сетях Марина Арцибашева.

В условиях, когда один член семьи был лишен возможности зарабатывать деньги, а расходы семьи резко возросли из-за необходимости оплачивать адвокатов, большое количество друзей оказали нашей семье финансовую помощь. Мы всем им глубоко благодарны:

Друзья семьи и родственники: Антон Савельев, Татьяна Александровна Ильясова, семья Бородиных, семья Макогонов, семья Кондаковых, Лариса Владимировна Панченко, Сергей Горяинов, Антонина Масликова, Любовь Масликова, Алексей Масликов, Лена Байгулова;

Бывшие коллеги: А. Носов, Г. Горн, И. Яковлев, И. А. М., Н. Н. Т., Л. Парко, А. Агеев, Э. Набиев, К. М. Шварц, А. А. Дейснер, В. Николенко, В. Н. Крупко, коллеги жены, сотрудники планетария, бывшие одноклассники Сергея; Компания «Теон» (Новосибирск): Дмитрий Трубицын, Оксана Михайловна Трубицына.

О небесном заступничестве хлопотала Людмила Николаевна Демидович, Галина Алексеевна Ткачева и моя дочь Люба. Молились за меня священники из новосибирских храмов: храма Ефросинии Полоцкой и храма в честь Пресвятой Богородицы и иконы Знамение-Абалацкая, священники храма Александра Невского в Париже, а также отец Григорий из Сергиева Посада. Мы с женой старались оправдать такое доверие. Спасибо Господу за всё!

ПРИЛОЖЕНИЕ 1: Хронология событий

- Отделом полиции №6 г. Новосибирска (ОЭБ и ПК – Отдел по экономической безопасности и противодействию коррупции) возбуждено дело №270 от 21 июля 2017 года в отношении С. Ю. Масликова (пока еще не уголовное);
- Обыск в планетарии 17 января 2018 г. Старший оперуполномоченный Р. Н. Измайлов;
- Первый допрос 22 января 2018 г.;
- Возбуждение уголовного дела 31 января 2018 г.;
- Арест 5 февраля 2018 г. Следователь А. А. Дереза;
- Официальное обвинение по ч. 3 статьи 290 «Получение взятки» - 12 февраля 2018 г.;
- Суд определяет меру пресечения - арест - 6 февраля 2018 г. Судья Е. Н. Соколова;
- В Изоляторе временного содержания и СИЗО-1 г. Новосибирска с 5 февраля по 29 марта 2018 г. (53 дня);
- Освобожден из СИЗО и помещен под домашний арест: с 29 марта по 30 июля (4 месяца). Судья Д. А. Вьюгов;
- Смена обвинения на ч. 1. ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» и п.«б» ч.3. ст. 174.1 «Легализация (отмывание) денежных средств» - 30 июля 2018 г. Следователь Е. В. Шмакова;
- Под подпиской о невыезде с 30 июля 2018 г. (до марта 2022 г.);
- Арест имущества - дачный участок и домик площадью 17 кв. м.;
- Третье обвинение (ужесточение первого) - по ч. 5. ст. 290 «Получение взятки в крупном размере» - 14 декабря 2018 г. Следователь Е. В. Шмакова;
- Ознакомление с уголовным делом - 30 ноября - 14 декабря 2018 г.;
- Передача дела в Октябрьский районный суд г. Новосибирска - 27 декабря 2018 г. - 15 января 2019 г.

Как проходил первый суд

- Предъявлен имущественный иск мэрии города Новосибирска на 698,5 тыс. руб.;
- Опрос свидетелей (более 40 человек): февраль-ноябрь 2019 г.;
- Новая смена обвинения (четвертое по счету - возврат ко второму): ч. 1. ст. 285 и п. «б» ч.3 ст. 174.1 - 21 ноября 2019 г.;
- Прения сторон: прокурор Н. В. Чернова заявила срок 3 года колонии общего режима - 21 ноября и 16 декабря;
- Прения сторон: защита - адвокаты А. В. Михайлов и Е. О. Добрицкая - 4 и 24 декабря 2019 г.;
- Приговор 25 декабря 2019 г.: оправдать за отсутствием составов преступлений. Судья Марина Борисовна Борзицкая.

Прокуратура против Суда

- Апелляция прокурора Н. В. Черновой от 9 января 2020 г.;
- Областной суд вернул дело на новое рассмотрение в Октябрьский суд - 10 июня 2020 г. Судья С. А. Карманова;
- Октябрьский районный суд постановил вернуть дело в прокуратуру - 4 августа 2020 г. Судья Д. И. Миничихин;
- Апелляция прокурора А. Ю. Булгакова от 11 августа 2020 г.;
- Областной суд удовлетворил апелляцию и вернул дело на рассмотрение Октябрьского суда - 16 октября 2020 г. Судья А. Г. Богданова.

Второй суд

- Первое заседание - 4 декабря 2020 г.;
- Прения сторон: прокурор Н. В. Чернова 24 февраля 2022 г. запросила два года условно;
- Второй приговор 16 марта 2022 г.: признан виновным в совершении преступления по ч. 1 ст. 285 УК (злоупотребление должностными полномочиями). Назначено наказание в виде штрафа 60 000 руб. Освобожден от штрафа, учитывая срок содержания под стражей. Судья Р. С. Кузнецова;
- Апелляцию на это решение было решено не подавать. Приговор вступил в силу.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Избранные публикации.

Как директор новосибирского планетария создал научный музей: с чего начиналось «дело Масликова»

Тайга.инфо, сайт taiga.info, 15 января 2019 г. (в апреле 2022 года сайт был заблокирован Роскомнадзором)

О планах по созданию музея науки и техники при Большом новосибирском планетарии его экс-директор Сергей Масликов говорил задолго до того, как им заинтересовались следственные органы. У него и мысли не было притащить домой астрономические приборы, которые он приобретал за счет сдачи оборудования в аренду – все в музей, все детям, все в планетарий, которому он посвятил многие годы. Профессор Иркутского госуниверситета Сергей Язев рассказывает, чего добился Масликов и как начиналось его дело.

Новосибирску сильно повезло. В 2011 году, когда отмечалось 50-летие со дня полета в космос Юрия Гагарина, из федерального бюджета было выделено 200 млн рублей на строительство в городе современного планетария. Уже в феврале 2012 года он открыл двери для посетителей. Другим сибирским городам оставалось только завидовать – ничего подобного за Уралом еще не было.

Планы были еще масштабнее. Городские власти объявили, что планетарий – это лишь первая очередь большого образовательного и развлекательного комплекса на Ключ-Камышенском плато, в который позднее должен войти музей науки и техники. В последующие годы в проектах эта грандиозная площадка называлась то детский технопарк, то политехнический музей Sciberia, то региональный ресурсный центр, то просто – вторая очередь планетария.

Директором планетария назначили астронома Сергея Масликова – редкий случай, когда к руководству допустили человека, хорошо разбирающегося в вопросе. Это позволило быстро поставить учреждение на ноги. Планетарий стал изюминкой Новосибирска, поток посетителей превысил 100 тыс. в год. Сюда приглашали гостей города. На базе планетария прошли международные мероприятия – например, фестиваль «Кинокупол» в 2014 году и олимпиада по астрономии «Малая Медведица» для школьников в 2017-м.

Директор, прямо скажем, оказался неугомонным. Он не забывал про обещание властей развивать учреждение. Эти обещания подтверждали и новые руководители города и области. В 2015 году удалось даже пригласить министра образования и науки Дмитрия Ливанова, чтобы город мог продемонстрировать свои планы и заручиться поддержкой Москвы.

Директор планетария (справа) представляет проект Детского технопарка министру образования и науки Дмитрию Ливанову. Слева от министра – губернатор В. Ф. Городецкий, справа – мэр города А. Е. Локоть. Ноябрь 2015 г.

Обещания звучали с самых высоких трибун, но ничего не происходило. Чтобы сдвинуть ситуацию с мертвой точки, Сергей Масликов пошел на непопулярные в коллективе меры. В 2014 году он при поддержке руководства города создал в планетарии «Научный музей», но дело по-прежнему не продвигалось. Ну, нет в регионах денег на такие глобальные проекты для детей – если решение не принимается на самом высоком уровне.

Тогда директор заявил о программе-минимум и предложил создать на территории планетария отдельный павильон площадью 1 тыс кв. м. Такой павильон мог дать новое дыхание планетарию, в котором уже через пару лет после открытия не вмещались все детские коллективы. Для тысячи школьников, обучающихся в планетарии, имелось всего три небольших аудитории. Да и зачатки научного музея можно было разместить в новом павильоне. В 2017 году эту идею обещали рассмотреть в мэрии. Тем временем директор упорно занимался сбором экспонатов для будущего музея.

К моменту открытия планетария в нем имелся только один, хотя и внушительный, научный экспонат – маятник Фуко на подвесе в 15 метров в отдельно стоящей башне.

Ряд экспонатов появился в первый год работы – на это были выделены бюджетные средства для минимального наполнения объекта. С тех пор вот уже шесть лет экскурсоводы с гордостью демонстрируют посетителям в фойе перед входом в звездный зал черную дыру, плазменный шар, турбулентный шар, большой глобус Луны.

Больше таких подарков со стороны мэрии не было. К счастью, кое-что безвозмездно передали друзья планетария, заинтересованные в его развитии. Так появились солнечные часы на территории. Уникальный линзовый объектив диаметром 250 мм передал в планетарий институт гидродинамики СО РАН, коллекцию метеоритов – новосибирский любитель астрономии. Большие каменные глыбы, как образцы геологических пород, привезли из карьера Борок и Искитима.

Кое-какие экспонаты придумал сам Масликов, а изготовили их новосибирские мастера, например макеты марсохода и лунохода, модель малой планеты Новосибирск, уменьшенный макет телескопа Гершеля, а также физические экспонаты – маятник Максвелла, Ньютона. Трубофон для переговоров на расстоянии, как на подводной лодке, создали сотрудники планетария. Описания некоторых из этих экспонатов Масликов включил в свою книгу «Математика в планетарии».

Но директору и этого было мало. Хотелось иметь в планетарии не только макеты, но и настоящие научные инструменты прошлого. Их можно было приобрести у антикваров или через интернет-аукционы. Чтобы найти что-нибудь стоящее, Сергей Масликов регулярно обходил антикварные магазины и посещал воскресную тусовку антикваров в ДК имени Чкалова. Во время поездок в другие города первой целью был местный планетарий, второй – антиквары. Так в планетарии появились реальные оптические инструменты XIX века – военный бинокль, подзорная труба в кожаной оправе, и такие вещи, название которых не всякий слышал – гониометр, графометр, орери, не говоря уж об астролябиях – теперь их тут несколько.

Все это не было случайным увлечением Масликова. Он подтвердил это защитой в 2017 году кандидатской диссертации по истории астрономических инструментов. Несколько лет он занимался он изучением астролябий, стал вхож во многие музеи страны: Эрмитаж, Кунсткамера, московский Музей Востока. По-видимому, сегодня он самый квалифицированный специалист по астролябиям в мире. Из забвения были выведены астролябии, пролежавшие десятки лет в запасниках этих музеев. О некоторых из них Масликов опубликовал научные работы за рубежом, не говоря уж про российские публикации, включая популярные – в журналах «Земля и Вселенная» и «Кот Шрёдингера».

Гордостью директора стал действительно редкий инструмент, приобретенный по случаю в конце 2017 года. Это астрономический универсал АУ-01 – сверхточный теодолит весом 50 килограмм. С его помощью прежний владелец производил геодезическую привязку стартовых сооружений космодрома «Восточный». Хозяин ушел из жизни, а наследники стали распродавать имущество. Так АУ-01 попал в планетарий, да еще в комплекте с астрономическим хронометром и целым набором запасных частей, все в исправном состоянии – за 60 тыс. рублей. По оценке московских экспертов, он стоит как минимум в два раза дороже, а через десяток лет цены ему не будет – таких приборов в России всего два.

Нет сомнения, что когда-нибудь все это украсит будущий музей науки и техники в Новосибирске. Сам директор уверен, что рано или поздно власть вспомнит о своих обещаниях – жизнь заставит это сделать. А пока экспонаты размещались где придется. Места катастрофически не хватает. Многие экспонаты по этой причине не выставлены для посетителей планетария.

Временным решением стал летний павильон в виде купола, сооруженный на территории учреждения. Всего 300 кв. м полезной площади дали новый рывок в популяризации науки. Сейчас здесь размещается «Лаборатория профессора Вольтовича» вместе с познавательными экспонатами. Жаль, что зимой здесь не поработаешь, а зимы в Сибири длинные. Как ни крути, новый павильон нужен планетарию, как воздух.

Для некоторых покупок нужны были наличные средства, а их в муниципальном казенном учреждении не может быть по определению. Чтобы получить средства, Сергей Масликов задействовал стороннюю организацию. Когда-то, еще до того, как появилось учреждение, эта организация и была создана для помощи планетарию. Организация сдавала в аренду оборудование, востребованное в среде «киношников». «А зачем оно будет лежать без дела в перерывах между периодами его использования», – наивно думал директор. Тем более, что представители компаний, которым нужно было оборудование, буквально выпрашивали камеру, которую они больше нигде в Новосибирске найти не могли. В результате с помощью этой редкой камеры выполнено много интересных и полезных проектов. Все полученные средства директор тратил на нужды планетария. Все были довольны.

Но в один прекрасный момент деятельность директора была объявлена преступной. Сдавать оборудование в аренду он не имел права. И это действительно так. С точки зрения закона, лучше бы оно лежало вообще без движения – за это не наказывают. Так что все полученные таким образом средства стали называться взятками. Это был шок не только для Сергея Масликова, но и для всех, кто его знал. Слово «взятка» никак не вязалось с человеком, семья которого всегда вела очень скромный образ жизни. Дача – 17 кв. м в деревне Барлак, единственная потрепанная машина – 1995 года выпуска. Да что там говорить – мобильный телефон, которым пользуется директор, выпущен лет пять назад. И это портрет коррупционера?

Еще раз хочу повторить. Деньги, вырученные от сдачи в аренду оборудования, шли на нужды планетария. Это подтверждается и документами, и свидетельствами участников. Иначе непонятно, откуда взялись все эти объекты в экспозиции планетария. Но следствие, похоже, этот вопрос себе не задает.

Возможно, директор был неправ, когда не по правилам сдавал оборудование в аренду. Но что теперь делать с имуществом планетария (муниципального, между прочим, предприятия), которое приобретено на полученные деньги, по версии следствия – незаконно? Существует даже страшный термин – «легализация имущества, полученного преступным путем». Это имущество находится на балансе планетария и фактически принадлежит мэрии Новосибирска. Подчеркиваю еще раз – не в личном имуществе директора, а в муниципальной собственности. Сотни тысяч посетителей планетария в течении нескольких лет могли лицезреть эти экспонаты в выставочных витринах.

Наконец долгое расследование этого «преступления» завершено и дело передано в суд. Хочется верить, что «советский суд – самый справедливый суд в мире», и директора планетария накажут не очень строго, соразмерно «тяжести его преступления». Еще раз повторю, как в фильме «Берегись автомобиля»: он виноват, но он не виноват! Он действовал не в личных интересах. Вырученные от его деятельности средства направлялись, как в упомянутом фильме, детям – основным посетителям Большого новосибирского планетария, который становился все более интересным благодаря действиям его директора.

Остается добавить, что автор знает Масликова, теперь уже бывшего директора планетария, более десяти лет. О своих планах по созданию музея науки и техники он рассказывал задолго до того, как им заинтересовались следственные органы. О некоторых редких экспонатах он говорил с восторгом, присущим лишь очень увлеченным людям. У него и мысли не было притащить домой в личную коллекцию астрономические приборы, которые он находил и приобретал – все в музей, все в планетарий, которому он посвятил многие годы своей жизни.

Подобное, увы, может случиться со многими директорами образовательных организаций, неформально подходящими к своей работе. Почему для того, чтобы сделать хорошее дело, нужно обязательно нарушать закон – я искренне не понимаю. Похоже, что-то не в порядке с законодательством.

Сергей Язев, доктор физико-математических наук, профессор Иркутского государственного университета, директор астрономической обсерватории ИГУ, специально для Тайги.инфо

Взятки планетарного масштаба

Газета «Новая Сибирь», 7 августа 2020 г.

Почему мелкое дело бывшего руководителя планетария Сергея Масликова стало для правоохранителей настолько важным?

В Новосибирске есть небольшой, но симпатичный объект, которым город мог бы гордиться. Там интересный фасад, приятный сквер вокруг и потрясающий вид на город и реку. Но самое главное — назначение: это доброе и романтическое учреждение дополнительного образования посвящено звездам, небу, космосу и астрономии. Это планетарий.

Почему же мы им не гордимся? Потому что неловко. Там бывшего директора уже больше двух лет таскают по судам, прокуратурам и следователям.

Дело Масликова уже так детально описано, что по его материалам в будущем можно будет писать исторические исследования. Воссоздавать каждую минуту.

Сначала Сергей Масликов два месяца провел в СИЗО, потом четыре — под домашним арестом и далее — под подпиской о невыезде.

Спустя примерно год после задержания он сел на скамью подсудимых. С февраля до ноября 2019-го шли заседания, в ноябре прокуратура попросила ему три года колонии, а в декабре суд его оправдал. Но уже в январе 2020-го прокуратура затеяла апелляцию.

«Через два с лишним месяца неизвестности мне вручили дополнительное апелляционное представление. Прокурор по-прежнему считает приговор районного суда незаконным и необоснованным и просит областной суд отменить этот приговор, вернув дело в Октябрьский районный суд на новое рассмотрение в ином составе», — написал Сергей Масликов на своей странице в Facebook в марте.

Шел третий год истории. С точки зрения космоса это вообще не время.

В июне, сразу после того как Сергей Масликов перенес инфаркт, облсуд отправил дело астронома обратно в первую инстанцию. А теперь вот очередной поворот: 4 августа Октябрьский районный суд уже в новом составе, взглянув на новое обвинительное заключение, отправил документ обратно в прокуратуру.

Давайте делать ставки: сколько времени понадобится прокурорским, чтобы устранить недостатки, которые все эти два с половиной года вызывали вопросы как у судей, так и у просто внимательных людей, наблюдающих за делом? Наверняка не меньше месяца. Потом месяца два снова пройдет до заседания. Потом девять-десять месяцев, если как в прошлый раз, будут длиться слушания. То есть в лучшем случае до нового приговора еще год.

Ну вот как — как теперь можно пойти с ребенком в планетарий? Он спросит: а кто тот дядя, который все это сделал? И вам придется или врать, или ответить правду: вот уже три года его обвиняют во взятках, его уже один раз оправдывали, что, вообще-то, в

нашей стране бывает крайне редко, но потом дядя-прокурор решил, что никак нельзя упустить без наказания такого взяточника, и все началось сначала.

Юный новосибирец или, может быть, гость нашего города спросит: а что такое взятка? И ему придется рассказать: в деле Масликова этим словом называли средства, которые арендаторы муниципального имущества (видеокамеры, светового и звукового оборудования) платили в некоммерческую организацию. Взяткой же ему засчитали работу по переводу и озвучке зарубежных полнокупольных фильмов про черные дыры и загадки полярной ночи. В вашем разговоре с юным любителем астрономии это будет хороший ход: дальше можно будет рассказывать про черные дыры и полярные ночи, а тему коррупции больше до поры до времени не поднимать. Потому что ребенок все может неправильно понять и потом, скажем, станет крупным чиновником, будет брать настоящие крупные взятки, а думать, что делает что-то полезное.

По тому делу, по которому Масликова оправдали, следствие инкриминировало ему десять взяток на 650 тысяч рублей. Этих денег вряд ли хватило бы на одну годовую зарплату одного прокурорского работника. А им занимаются уже два с половиной года, да еще и не один, да еще и не только в прокуратуре.

Самое главное в этой истории – никто не может ответить на вопрос: в чем же это дело так принципиально? Может быть, когда-нибудь тот юный любитель астрономии докопается и до этого ответа. Если, конечно, на пути к этой цели не станет взяточником, полагая, что делает полезное для людей дело.

Константин КАНТЕРОВ, «Новая Сибирь», 7 августа 2020 г.

«Преступные» расходы государства

«Сибирь.Реалии», сайт www.sibreal.org, 7 декабря 2020 г. (в апреле 2022 года сайт был заблокирован Роскомнадзором)

Изучали ли сотрудники правоохранительных органов – прокуратуры, следствия, полиции – экономику? Задумываются ли они об эффективности своей работы с точки зрения государственного бюджета? Вряд ли. Подчас полиция так легко открывает уголовные дела по всяким пустякам, не считаясь с тем, во сколько обойдется это дело для страны. Вспомним шпионское дело за трекер для коровы, наркотическое дело о пищевом маке, дело о спасении краснокнижного ястреба и много еще чего бестолкового или абсурдного.

Рассмотрим конкретный пример. Вот уже более двух с половиной лет длится уголовное дело бывшего директора новосибирского планетария Сергея Масликова. Меня арестовали в феврале 2018 года и обвинили во взятках. Два месяца я отсидел в СИЗО и еще четыре месяца под домашним арестом. Около года длился суд. В декабре 2019 года я был оправдан районным судом, но прокуратура добилась отмены оправдательного приговора. Так что дело еще не окончено. Ограничимся анализом прошедшего периода. Исходные данные получены из сети интернет, из деклараций о доходах, которые ежегодно подают сотрудники силовых ведомств, и материалов моего дела.

Первыми за директора планетария взялись оперативные работники из отдела полиции по борьбе с коррупцией. Полгода они вели наблюдение за подозреваемым:

прослушивали телефоны, следили за передвижениями, собирали информацию на партнеров и коллег, членов семьи. Допустим, что такую работу выполнял один сотрудник низкой квалификации с зарплатой 30 тысяч рублей. Если он занимался «делом Масликова» только половину рабочего времени, за полгода «набежало» 90 тыс. руб. из бюджета.

Интенсивный период работы оперативников начался с проведения обысков в планетарии, в квартирах директора и бухгалтера, допросов 37 свидетелей, некоторых по два или три раза. Каждый допрос длился в среднем по три часа, включая время на подготовку, вызов свидетеля и оформление протоколов. В обысках участвовало не менее пяти сотрудников плюс двое понятых, в допросах – два или три сотрудника. Итого 400 человеко-часов или 2,5 человеко-месяца. Исходя из средней зарплаты 40 тыс. руб., получим суммарно 100 тыс. руб.

Командировки двух сотрудников в Москву для сбора информации о свидетелях – около 60 тыс. руб.

Затем следователь провел те же 37 допросов плюс очные ставки. Поскольку он работал один, он тратил по 4 часа на одного свидетеля. Плюс работа с обвиняемым. Итого 160 человеко-часов или полный рабочий месяц – 50 тыс. руб.

В конце 2018 года обвинение было утверждено в прокуратуре и направлено в суд. Это стало поводом для получения премий по итогам года за раскрытие 10 коррупционных преступлений, в которых обвинялся директор планетария. Премии получили оперативные работники, следователи, прокуроры, всего около 10 человек. По самым скромным оценкам, суммарно это 150 тыс. руб.

Содержание в СИЗО – зарплаты сотрудникам, питание заключенного, услуги ЖКХ (свет, вода, тепло) и т. д. общественный деятель Андрей Назаров оценивает в 30 тыс. руб. в месяц, так что за два месяца набегит 60 тыс. руб.

Содержание под домашним арестом – это зарплаты сотрудникам уголовно-исполнительной инспекции, круглосуточный мониторинг браслета, визиты сотрудников два раза в неделю, перевозки подопечного на автомобиле, амортизация оборудования. Это составит около 10 тыс. руб. в месяц, итого – 40 тыс. руб.

Далее рассмотрим работу прокуроров и судей. Судья провела 32 заседания в среднем по три часа, включая время на подготовку и оформление документов. Итого 96 человеко-часов. Исходя из зарплаты 170 тыс. руб. в месяц, это 100 тыс. руб.

Помощник прокурора с месячной зарплатой 100 тыс. руб., присутствовавший на всех заседаниях, отработал 60 человеко-часов, это 40 тыс. руб.

Добавим мелочи вроде зарплаты помощника судьи, заседание тройки судей в Областном суде, три заседания районного суда по мере пресечения, два заседания с участием адвоката по назначению, пять перевозок в автозаке, сорок пачек израсходованной канцелярской бумаги (по 500 листов), почтовые расходы (рассылка извещений), амортизация компьютерной техники... Оценим это в 50 тыс. руб.

Подведем итог. Государственные органы – полиция, следствие, прокуратура, суд, ФСИН, УИИ – совместно потратили на моё преследование 740 тыс. руб. из бюджета.

Дело не завершено. Оно вернулось в районный суд на новое рассмотрение. Так что сумма расходов будет еще расти.

Полученная сумма уже превышает сумму, которая фигурирует в обвинении. Меня обвиняют в нанесении ущерба мэрии на 700 тыс. руб. Это сумма, полученная от сдачи в аренду оборудования планетария. При этом суд выяснил, что деньги фактически вернулись в планетарий в виде имущества и услуг. Ну а что будет с суммой, потраченной государством? Бюджет уже никогда не получит ее обратно!

И это только одно дело. Таких дел, начатых без веских оснований, достаточно много. Поэтому речь идет о миллионах бюджетных рублей только в Новосибирской области и о миллиардах в масштабах России. А теперь вспомним, что бюджет на 30% формируется из налогов рядовых граждан.

Мы не оцениваем здесь косвенные потери, к которым можно отнести вклад в систему образования города, который я мог бы сделать за потерянное время. Это также имиджевые потери для планетария и города в целом. Это недовольство людей от явно несправедливых действий силовых органов. Это налоги, которые я не уплатил, лишившись зарплаты. Это психологические травмы моих несовершеннолетних детей. Это, наконец, моё собственное здоровье и стоимость лечения после перенесенного инфаркта.

С другой стороны, допустим, таких дел не будет. Нагрузка на весь силовой аппарат сократится. Что тогда делать: снижать зарплаты сотрудникам? Или проводить сокращения? Государство в этом не заинтересовано! Государство должно обеспечить занятость силовиков. Поэтому бестолковые дела, такие, как, например, уголовное дело против школьника, подделавшего отметки в классном журнале, будут появляться и дальше.

Сергей Масликов – астроном, бывший директор Новосибирского планетария.

ОБ АВТОРЕ

Масликов Сергей Юрьевич, 1959 года рождения. Живёт в Новосибирске с 2002 года, ранее жил в Томске. Занимался наукой, работал в нескольких планетариях, издавал книги, создавал веб-сайты, защитил кандидатскую диссертацию по истории астрономии (2017). Автор научно-популярных книг и научных статей. С 2011 года по приглашению мэра города возглавил построенный в Новосибирске планетарий. В течение шести лет развивал его. Один из организаторов ежегодного Сибирского астрономического форума «СибАстро» (с 2006 г.). Работу прервал арест 5 февраля 2018 года. Судебное преследование длилось четыре года, вплоть до марта 2022-го. Об этом и рассказано в книге.